

Колдовские
МИРЫ

БРАК – ОСНОВНАЯ ПРИЧИНА РАЗВОДОВ

Татьяна
Коростышевская

ОПОМНИСЬ,
ФИЛОМЕНА!

Annotation

Кто только не прячется под карнавальными масками Аквадораты! Древние вампиры, интриганы и заговорщики... Даже его сиятельство дож любит прогуляться под видом простого капитана. Разве может благородная дона Филомена Саламандер-Арденте не отправиться за своей порцией любви и приключений, надев маску, под которой ее точно никто не узнает?

- [Татьяна Георгиевна Коростышевская](#)

-
- [Глава 1](#)
- [Глава 2](#)
- [Глава 3](#)
- [Глава 4](#)
- [Глава 5](#)
- [Глава 6](#)
- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)
- [Эпилог](#)

- [notes](#)

- [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
-

Татьяна Георгиевна Коростышевская

Опомнись, Филомена!

* * *

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

© Коростышевская Т. Г., 2021

© Оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2021

Глава 1

Война мышей и саламандр

Самый темный ночной час, когда законопослушные обыватели спят в своих кроватях, а лиходеи в отсутствие первых спят в своих, у порога мрачного дома, что на улице Трех Лун, раздался плеск весла. Гондола с потушенным фонарем приблизилась, и одетая в черное фигура тяжело запрыгнула на каменный парапет. Дверной молоток стукнул раз, другой, скрипнула дверца смотрового окошка.

– Сеют ли в ваших краях семена... – Посетитель чертыхнулся, откашлялся и начал заново: – Сеют ли в ваших краях семена желтого аира, зеленого аниса и синего хумуса?

За окошком молчали. Фигура в черном изогнулась, у края рукава зажегся огонек, осветивший другую руку закутанного в балахон мужчины, к слову, довольно пузатого.

– Простите, брат-шестой. Аир, конечно же, зеленый, анис – желтый, а синий... Е-ли-ледж?!

Шпаргалка была предусмотрительно написана чернилами на ладони посетителя.

– Их засевают в сердцах верных, – недовольно ответил привратник, и дверь распахнулась ровно настолько, чтоб пузан мог в нее протиснуться.

Все тайные общества во всех обитаемых мирах похожи друг на друга, особенно в страсти к посевной терминологии. Еще члены их скрывают свои лица и имена и выбирают для тайных встреч самые темные часы ночей.

Члены конкретно этого общества заседали в подвале и ожидали лишь прибытия своего десятого члена, того самого предусмотрительного толстяка. Под низкими сводами зашелестели приветствия и упреки.

– Я собрал вас нынче, братья, – начал первый, сидящий во главе овального деревянного стола, на котором лежало нечто, накрытое до времени парчовым покрывалом, – потому что час наш близок.

– При всем уважении, – четвертый брат славился своей сварливостью, – в прошлый раз вы говорили то же самое, когда

старикан Дендуло отбрасывал копыта в спальне своего дворца, а горожане стонали на площадях, сожалея о кончине «душки дожа».

– И если бы четвертый брат распорядился своим голосом так, как было договорено... – начал язвительно брат-второй.

– И если бы десятый...

– Мы получили бы уже своего карманного правителя!

– Трусость!

– Измена. Каждый хотел чужими руками жар загребать.

– Тишина! – велел первый, и его окрик заставил присутствующих замолчать. – Претензии будете высказывать друг другу в своих гостиных. Изменники покараны, и больше к этой теме мы возвращаться не будем.

Присутствующие осторожно выглянули из-под низких капюшонов, пересчитывая соседей. За столом из «Другого Совета десяти» сейчас сидело только девять человек.

– Как давно? – осторожно пискнул десятый. – То есть хотелось бы знать, когда произошла... гм-м... км-м... экзекуция?

Первый жестом фокусника сдержнул парчовое покрывало.

– Это синьор Ко... – начал десятый, глядя на мертвую человеческую голову в центре стола.

– Тишина!

И тишина наступила, испуганная и густая, как патока.

– Надеюсь, следующие выборы пройдут к нашему всеобщему удовольствию.

– Но дож Муэрте молод и полон сил. – Четвертого брата мертвые головы не пугали, он на них без счета насмотрелся. – До следующих выборов доживут лишь самые юные из нас.

– Дождь скоро нас покинет. – Брат-первый медленно повел головой, будто осматривая соратников раструбом капюшона.

– Но покушения проваливаются одно за другим! Хитрый мальчишка разбирается в ядах и приставил пробовать свою еду сыновей всех аристократических фамилий города!

– У Муэрте тоже есть слабости.

– Женщины? – фыркнул четвертый. – Мы пытались, но...

– Его пожрет гнев моря.

«Другой Совет десяти» разошелся под утро. Члены его по одному покидали дом в неприметных бесфонарных гондолах.

Синьор Артуро Копальди выбрался из-под стола, когда плеск весла последней гондолы замер в отдалении.

– Шея затекла, – сообщил он брату-первому, уже снявшему капюшон и разливающему по бокалам вино из пузатой бутылки. – Дырку пропилить можно было бы и побольше.

– В следующий раз пили сам. – Главный заговорщик подал бокал. – Хотя в другой раз надо будет изобрести что-нибудь новенькое. Они, конечно, болваны, но не идиоты же.

– Не унижай подданных. – Копальди пил, жмурясь от удовольствия. – Даже светочу разума не пришло бы в голову, что тайное общество злоумышлений против дожа возглавляет сам дож.

Синьор Муэрте скривился:

– Представляешь? И это сам!

– И шапка!

– Проклятая шапка! Она давит на голову!

– О, про настоящее давление тебе много может поведать моя шея.

Они расхохотались, сразу будто сбросив десяток лет, оказавшись молодыми, не разменявшими еще четвертого десятка людьми.

* * *

Королеву делает свита, решила я, изображая всем видом вдохновенный восторг. Маэстро Калявани как раз извлек из инструмента первый пронзительный звук, и я знала, что его цепкие глазенки, полуприкрытые в творческом экстазе, наблюдают за нами. Музыка я вовсе не обожаю, зато знаю, сколь ценно музыканту восхищение слушателей.

«Рыбы вы снулые, – скажет после маэстро, – берите пример с синьорины Саламандер-Арденте, вот кто умеет чувствовать!» А я покраснею, опущу глаза, ощутив зависть униженных товарок. Синьор Калявани с его волшебной виолой пользовался на материке столь бешеной популярностью и обошелся городской казне в столь кругленькую сумму, что вздорная сварливость музыканта прощалась. Сейчас в классной комнате сидело два десятка дочерей самых аристократических и богатых фамилий Аквадораты, и каждая из синьорин стерпит от старого пенька любую гадость.

Каждая, кроме Филомены Саламандер-Арденте, то есть кроме меня.

Виола стонала. Я продолжала лениво размышлять. О свите, которая делает королеву. Саламандер-Арденте не могли похвастаться ни особым богатством, ни родовитостью. По крайней мере здесь, в «Златых водах». Именно так дословно переводится название нашего благословенного города-государства. Здесь обитают толстосумы не в первом и даже не во втором поколении, и плевать, что предки достойных купцов оставили им состояния, сколоченные пиратством и разбоем.

Папаши-лиходея принято стыдиться, дедушка же, за жизнь свою сгубивший сотни невинных душ и потрошивший трюмы захваченных галеонов, вызывает умиление. Портрет лихого пирата заказывают маститым художникам и вешают на видное место в гостиной. Мой дедушка разводил саламандр. И прадедушка. И так далее, до самой верхушки семейного древа. Разумеется, не обычных, а огненных, иначе, боюсь, сейчас я не сидела бы в классной комнате «Нобиле-колледже-рагацце», школы для благородных девиц, а выгребала бы саламандровый навоз из саламандровых стойл на материке, ну или что там выгребают. Огненные же саламандры – существа волшебные, прихотливые и востребованные, и да, навоза не производят, извергая наружу пламя.

Классная саламандра лежала сейчас в камине, свернувшись калачиком на тлеющих углях. Крупный метис, так называемый саламандер ординарис. Потратившись на учителя музыки, школе приходилось экономить на всем остальном, уж городской совет об этом позаботился.

Я отвела взгляд от камина и прижала к груди молитвенно сложенные руки. Синьор Калявани как раз выводил сложный пассаж. Одна из его щек так сильно вжималась в лаковый бок виолы, что кожа побелела и сложилась плоеными складками. Сидящая впереди меня Маура да Риальто мелко затрясла плечами, сдерживая смех. Она вообще смешливая, эта пухленькая блондинка с круглыми, будто от вечного удивления, глазами.

Я незаметно дернула завитой белокурый локон, призывая подругу к порядку. Вторая моя «фрейлина» – смуглая синьорина Маламоко, чей столик стоял в другом ряду, у одного из высоких окон, подмигнула мне

черным хитрым глазом. Род Маламоко исправно поставлял членов в надзирающий за тайными делами Совет десяти, наверное с момента основания города, так что хитрость Карлы была чертой семейной. Другим ее полезным мне свойством была информированность. Подруг я выбрала тщательно.

Мелодия закончилась оглушительным стаккато. Синьор Калявани отвел смычок и замер, давая звукам впитаться в тишину.

– Bravo! – проартикулировала я губами. – Волшебно... невероятно...

– Рыбы вы снулые, – сказал маэстро. – Берите пример с синьорины Раффаэле, вот кто умеет чувствовать!

Раффаэле? Кто это, морской кракен ее раздери?

Медленно, очень медленно я обернулась, найдя взглядом фигурку в сером, мышинового цвета, платье. Новенькая ученица съежилась за своей последней партой, будто пытаюсь спрятаться от чужого внимания. Щеки ее смущенно алели, карие глаза с мольбой воззрились на учителя.

Мышь!

– Дитя мое, – продолжал Калявани, – одна маленькая птичка шепнула мне, что ваше владение инструментом безупречно.

Опустив взгляд, мышь возразила:

– Маэстро Пикколо, мой прежний учитель, слишком добр ко мне.

Калявани протянул вперед инструмент:

– Синьорина Паола, прошу.

Девушка подчинилась. Медленно, будто на плаху, она подошла к маэстро, приняла виолу, тряхнула головой, убирая с плеча тяжелый русый локон.

Я покосилась на Карлу, та пошевелила бровями. Значит, на перерыве я узнаю всю подноготную моей новой неожиданной соперницы. Звание лучшей ученицы «Нобиле-колледже-рагацце» далось мне непросто, и я не собиралась его терять.

Паола Раффаэле резко бросила смычок на струны, подняв в воздух облачко канифоли, и страстная мелодия рыбацкой сетью опутала присутствующих, сжала, лишая способности сопротивления.

Когда музыка стихла, на несколько минут воцарилась ошеломленная тишина, сменившаяся аплодисментами. Я тоже

хлопала, вовсе не от восторга. Пусть все видят, что синьорина Саламандер-Арденте – не мелочная завистница.

На овациях урок закончился, девушки потянулись к выходу из класса.

– Бедняжка Филомена, – протянула Бьянка Сальваторе, расчетливо столкнувшись со мной в дверях, – наверное, трудно смириться с поражением?

– Не сложнее, чем тебе избавиться от веснушек, дорогая, – вздохнула я сочувственно. – Лимонный сок, как я вижу, лишь иссушил твое личико.

Свита синьорины Сальваторе едва сдерживала смешки. Мода аквадоратских дам предписывала им быть светлокожими и рыжеволосыми, поэтому Бьянка проводила долгие полуденные часы в солярии, расправив свои каштановые кудри поверх полей плетеной шляпы. Но солнце беспощадно, оно одарило носик и щеки синьорины коричневыми пятнышками.

Отодвинув Бьянку плечом, я вышла в коридор, не забыв тряхнуть волосами с расчетом, чтоб моя светло-рыжая грива хлестнула обидчицу по лицу.

Уж мне-то лишний раз жариться на солнце не требовалось.

– Аквадоратская львица в гневе? – спросила Карла, нагоняя меня под аркой, спускающейся в сад лестницы. – Сальваторе рыдает на подоконнике.

– Слезы ей к лицу, – фыркнула я, выбирая скамью в тени розовых кустов и усаживаясь на нее. – Где Маура?

– Остановилась поболтать с новенькой, синьориной Паолой. – Карла тоже присела и поставила между нами изящную корзинку с завтраком.

– И каким ветром занесло к нам столь одаренную музыкантшу?

Школьная кухарка происходила из Маламоко и собирала Карле столь объемные перекусы, что уже который год мы делили их на троих.

– Торговый дом Раффаэле. – Карла накрыла кусочек чиабаты толстым ломтем мягкого сыра. – Пряности, диковинки, экзотическая древесина из южных колоний.

– Богаты?

– Более чем. Синьорина Паола занимает одну из первых строчек в списке богатых невест. Подозреваю, что...

Поверх сыра расположился строй оливок и веточка зелени. Карла неприлично широко открыла рот и откусила от этой башни изрядную часть.

– Я не ревную.

Пояснения мои перекрывались чавканьем. Уж чем-чем, а приличиями моя подруга не заботилась, по крайней мере наедине. Покушать она любила, что нисколько не вредило ее сухощавой изящной фигуре. Маура, к примеру, клевала, как птичка, ограничивала себя буквально во всем, но выглядела при этом сдобной булочкой. Я находилась на средней позиции – ростом повыше синьорины да Риальто, но ниже Маламото, пышнее последней.

Мы трое представляли собой, если так можно выразиться, комплект всех возможных женских прелестей. Брюнетка, блондинка, рыжая, с черными, голубыми и аквамаринными глазами, соответственно. Неявный девичий закон гласил, что в подруги себе следует выбирать дурнушек, чтоб выгодно выделяться на их фоне. Я же выбрала красавиц и не прогадала. Наше трио было столь прелестно, что каждая из нас казалась окружающим еще красивее.

Нам было по шестнадцать, когда мы оказались в «Нобиле-колледже-рагацце», учрежденном прежним дожем для обучения наукам и искусствам дочерей благородных фамилий. На материке образованием женщин не занимались, и Аквадората немало гордилась прогрессивным нововведением.

Я тогда только начинала утрачивать подростковую угловатость и робела в компании более титулованных и нарядных синьорин. Как оказалось, робость в девичьей компании является грехом непростительным. В первый же день меня подстерегли в темном коридоре, ведущем к дортуарам, и вознамерились проучить.

– Безродные крестьяне подобны домашнему скоту, – сообщила мне Бьянка, поигрывая серебряным кинжалом, до этого момента скрытым в изящном веере, – а коров принято клеймить. Сейчас мы исполним этот древний обычай, не будь я маркизетой Сальваторе.

К несчастью последней, маркизет, дочерей маркизов, видимо, не обучали искусству кулачного боя. А у Филомены Саламандер-Арденте было пять старших братьев. Кинжал я храню в резной шкатулке у

изголовья вот уже три года. А ножны-веер, по слухам, Бьянка сожгла в камине в ту самую ночь, прижимая к лиловому глазу наполненный льдом коровий пузырь.

Карла подошла ко мне первой и предложила стать соседками по комнате. Третьей с нами оказалась Маура, сотрясаемая рыданиями от разлуки с матушкой.

Так у меня появились подруги. Теперь-то я могу говорить, что сама, дальновидно и расчетливо, выбрала их, но случай и судьба сыграли тут не последнюю роль.

Маура да Риальто происходила из богатейшей аквадоратской фамилии, настолько состоятельной, что маркизета Сальваторе могла лишь скрипеть зубами в бессильной злобе. Карла говорила, что от титула дожа на последних выборах батюшку Мауры отделяло каких-то два голоса.

Итак, мы поселились втроем и на занятиях старались держаться вместе. Я дралась еще дважды, оба раза моими соперницами были науськанные Бьянкой девицы, отрабатывающие наказ без огонька и задора. Но после того, как Карле Маламоко удалось передать послание одному из своих кузенов и получить ответ, нападения прекратились. Информация, которой нас одарили, оказалась столь пикантной, что самомнение синьорины Сальваторе лопнуло мыльным пузырем.

Жизнь в школе скорее можно было назвать выживанием. Мы столкнулись с неравным отношением учителей, унижением, поборами. Нас учили музыке и рисованию, истории, литературе, астрологии и искусству составления ароматов, беседам и политесу, риторике и танцам. Я хотела стать лучшей. В конце концов, это было единственным для меня шансом на достойную партию. А когда на первом школьном балу Маура представила мне тридцатилетнего на тот момент Эдуардо да Риальто, своего старшего брата, я поняла, за кого именно выйду замуж. Золотистые волосы Эдуардо, голубые глаза Эдуардо, твердая рука Эдуардо на моей талии вот уже почти три года были в моих мечтах.

И я стала лучшей. Ночами зубрила даты и имена, названия созвездий, фигуры танцев, титулования и обращения. Ни в чем я не была талантлива, оказавшись хороша во всем. Учителя меня обожали, соперницы завидовали, подруги составляли свиту негласной королевы «Нобиле-колледже-рагацце». Впереди нас ждал осенний бал, после

которого мы выпорхнем во взрослую жизнь, шурша дипломами выпускниц и рекомендательными письмами, а у меня на пальце еще будет поблескивать кольцо Эдуардо. Потому что на балу я объяснюсь и получу предложение.

Это будет наша девятая встреча. На память о каждой я хранила что-то в шкатулке у изголовья. Первый осенний бал – носовой платок, который синьор да Риальто подал мне с пола, зимний – жемчужные сережки, которые он похвалил, весенний – перчатка... Кинжал Бьянки уже давно погребен под ворохом памятных вещиц. Особое место среди них занимает веточка омелы, под которой мы с Эдуардо поцеловались.

Скрывать свои чувства от подруг мне удалось недолго. Карла саркастично расхохоталась, заметив, как я вывожу на полях тетради вензеля «Э» и «Р», а Маура всхлипнула и, обняв меня, сообщила, что будет рада такой невестке.

Три года я любила и была верна, изводя «фрейлин» беседами о предмете страсти, те же выказали неприличную ветреность. Впрочем, присущую всем ученицам «Нобиле-колледже-рагацце». Мужчины школу посещали не часто, но каждый из них становился объектом томных взглядов и девичьего кокетства. Даже зеленщик, плотник и пожилой учитель музыки маэстро Калявани. Что же происходило, когда объявлялись вакансии и у порога школы выстраивалась вереница гондол с братьями и кузенами, разбирающих учениц по домам, не поддавалось описанию.

У меня пять братьев: Филомен, Филидор, Филиппо и Франциско, Флоримон. И трое младших – близнецы Филиппо и Франциско, и Флоримон, – всего годом старше меня, получили за эти годы такое количество любовных посланий, что могли бы на манер шпалер оклеить ими гостиную дома Саламандер. И ограничились лишь гостинкой просто потому, что Филомен Саламандер-Арденте более пяти лет бороздит южные моря в чине капитана, а Филидор преподает на материке в университете.

Из многочисленных повторений имен, начинающихся на «Ф», можно сделать вывод, что достойные мои родители, во-первых, обладают неординарным чувством юмора, а во-вторых, очень хотели произвести на свет девочку, поэтому изящно закольцевали отпрысков Филоменой, женским вариантом имени первенца.

– Однако, – прожевав, Карла отвлекла меня от воспоминаний, – забавно, что Паола Раффаэле появилась в нашей школе за полтора месяца до выпуска.

Информированность синьорины Маламоко объяснялась тем, что вчера вечером она в очередной раз сбежала на свидание с одним из своих многочисленных кузенов. И мы с Маурой до четырех утра по очереди дежурили у двери, прислушиваясь к плеску весел, чтоб незаметно вернуть беглянку в спальню.

– Продолжай, – попросила я, ощипывая гроздь винограда.

Мауре грозило остаться без завтрака, но она сама виновата.

– Как думаешь, сколько ей может быть лет?

– Не больше двадцати, – я поморщилась от кислого вкуса, – как и всем нам.

– Двадцать пять не хочешь?

Я ахнула, а синьорина Маламоко торжествующе продолжала:

– В колониях у нее, по слухам, случился пылкий роман с неким капитаном, и папаша притащил дочурку в столицу, чтоб сбить с рук, пока товар совсем не испортился.

– Товар попорчен? – переспросила я многозначительно.

Карла пожала плечами:

– Точно никто, кроме нее, не скажет, но дело там дошло до клятв и обмена кольцами. Че... то есть кузен...

– Подруги называется! – пронзительный возглас синьорины да Риальто, сбегающей по ступеням, заставил Карлу замолчать. – Ничего мне не оставили?

Я посмотрела на ощипанную кисть винограда и покраснела. Маура подбежала к скамье и стала рыться в корзинке. Там обнаружился обломок чиабаты, и девушка немедленно им захрустела.

Карла отряхнула с пальцев крошки.

– Ты хорошо знакома с синьориной Раффаэле?

– Прошлым летом в путешествии мы остановились на острове Помо-Комо у тамошнего губернатора.

Карла и я забросали подругу вопросами, на которые получали слегка невнятные из-за булки ответы.

Да, Паоле крепко за двадцать, и нет, раньше она не изображала всем своим видом серую мышку, напротив, слыла красавицей и умницей, каких мало. Завела на своем острове салон, где собирался

весь свет искусств и литературы, занесенный ветром путешествий в колонии. Мауру тогда сочла легкомысленной пустышкой, едва удостоила беседой.

– Теперь лебезит, – хихикнула синьорина да Риальто, расправившись с чабатой, – просит опекать в новой школьной жизни. А школы той меньше двух месяцев осталось.

– Надеюсь, ты проявила радушие и приветливость? – строго спросила Карла.

– Вот еще! – фыркнула Маура. – Все ей припомнила. И шпильки ее обидные в мой адрес, и то, что она, презрев обязанности хозяйки, не обеспечила меня партнерами в танцах, заграбастав всех себе, и неприглашение на лодочную прогулку. Все!

– Подожди, – сказала я, – твои претензии могут касаться хозяйки поместья, а вовсе не дочери.

– Она и была хозяйкой! Филомена, в колониях нравы менее строги, чем в столице, к тому же синьор Раффаэле – вдовец, поэтому всем заправляла дочурка.

Маура поискала глазами, что еще пожевать, не нашла и приблизилась к питьевому фонтанчику, накрыв его губами.

Мы с Карлой переглянулись. Новая соперница нравилась мне все меньше.

Школьный колокол возвестил окончание паузы.

– Будем наблюдать, – решила синьорина Маламоко.

К полудню раздражение мое достигло точки кипения. Паола Раффаэле щадить соперниц не собиралась. На каждом уроке она нашла повод продемонстрировать свои таланты. Стихосложение? Легкая победа в импровизации. История? Цитирование по памяти древних трактатов. Риторика? И тут Паоле не было равных. Прочие ученицы явно ожидали, когда в схватку вступлю я.

– Мы теряем авторитет, – прошептала Маура за обедом, наблюдая, как Бьянка привечает новенькую, предлагая той кушанья. – Придумай что-нибудь.

– Филомена, остынь, – шептала в другое ухо Карла. – Бить надо наверняка.

Обе они были правы. Послеобеденную сиесту я решила посвятить размышлениям. Думать, лежа в теньке под навесом, укрывшим часть солярия, получалось плохо. Поэтому, пока девушки лениво болтали

или дремали, переживая самое жаркое время, отправилась бродить по школе. Обычай сестры в Аквадорате соблюдают все.

Меряя шагами пустые коридоры и лестницы, я думала.

Взрослая образованная девушка, которой является синьорина Раффаэле, даст мне сто очков вперед. Что и было всем нынче предьявлено. Оставить все как есть, и будь что будет. Ну что страшного, если Саламандер-Арденте сдвинется с первой на вторую строчку успеваемости? Всего лишь не получу отличительного знака и не мое имя выбьют на мраморной стене почета. Карарский мрамор пока был девственно чист, и быть на нем первой – так сказать, первой из первых – было бы крайне лестно. А еще Эдуардо... Будет ли достойна его вторая?

– Филомена? – прошелестел под сводами голос сестры Аннунциаты.

Обернувшись на звук, я увидела полуоткрытую дверь школьной библиотеки.

– Ты снова презрела отдых?

Войдя в библиотеку, я присела в поклоне:

– Простите, госпожа директриса, нынче не получается себя обуздать.

Монашка сложила сухие ладони поверх листов раскрытой книги.

– На уроке литературы ты показалась мне слишком тихой.

– Внутри меня бушует пламя.

Сестра Аннунциата покачала головой в монашьем клобуке:

– И, кажется, причина пожара мне известна. А тебе, дитя, известно, что гордыня – смертный грех?

Повинно опустив голову, я молчала. Директрису я уважала безмерно, единственную среди учителей. Сестра Аннунциата приходилась дальней родственницей покойному дожу Дендуло, и именно он приставил ее руководить «Нобиле-колледже-рагацце». Сан благородная донна приняла в юном возрасте, и грех стяжательства был ей чужд, а еще она была поэтессой, довольно известной даже за пределами Аквадораты.

– Саламандер-Арденте, – после паузы прошелестела монашка, – горячие и необузданные... Покайся, дитя.

Опустившись на колени у кресла, я покаялась: сначала в гордыне, после в зависти и дурных словах, напоследок признавшись в

мелькнувшей мысли закончить соперничество с Паолой физическим устранением последней.

– Не больше чем на минуту, матушка, но мысль такая меня посетила. Помните, в прошлом году синьорина Фози сломала ногу, упав с лестницы, и покинула школу?

– Вместе с той девицей, которая ее толкнула.

– Потому что надо было не толкать, а налить чуть оливкового масла на третью ступень сверху...

Я запнулась, потому что над моей склоненной макушкой раздалось явственное хихиканье:

– Филомена, у тебя преступный ум!

Вот и кайся после такого! Во-первых, действительно не больше минуты я эту операцию планировала, а во-вторых, призналась же!

– К счастью для «Нобиле-колледже-рагацце» и человечества в целом, твой преступный ум не подкреплён злодейскими наклонностями.

Это да, воплоти я хотя бы один из время от времени всплывающих в моем сознании планов, школа уже лежала бы в руинах. Злодейские мои прозрения иногда шли на пользу. После одного из покаяний сестра Аннунциата выбила из Совета сумму, достаточную на ремонт восточной башенки, обрушение которой было возможно легким толчком прогнившей несущей балки, после другого – установила засовы на двери черного хода и велела очистить декоративный прудик во внутреннем дворе, в котором при желании можно было бы топить неугодных пачками.

– Я не знаю, что делать, матушка. Правда не знаю. Годы работы пошли насмарку. Моя слабость повлечет нападки на подруг.

– Ты размышляешь, как правитель.

– Маленький.

– Два месяца, Филомена. Сомневаюсь, что за столь короткий срок синьорины да Риальто и Маламоко так уж пострадают.

– Но это произойдет из-за меня!

Светло-карие глаза директрисы были полны родительской доброты:

– Продолжай. Представь, что сейчас проходит занятие по риторике и твое задание – убедить оппонента.

– Сложившаяся ситуация несет угрозу стабильности, – после паузы твердо проговорила я. – Смена актеров за два месяца до финала посеет хаос и усилит соперничество многих. На волнах неразберихи к вершине вполне может вознестись особа, нисколько вершины не достойная.

– Поэтому?

– Я вступлю в борьбу даже без уверенности в победе.

– Для чего?

– Дуэль двоих отвлечет и увлечет прочих, мои «фрейлины» будут выведены из-под удара.

Я на мгновение смешалась, потому что слово «фрейлины» вслух прозвучало впервые, и сестра Аннунциата вполне могла опять упрекнуть меня в гордыне. Но упреков не последовало.

– Похоже на политическую интригу.

– Вся жизнь – политика, а политика – интриги.

Директриса после паузы кивнула:

– Тогда, Филомена Саламандер-Арденте, я подарю тебе не оружие, но надежду. – Она взяла со стола раскрытую книгу и развернула ее, уложив на свои колени. – Читай.

Это был сборник стихов, и глаза мои быстро заскользили по коротким строчкам.

– Узнала?

– Это та самая импровизация, которой синьора Раффаэле сразила синьору Годинели в поединке? Матушка, но вы присудили Паоле победу!

– Хотелось посмотреть, как далеко простирается подлость человеческая.

– Ах.

– Слово в слово! Эта... – тут прозвучало нечто, что из уст монашки услышать не предполагаешь, – выдала за свою импровизацию мои стихи!

Осторожно перевернув обложку, я прочла имя автора:

– Аннуцио да Габриэле?

– Псевдоним.

Карие глаза метали молнии. Мне подумалось, что, если сестра Аннунциата лишена всех человеческих пороков, поэтессе не чуждо тщеславие. А еще, что Паола сильна лишь знаниями, а не мастерством.

Библиотеку я покинула окрыленной, и крылья мои были крыльями ангела мщения.

Их слегка помяли, когда меня попытались столкнуть с лестницы по дороге в класс. Но тихоня Годинели действовала столь неловко, что упала сама и скатилась бы по ступеням, не ухвати я ее за локоть.

– Будешь должна, злодейка, – шепнула я, одарив дрожащую девицу хищной улыбкой.

– Отдежурю за тебя на кухне.

– И будешь это делать вплоть до выпуска.

Синьорина Годинели погрузилась в задумчивость, так что пришлось сжать ее локоть изо всех сил.

– Да, Филомена!

– То-то же!

В классную комнату я вошла быстрым уверенным шагом и заняла место позади Мауры. Астрономию и астрологию нам преподавала синьора Ванессо, вдова морского капитана, манеры свои, видимо унаследовавшая от супруга. Ее громкий командирский голос вводил в трепет слабых духом.

– Сесть на весла! – начала урок капитанша. – Звезды моря посреди земли.

Выделиться на ее занятиях было делом нелегким. Обычно они состояли из быстрого опроса, краткой лекции и заключительного опроса, уже по теме лекции.

– Главное навигационное созвездие. – Синьора Ванессо ткнула пальцем в Мауру. – Ты.

– Миндаль, – подсказала я шепотом.

Синьорина да Риальто быстро ответила, заслужив одобрительный кивок.

– Другое название? – Кончик пальца указал на меня.

– Южный крест.

Опрос продолжался, и когда дошел до Паолы, та совершила ошибку, начала отвечать пространно и многословно.

– Суши весла, – фыркнула учительница, – мы здесь не рукоделием занимаемся.

Вспыхнув, синьорина Раффаэле возразила, что в «Нобиле-колледже-рагацце» готовят не моряков, а жен для аристократов, выйдя из образа скромницы и немало разозлив капитаншу. Та сообщила, чем

именно, по ее мнению, занимаются жены, и изгнала Паолу из классной комнаты.

Занятно, но ненавидящим взглядом изгнанница одарила именно меня, обернувшись от двери. Меня! Которая сидела ниже травы тише воды и только сочувственно вздыхала. Ну, может, подмигнула и показала язык, но разве способна невинная гримаска вызвать столь откровенную злобу?

На уроке хозяйственной арифметики новенькая попыталась блеснуть, продемонстрировав способность справляться в уме с большими числами. Но так как задание заключалось в сведении баланса прибыли и расходов, рисовка была лишней. Я царапала цифры на бумаге, зато не забыла вычесть из суммы нововведенный налог за уборку мусора, чем заслужила похвалу пожилой донны Дундели.

– Вы станете хорошей супругой любому аквадоратскому купцу, синьорина Филомена, – сказала она, – приумножающей семейные богатства.

Карла со своего места изобразила бесшумные аплодисменты в мою сторону.

К последнему уроку в школу вернулся маэстро Калявани. Разбившись на пары, мы кружились в танцевальной зале под присмотром синьоры Грацио, дамы выдающихся внешних качеств и бурного балетного прошлого. В партнерши мне досталась крошечная Лили По, в первые же минуты сбившаяся с шага.

– Лили, – шепнула я, – деточка, не пытайся изображать мужчину. Позволь вести мне.

И, когда синьорина По вняла совету, дело пошло на лад настолько, что последним танцем меня удостоила сама Грацио.

– Три-три, – обмахиваясь веером после урока, сообщила Карла. – Мы вышли на ничью.

Я-то знала, что сегодня мы выиграли, потому что победа синьорины Раффаэле в риторике очков ей не принесла.

– Отчего же матушка во всеуслышанье не разоблачила подлог? – поинтересовалась Маура.

– Сестра Аннунциата – мудрая женщина, даже мудрейшая, и не идет на поводу сиюминутных желаний.

– Опять политика... – Синьорина да Риальто зевнула, прикрыв розовый рот ладошкой. – Можешь не продолжать, Филомена.

После ужина все девицы по обыкновению собрались в общей гостиной, места и местечки которой были распределены в соответствии со строгой школьной иерархией. Центральный оконный альков с широким подоконником и россыпью подушек на нем принадлежал Аквадоратской львице, то есть мне, ну и, разумеется, моим «фрейлинам». Прозвище я сочинила себе сама, потому что, если столь важное дело пустить на самотек, можно оказаться Рыжей бестией или Драчуньей. А после, хоть убейся, кличка прилипнет намертво. Предвосхищать события – качество, которое я ценила в себе превыше прочих.

Устроившись на подоконнике с ногами, я разложила на коленях рукоделие. Многие ученицы последовали моему примеру, то есть раскрыли шкатулки и корзинки с золотистой канителью, сотнями локтей лент и шелков, пайетками, блестками, мишурой. Подразумевалось, что эти богатства со временем превратятся в драгоценные подарки предметам страсти. По крайней мере три из двадцати синьорин успели обручиться и теперь вышивали женихам перевязи, ну или на что там можно употребить кособокие, бесконечно длинные лоскуты. Творение малышки Лили По завивалось кольцами на ковре у ее туфель, что позволяло представить обхват туловища ее будущего супруга. Представить и ужаснуться.

– На воле немного шумно, – сообщила Карла, занявшая скамеечку у окна. – И огни над Гранде-канале сияют непривычно ярко.

Синьорина Маламоко обшивала гагатовыми бусинами бархатный кошель и, судя по скорости, с которой продвигалась работа, собиралась закончить ее на смертном одре.

– Какой-нибудь праздник? – Маура, которой после выпуска предстояло выбирать себе супруга из нескольких десятков отпрысков богатейших фамилий Аквадораты, не мудрствуя лукаво, заготавливала для каждого претендента лоскутную розу с жемчужными капельками на лепестках.

– Добрым горожанам сегодня дозволяется надеть маски, – сказала я уверенно, потому что пассажиры гондолы, проплывающей сейчас мимо окна гостиной, пялились на меня сквозь прорези лаковых личин.

– Как зовут тебя, красавица? – прокричал один, одетый арлекином.

– Не твоего поля ягода, любезный клоун, – рассмеялась я и спрыгнула с подоконника, зная, что сейчас последует.

Ученицы ринулись к окнам, стремясь занять выгодную позицию для обзора и флирта. Посыпались шуточки, потом зазвучала струнная мелодия и приятный баритон принялся воспевать женские прелести и удовольствия, которые они могли бы доставить.

Над столиком у камина ярко горела лампа, туда я и отправилась. Мужчины, все, кроме Эдуардо, меня не интересовали. Прочие девушки сейчас столпились у окон, и я без помех продолжила свою тонкую работу.

– Рыжая! Пусть покажется рыжая! – кричал мужчина. – Я отдам ей свое сердце!

Голос его отдалялся, но, кажется, на нашей улице появлялась целая вереница гондол, звучали другие песни. Шуточки, впрочем, оставались прежними.

Филигранная резьба по дереву требует специальных инструментов. У меня были тонкие резцы и крошечные фрезы, шлифовальная бумага и, самое главное, заготовка шкатулки из драгоценного ароматного сандала. Мужская красота не требует украшений. Я решила подарить Эдуардо да Риальто самое дорогое, чем владела, – найденное в каррарских мраморных каменоломнях яйцо волшебной саламандры. Такой вещицы не было ни у кого. Янтарно-желтая сфера с небольшой сливу размером с заключенным в ней алым тельцем древней ящерицы. Папенька, когда я показала ему находку, долго рылся в справочниках, а затем сообщил:

– Эти существа до наших дней не сохранились, милая. Иногда их останки находят среди окаменелостей, но очень, очень редко.

Мне было пять лет, но ощущение абсолютного счастья обладания яйцом волшебной огненной саламандры никуда не делось. Я поделюсь этим счастьем с Эдуардо.

Подарок требовал достойного обрамления, например резной сандаловой шкатулки. Орнамент изображал сплетенные язычки пламени с хороводом пляшущих саламандр и был почти закончен. Яйцо лежало внутри на атласной подушечке.

Погрузившись в работу, я не замечала ничего, что происходило вокруг. Последняя ящерица заняла место в хороводе, я сдула стружку, полюбовалась.

– Филомена, – Маура прикоснулась к моему плечу, привлекая внимание. – Какая тонкая резьба! Ты закончила?

– Осталась полировка.

– Великолепно! – Лицо подруги сменило выражение, и она прошептала, склонившись ко мне: – Кажется, я видела гондолу Эдуардо.

Сердце пустилось в галоп. Я ринулась к окну, расталкивая товарок:

– Где?

Канал запрудила целая флотилия гондол, ярко освещенных, нарядных и не очень. В них сидела публика в маскарадных костюмах, горланящая песни, орущая, запускающая в воздух россыпи конфетти, шутихи и серпантин.

– Теперь не вижу, – вздохнула Маура, которую я притащила с собой. – Гондола исчезла.

– Бешеная корова! – визжала Бьянка, баюкая ушибленное плечо.

На синьорину Сальваторе я не обращала внимания. Мысли неслись в такт стучу сердца.

Эдуардо явился, чтоб встретиться со мной? Повидаться? Тогда почему он не остановил судно у окон школы? Потому что обмена страстными взглядами на расстоянии ему недостаточно! Я сама рассказала синьору да Риальто о проходном дворике соседнего палаццо, через который по суше можно пройти к черному ходу школы. Эдуардо ждет меня там. Он удостоверился в том, что его визит заметила сестра, и знает, что Маура немедленно об этом мне сообщит.

– Чезаре! – заорала вдруг Карла, свешиваясь из окна и размахивая руками. – Я здесь!

Разумеется, меня переполняла любовь, но любопытству местечко тоже нашлось. Увидеть хотя бы одного из загадочных кузенов синьорины Маламоко – это, знаете ли, событие нетривиальное.

Придержав «фрейлину» за узкие плечи, я проследила за ее взглядом и разочаровалась. Кузен не представлял собой ничего особенного. Он правил черной лаковой гондолой самолично и был в лодке не один. Его темный камзол контрастировал с ярким платьем сопровождающей его дамы. Хотя, судя по бесстыдно обнаженной груди, это была вовсе не дама, а куртизанка. Бедняжка Карла!

– Чезаре!

Кузен услышал, исполнил шутовской поклон, сдернув с головы шляпу. Черные волосы, стянутые на затылке, атласная полумаска, сквозь прорези которой блеснули невероятно светлые, какие-то серебристые, глаза. Синьор Тень, не иначе.

– Синьорина Маламоко! – его зычный глас перекрыл царящую снаружи какофонию. – Твоя краса на звезды так похожа...

– Какое непотребство! – Директриса решительным шагом пересекла комнату и одно за другим захлопнула все окна. – Стыдитесь, девицы! Каждый раз, когда...

Нотаций сестры Аннунциаты я не слушала. За мгновение до того, как она захлопнула створки, жаркий взгляд Чезаре встретился с моим и произвел с синьориной Саламандер-Арденте нечто отвратительное. Он ее донага раздел, взвесил, измерил и... ею воспользовался. Как какой-то куртизанкой. Как будто спросил «Да?», я ответила «Да!», и все завертелось.

Опомнись, Филомена. Это всего лишь взгляд и...

Убью мерзавца! Заколю кинжалом при первой же встрече. Никто не смеет на меня так смотреть!

Директриса бушевала недолго, скорее для порядка. Праздники в Аквадорате явление частое, недаром иностранцы называют его «город-карнавал», и иногда пути маскарадных флотилий проходят под окнами «Нобиле-колледже-рагацце». И каждый раз сестра Аннунциата выжидает около получаса, прежде чем ворваться в ученическую гостиную и прервать «непотребства». Если бы меня спросили, зачем, я бы ответила без раздумий: чтоб девицы безопасно «сбросили пар», ощущая себя при этом бесшабашными нарушительницами. За три года из школы не свершилось ни единого побега, которые, разумеется, были бы, заведи директриса строгие монашеские порядки в своем заведении.

Ах, как же я ею восхищалась!

Пристыдив и покарвав – на целую неделю нас лишили сладкого, – сестра Аннунциата покинула гостиную.

– Голубка, – наступившую тяжелую тишину разрядил возглас Бьянки. – Где Паола? Я хотела ее просить развлечь нас игрой на виоле.

Синьорины Раффаэле в комнате не оказалось, и, когда она успела исчезнуть, никто не заметил.

– Новенькая получила прозвище, – пробормотала Карла с оттенком недовольства.

– Фу ты ну ты! – фыркнула Маура. – Голубка?

Но мне было не до злословия. Едва дождавшись, пока общество придет к согласию в теме, кто из несчастных будет его, общество, развлекать, и неудачница Годинели извлечет из старенького клавесина первый аккорд, я, не забыв прихватить драгоценную шкатулку, выскользнула за дверь.

Меня ждала встреча с Эдуардо.

Глава 2

Фарфоровый поцелуй

Дверной молоток на двери отсутствовал. Пузан в черной сутане и маске чумного доктора заколотил в створку ногой.

– По голове себе постучи, – раздраженно начал привратник, выглядывая из смотрового окошка, но резко сменил тон, закончив напевно и торжественно: – жалкий смертный!

Толстяк замер на одной ноге.

– Сеют ли в ваших... – он покачнулся, маска съехала в сторону, – к примеру, елиледж?

– Чего?

– Ну, синий анис, зеленый барбарис, – зачастил гость, – и прочую петрушку в сердцах верных? Сеют? А, брат-привратник?

В тишине, воцарившейся после вопроса, было слышно, как летучая мышь сорвалась со ската крыши. Палаццо, в котором собирались заговорщики, имело вид крайне заброшенный. Двор зарос сорняками, колонны покосились, фасад испещряли трещины.

– Мир сошел с ума, – вслух решил привратник.

Дверь широко распахнулась:

– Входи, жалкий смертный.

– Я забыл, – оправдывался толстяк, переступая порог. – Столько обществ, столько паролей, а я... всего лишь...

– Смертный? – Привратник ослабил, блеснув в фонарном свете зубами. – Вступать нужно во все?

– А как иначе? Кто не успел, тот опоздал, знаешь ли. Хочешь жить, умей вертеться... И прочее в таком роде.

Они прошли длинным коридором, поднялись по лестнице в полукруглый зал с большим столом по центру. За столом сидели закутаные в сутаны фигуры, повернувшиеся к вошедшим клювами чумных докторов.

Сердце пузана ушло в пятки, когда за его спиной закрылась дверь залы. Тот, которого он принял за привратника, обошел стол, ступая бесшумно, как кошка, и сел в резное кресло, повернутое спинкой к камину.

– Что это за клоун, экселленсе? – гулкий голос, раздавшийся из-под какой-то маски, навевал мысли о могильном холоде.

– Человечек. – «Абсолютно точно не привратник» пожал плечами и щелчком расправил белоснежную манжету, выбившуюся из рукава камзола. – Почему бы и нет?

Бледные его губы растянулись в улыбке, поморщились, сложились дудочкой, будто примеряя непривычные гримасы:

– Предлагаю игру. Кто первым угадает профессию этого... гм... синьора, получит...

Кто-то азартно перебил экселленсе:

– Чую аптекарский запах. Касторка и живоцвет. Он лекарь?

– Скорее больной, – проговорил другой с не меньшим азартом, – его пользовали от запоров.

– Господа, – протянул третий, – нельзя ли менее физиологично?

– А что плохого в физиологии?

– Это неприлично.

– Что нам человеческие приличия?

Экселленсе втянул воздух, отчего ноздри его длинного носа затрепетали подобно парусам корабля:

– Клейстер и дерево. Столяр? Нет, что-то еще. Краски, грим, свечной жир. Кукольник?!

Толстяк, до которого наконец дошло, куда именно он попал, рухнул на колени, сорвал маску, обнажая ничем не примечательное пухлощекое лицо:

– Так точно, экселленсе, директор кукольного театра маэстро Дуриарти к вашим услугам.

Общество разочарованно забормотало: «Опять он выиграл».

– Теперь можно поесть? – раздраженно спросила женщина.

– Питаться пожилым господином апоплексичного вида, страдающим к тому же запорами? – Экселленсе поморщился. – Нет, великолепная Лукреция, предлагаю другую игру. Сейчас дражайший маэстро просветит нас, какие заговоры плетутся его сородичами в благословенной Аквадорате.

Дуриарти на четвереньках пополз к трону.

– Идиотская игра, – слышался шелест.

– И скучная.

– Сколько можно забавляться заговорами? Тысячу раз уже...

– Нелепо...

– Неуместно...

Верховный вампир зашипел, заставляя недовольных умолкнуть.

– Начинай, кукольник.

И тот забормотал, перечисляя все тайные общества, в которые успел вступить, раскрывая цели и задачи, примерно одинаковые у всех, ибо состояли они в свержении теперешней власти и извлечении выгод, которые всенепременно за свержением последуют.

– Пожрет чудовище из моря? – через некоторое время переспросил экселленсе.

– Именно так, хозяин. – Лебезить маэстро Дуриарти умел лучше всего на свете. – Видимо, во время ежегодного обряда обручения с морем на дожа нападет кракен.

– У вас есть кракен? – ахнула женщина.

– Наверное, – растерялся толстяк.

– Ничего у них нет. Последнего кракена убил лет двести назад какой-то болван в рогатом шлеме.

– Который? Зигфрид?

– На нем написано не было!

– На кракене?

– Нет, на шлеме.

Перепалка разгорелась нешуточная, но кто именно участвовал в ней, понять не удалось бы никому. Из-под клювастых масок раздавались одинаково надтреснутые мужские голоса.

– Точно Зигфрид, вождь этих беловолосых дикарей, которые убивают друг друга на берегах северных морей.

– Буду я еще имя каждого варвара запоминать!

Экселленсе зашипел, призывая к порядку, и возвестил:

– Дож Муэрте получит свое чудовище от нас.

– Кракена? – пискнул кукольник, разум которого от невозможности объять все происходящее слегка помутился.

– Прекрасную деву, – ответил верховный вампир напевно. – Ее подарит дожу море во время обручения.

– Я, кажется, понимаю, – залиvisto хихикнула женщина. – Его безмятежности придется вступить в брак с этим чудом.

– А ночью она его сожрет, – закончил экселленсе.

Кто-то предложил:

– Сразу после этого неплохо было бы напустить на город мор: холеру или чуму. Чтоб людишки окончательно осознали свое проклятие.

– Лишнее, – сказал верховный. – Если только мы не собираемся строить здесь вампирскую утопию с горсткой выживших.

Все хором решили, что строить и организовывать – скука смертная и что устранения дождя для того, чтоб продемонстрировать забывчивому человечеству мощь аквадоратского клана вампиров, вполне достаточно.

Маэстро радостно покивал:

– Что прикажете делать мне, хозяин? Все забыть?

– Не время забывать. – Глаза экселленсе вспыхнули нестерпимым алым светом.

* * *

Директор кукольного театра синьор Дуриарти проснулся наутро в грязной подворотне, голова гудела, хотелось пить.

– Надо же было так набраться! – сказал себе синьор и отправился домой, почесывая шею, на которой непонятно откуда появились две аккуратные круглые ранки.

Из его жизни пропало целых четыре дня, подушечки пальцев были стерты и испещрены порезами, будто в своем многодневном пьяном угаре почтенный кукольник работал не покладая рук.

* * *

Искусством бесшумных вылазок я владела неплохо. Конечно, до совершенства синьорины Маламоко мне еще расти и расти, но шаги мои были легки, а движения осторожны.

– Куда ломишься? – спросила Карла, когда я, до хруста вытянув шею, вглядывалась в темный коридор первого этажа.

– Дохлый кракен! – Я прижала руку к груди, чтоб сердце не выскочило от испуга. – Как тебе удается быть столь бесшумной? Ты вообще человек?

– Куда, Филомена?

– Меня ждет Эдуардо.

– Где?

– Предполагаю, что у черного хода.

– И на чем основаны твои предположения? – Карла опустила голову к плечу, прожигая меня любопытным взглядом.

Таккола – «галка», так ее иногда называли, за черную масть и такие вот птичьи движения.

– Маура видела на воде гондолу да Риальто.

– И?

– И во время последнего нашего свидания я намекнула Эдуардо...

– Намекнула? – перебила подруга. – Этот синьор не распознает намека, даже если тот наступит ему на голову.

– С этим я, пожалуй, соглашусь, – сообщила синьорина да Риальто, появляясь за нашими спинами. – То есть чтоб быть понятым, твой намек должен был звучать примерно так: Эдуардо, показавшись перед окнами «Нобиле-колледже-рагацце», продолжи движение по направлению к Гранде-канале, отсчитай четвертую пристань и...

«Тайным» ходом за три прошедших года пользовалась хотя бы один раз каждая из нас, и дорогу Маура описала без труда.

Девушка вздохнула:

– Ну и неплохо было бы заставить братца этот намек повторить.

Галка-Маламоко гнусно захихикала.

Такого оскорбления предмету моей любви я снести не могла:

– Стыдитесь, рагацце. Эдуардо – благородный синьор!

– Тихо! – Карла обняла нас за плечи обеими руками и замерла, прислушиваясь. – Не знаю, благородный ли синьор да Риальто бродит снаружи... Кстати, если это все-таки он, Филомена, я принесу тебе извинения.

– Посмотрим? – Кончик чуть вздернутого носика Мауры дрожал от возбуждения.

– Может, это кто-то из учениц, – недовольно прошептала я.

– В гостиной все, кроме нас и Паолы.

– Сестра Аннунциата уединилась в молельне.

– Слуги?

– Отпущены на праздник.

– Пошли, – решила я. – Только поклянитесь, что, если там действительно Эдуардо, вы не будете за нами подглядывать. Или хотя бы постараетесь, чтоб ваши едкие комментарии не достигли его ушей.

Карла, наверное, ущипнула Мауру, потому что та хихикнула.

Мы шли в абсолютной темноте коридора к двери, укрепленной всяческими запорами и засовами после одного из моих «злодейских» озарений, а точнее, после исповеди сестре Аннунциате. Здесь существовала одна хитрость, в исповеди не затронутая. Порог массивной двери, по периметру укрепленный стальными полосами, был полым. Он, видимо, служил прежним владельцам потайным сундуком. Зная, куда и в какой последовательности нажимать, можно было открыть горизонтальную дверцу, лечь на живот, протиснуться под дверью и, потянув за рычажок, отодвинуть внешний наличник.

Я ползла первой, немедленно выяснив, что с последней вылазки тело мое несколько раздалось в верхней его части. Кряхтя и чертыхаясь, я нащупала рычаг и вывалилась наружу.

Дворик, нависающий на сваях над поверхностью воды, в прошлом использовался под свалку ненужного в хозяйстве хлама. Теперь же, под завязку забитый старой мебелью, разохшимися сундуками, битыми горшками, тюками ветхого тряпья, не посещался вовсе. Никем, кроме учениц, желающих незаметно покинуть «Нобиле-колледже-рагацце».

– Филомена! – донесся жалобный писк Мауры. – Я, кажется, застряла.

Из щели показалась пухлая, усеянная перстнями ручка подруги.

– Панеттоне! – глухо ругалась Карла. – Сдобная булочка да Риальто! Филомена, тащи ее наружу, а я подтолкну.

Ухватив запястье, я потянула. Маура охнула. Из щели показалось ее плечо, затем голова, и, наконец, она целиком выкатилась мне под ноги. Через мгновение к нам присоединилась синьорина Маламоко, скользнув под дверью, будто нитка сквозь игольное ушко.

Мы осмотрелись и прислушались. Шум канала сюда почти не доносился, навесная галерея, уводящая к соседнему дому, была пустынна. Карла заглянула вниз, на лесенку, спускающуюся под настил.

– Разделимся? – предложила я. – Ты с Маурой – вверх, а...

– Все страшные истории мира начинаются с того, что компания решает разделиться, – возразила подруга, – и древние чудища, или вампиры, или просто кровожадный безумец с ножами вместо пальцев расправляются с молодыми людьми по одному.

– Если бы наш таинственный некто шел под настилом, – сказала Карла, – звук его шагов скрыл бы плеск воды. Он воспользовался галереей.

– Не опасаясь быть увиденным, – кивнула Маура. – Это значит, он знал, что ни одно из окон не выходит на эту сторону.

– Умница моя, – похвалила синьорина Маламоко.

Я ощутила крошечный укол ревности. Мы с «фрейлинами» были лучшими подругами, но эти две синьорины являлись друг для друга лучшими из лучших, составив почти родственную пару.

– В одном с тобой не соглашусь, – продолжила Карла. – Не «он», а «она», иначе трудно объяснить свежие розовые лепестки.

Мы посмотрели на ступени. При жизни, до того как их ощипали, розы были белыми.

– Она нервничала?

– Паола? Ведь вы узнали цветы из нашего школьного розария? И никто, кроме синьорины Раффаэле...

– Может, перенесем демонстрацию вашего, рагацце, ума на другой день? – недовольно протянула я и стала подниматься на галерею.

Представить Эдуардо, обрывающего лепестки с бутона, не получалось, надежда на свидание таяла, я злилась.

– Интересно, как ей удалось выбраться? – бормотала за спиной Таккола. – Подпорожьем никто до нас не пользовался. Неужели существует какой-то способ, о котором я не знаю?

– Крыша, – отвечала ей Панеттоне. – Помнишь заросли плюща под чердачным окошком? Он вьется поверх деревянного трельяжа.

– Тогда новенькая обладает ловкостью гимнастки.

Пухлая Маура грустно вздохнула.

Стена закончилась. Мы спрыгнули в щель между домами и прокрались к кованой решетке заброшенного палаццо Мадичи. Место было зловещим до такой степени, что даже при свете дня липкий ужас охватывал любого сюда забредшего.

Говорили, что палаццо некогда принадлежало Лукрецио Мадичи, чудовищному князю, и до сих пор в нем можно слышать стенания убитых в его пыточных людей.

К счастью, само здание нас не интересовало. Миновав сорванную с петель калитку, мы пересекли отрезок запущенного парка и присели за расколотой чашей мраморного фонтана. Площадка его тремя плавными ступенями спускалась к причалу.

– Вот она, Голубка, – шепнула Карла.

– Голубки, – отозвалась Маура.

Ужас, охвативший меня на мгновение, объяснялся просто: сослепу я приняла собеседника Паолы за Эдуардо. Этого мгновения мне, впрочем, хватило, чтоб догадаться, что прошлым летом, во время семейного путешествия, синьор да Риальто покорило сердце блистательной дочери губернатора, представить их свидания и поцелуи, возненавидеть обоих до глубины души и почти умереть от несчастной любви.

– Чезаре?

Восторженный шепот синьорины Маламоко вернул меня с того света, где я уже настраивала арфу, чтоб присоединиться к ансамблю невинных дев, погибших до того, как они познали радости плотской страсти.

Беспутный кузен? Ну конечно. Как я могла их перепутать? Эдуардо гораздо шире в плечах, чем долговязый Чезаре, и ниже ростом. И вряд ли позволил бы себе столь вопиюще непристойно прижимать девицу к гранитному парапету. То есть любую девицу, в том числе меня. И, что можно принять за аксиому, производя эти манипуляции, Эдуардо озаботился бы снять хотя бы маску!

Край лаковой личины в этот момент впивался в правую глазницу синьорины Раффаэле, заставляя ее болезненно щуриться. Выглядело это забавно. То есть девица как бы полностью отдавалась поцелую, издавая томные вздохи, ее тело обмякло, как воск от жара, руки жадно елозили по мужской спине, опускаясь и задерживаясь на поджарых ягодицах, но она при этом изо всех сил щурилась, чтоб не потерять глаз!

Я посмотрела на подруг. Ротик Мауры был приоткрыт, грудь вздымалась, Карла саркастично ухмылялась.

– Товар явно испорчен, – проговорила она, напоминая мне утренний разговор. – Чезаре своего не упустит. Так вот кто, значит, тот окольцованный капитан. Бедная Голубка.

– Отчего же бедная? И почему мне слышится в твоих словах ирония?

– У до... то есть у кузена, целая коллекция из колец влюбленных дурочек собрана. Нет, он, конечно, парень честный, всегда одаривает в ответ своим перстнем. Золотым таким, печатным, с площадкой по фронтому и гравировкой в виде мертвой головы. Их у него мешок, на вес у какого-то ювелира в колониях купил.

Поцелуй наконец закончился, видимо, синьору Маламоко наскучил массаж ягодиц.

– Любовь моя! – жалобно воскликнула Паола, смахивая с правой щеки слезы.

Левый глаз был сух и полон обожания.

– Как жаль, что вновь пришло время расставания, – напевно изрек кузен, поправляя перевязь, – но твой поцелуй, и твой... – тут он запнулся, будто у него не было полной уверенности, как именно зовут возлюбленную, – моя помокомская роза, очи...

Я мысленно заплодировала. Не вспомнив имени, повеса изобрел «милое» прозвище. Какое счастье, что Эдуардо не повеса. Какое счастье, что влюбилась я в человека достойного, а не в кого-то вроде кузена Маламоко.

Комплимента Чезаре не закончил: синьорина Раффаэле набросилась на него, почти сбив с ног, и принялась осыпать подбородок мужчины поцелуями. Этот мерзавец, будучи и без того гораздо выше ростом, еще и запрокинул голову, не давая девушке ни единого шанса приникнуть к своим губам.

Маора вздохнула, Карла хихикнула, я разозлилась.

– Тебе пора, любимая, – пробормотал мужчина, отодвигая трепещущее тельце Паолы на вытянутых руках. – Если твое отсутствие заметят...

– Ты разлюбил меня, – уже по обеим щекам девушки струились слезы. – Я видела в твоей гондоле какую-то путтана!

– Куртизанку, – шепнула мне Карла. – Их так иногда называют.

Слово было новым, и я его на всякий случай запомнила.

– Скажи, Чезаре, это моя соперница? Эта желтоволосая шлюха?

Еще одно новое слово. Я буквально поминутно обогащалась знаниями.

– Что ты, глупышка, – почти пропел кузен и чмокнул Паолу в губы, придерживая ее саму, впрочем, на расстоянии. – Никто в моем сердце не займет твоего места, драгоценнейшая...

Он точно не помнил имени!

– Я хочу занять место не только в сердце, – твердо сказала синьорина Раффаэле, – но и в твоём палаццо, твоей постели и твоей жизни.

Так вот как, оказывается, выглядит, когда женщина объясняется первой? Жалко и нелепо. Получается, что, когда я начну говорить о своей любви Эдуардо, он вполне может точно так же со скучающим видом отвернуться, бросая взгляды на темные окна палаццо Мадичи? Ну или что там послужит декорациями нашего объяснения. Нет, Эдуардо не такой. Он опустится на одно колено и дрожащим от восхищения голосом предложит мне стать синьорой да Риальто. И подарит кольцо. А я поднесу ему сандаловую шкатулку, которая сейчас лежит в моем поясном кармашке.

Между тем Паола продолжала:

– Тебе скоро тридцать, Чезаре, это наилучший возраст для вступления в брак. Батюшка теперь не будет возражать и благословит нас.

Серебряные глаза в прорези маски неотрывно были направлены в сторону здания. Мне показалось, повеса не слышит ничего из обращенных к нему слов, однако ответил он вполне сообразно:

– Союз с фамилией Раффаэле сделает честь любому аквадоратскому синьору. Мы вернемся к этому разговору позже, любовь моя.

– Когда?

– Неделя? – Он явно выдумал срок на ходу. – После обряда обручения с морем...

– Обряд уже завтра!

– И затем мне предстоит несколько неотложных дел. Пошли весточку отцу, пусть он явится ко мне с предложением.

– То есть ты согласен?

Чезаре пожал плечами:

– Ты сама сказала, мне скоро тридцать, самое время задуматься о женитьбе.

Тут что-то не сходилось. Я не могла себе представить, каким влиянием может обладать капитан Маламоко, чтоб приглашать к себе губернатора острова Комо-Помо.

Размышления прервала Карла. Ухватив меня с Маурой за плечи, она втащила обеих в чашу фонтана. Мы едва успели лечь там ничком, когда мимо прошествовала парочка. Цезаре провожал подругу к началу галереи.

– Ждем. Он скоро вернется.

Кузен показался у ограды минут через десять, но вместо того, чтоб спуститься к причалу, пересек лужайку и, потоптавшись у темных стен палаццо, влез в одно из окон.

– Паола успела подняться к себе? – быстро спросила Карла. – Если да, мы можем попробовать...

– Или ждать, пока твой кузен закончит... то, что он делает в заброшенном доме.

– Холодно! – пискнула Маура. – И твердо. Давайте возвращаться.

– А чего мы боимся? – вдруг пришло мне в голову. – Ну увидит нас твой, Карла, родственник, и что? Может, наоборот, проследим за ним? Любопытно, чем он занят.

Та по-птичьи прижала голову к плечу:

– Нет, Филомена, наша сдобная булочка напугана, а вмешиваться в дела Цезаре мне бы не хотелось.

Пришлось согласиться и объявить окончание вылазки. Не можешь переубедить подданных, возглавь их в их стремлении. Сестра Аннунциата точно так же поступила бы на моем месте.

Мы вернулись к подпорожной щели в обратном порядке, первой шла Карла. Она проскользнула в дом. Маура с душераздирающими вздохами просунула в щель макушку и руки, я подталкивала девушку в... гм-м... мягкую часть, и вполне быстро сдобная Панеттоне пролезла внутрь.

Мне послышался всплеск, будто в воду упало что-то небольшое, например, обломок черепицы. Синьорина Раффаэле наблюдает за нашими манипуляциями с крыши? Я замерла. Если это Паола... И что? Нажалуется на нас директрисе? В добрый путь. Только тогда ей придется объяснять, чем именно она сама снаружи занималась.

– Филомена! – поторопила меня Карла.

– Иду.

Склонившись над порогом, я провела рукой по поясу. Шкатулка не прощупывалась.

– Кр-ракен!

– Что еще?

– Мне придется вернуться, – сообщила я со вздохом.

– Зачем?

– Куда?

«Фрейлины» задали эти два вопроса одновременно.

– Кажется, моя драгоценность выпала из кармашка, когда я переваливалась через край чаши фонтана.

– Твоя малышка Чикко? – хихикнула вредная Карла.

Укол достиг цели, щеки мои запылали. Яйцо звали Чикко, что моих подруг немало забавляло. Мне было пять! В столь юном возрасте синьорины придумывают имена всем своим куклам!

– Тебя проводить?

– Лишнее, я справлюсь за четверть часа.

– Мы подождем здесь. – Неожиданно синьорина Маламоко быстро заговорила: – Нет, не получится. Маура попалась! Я слышу голоса из коридора. Филомена, я оставлю дверцу лаза открытой, чем-нибудь замаскирую...

До меня донесся звук передвигаемых предметов.

– Встретимся в спальне, Филомена.

Удаляющихся шагов я не услышала, Таккола умела исчезать бесшумно.

С возвращением мне придется повременить. В тревожный набат не ударили, значит, ситуация не приобрела серьезности. Директриса отправит моих подруг в спальню под замок, может, велит старичку-охраннику обойти все помещения. Как девицы объяснят мое отсутствие? Карла что-нибудь придумает, например, что синьорина Саламандер-Арденте страдает желудком, заперевшись в уединенном местечке. Мне же следует переждать не менее часа и лишь потом проскользнуть к дортуарам и отпереть дверь спальни снаружи. На этот случай у нас имелся запасной ключик в тайнике у притолоки.

Шкатулка обнаружилась именно там, где я предполагала, на жухлой траве под чашей фонтана. Откинув крышку, я полюбовалась

мерцающим в свете полной луны драгоценным яйцом. Красная ящерка была похожа на язычок пламени.

«Чикко, девочка моя», – подумала я умильно. К счастью, лишь подумала, потому что в этот момент раздался стук весла в форколе и всплеск. Гондола кузена Чезаре отходила от причала.

Отругав себя за легкомыслие – то, что я не встретила с капитаном Маламоко нос к носу, было чистым везением, мы разминулись буквально на пару минут, – я подумала, что грязные делишки повесы закончились и что любопытно, в чем именно они состояли.

Посмотреть? Время-то у меня есть.

Опомнись, Филомена! Отправиться одной ночью во владения чудовищного князя?

И я отправилась. Пересекла лужайку, огибая остовы мертвых кустов, подошла к окну, которым воспользовался Чезаре, и, подтянувшись на руках, перемахнула через подоконник.

Чтоб Чикко опять не потерялась, я прикрепила поверх кармашка серебряную булавку.

Я очутилась в бальной зале, полная луна беспощадно высветила царившее здесь запустение. Мозаичный пол был грязен, у изящных резных колон громоздились кучи мусора. Цепочка следов Чезаре на пыльной мозаике была прекрасно видна, то есть две цепочки – туда и обратно. Следуя по ним, я отметила, что мои отпечатки выглядят гораздо аккуратнее. Каковы ножищи у синьора! Вот, к примеру, у Эдуардо стопа изящная и некрупная, его ноги прекрасно выглядят в бальных туфлях светлой кожи. А здесь что? Страшно даже представить, что ощутит партнерша по танцам, наступи на ее носочек эдакая лапища.

Остановившись у начала лестницы, я убедилась, что Чезаре по ней спускался. В подвал? Палаццо возвели на островном грунте, так что подвал там вполне мог быть. Внизу следы пропали. Здесь не было пыли, то есть она была у стен, но коридором часто пользовались, проложив по его центру дорожку чистоты. Ах, кроме этих неявных признаков, были еще и яркие факелы через каждые несколько шагов.

Значит, палаццо Мадичи обитаемо? Что, если владелец застигнет меня за проникновением? Надо срочно бежать!

И... я пошла дальше по коридору, осторожно нажимая на ручки всех попадающихся по дороге дверей. Одна из них поддалась, но открыла вовсе не дверь. Одновременно с поворотом ручки пол ушел у меня из-под ног, и я рухнула в разверзнутую бездну.

Удар был почти неощутим, мое брэнное тело приняли объятия небесных облаков. Только воняло гадостно, не облачно, а вполне земной гнилью.

– Мне что-то послышалось? – трескучий мужской голос раздался в кромешной тьме.

«Надо сразу требовать арфу, – подумала я, – как дева, не успевшая познать радостей...»

И тихонько сплюнула попавшую в рот ворсистую гадость.

– Слишком много звуков, – проговорил другой мужчина. – Как утомительно. После окончания дела я погружусь в как минимум столетний сон.

– И запахи, – не унимался первый, – пахнет людьми.

– Кукольник довольно вонюч. И, заметь, здесь гниет триста фунтов подношений от дома Кавалли.

Дом Кавалли торгует шерстью, значит, я упала в шерсть, вонзившись, будто нож в масло, меж слежалых тюков.

Я запрокинула голову в тщетной попытке рассмотреть отверстие, через которое сюда попала, потом, извиваясь, пошевелила руками, проверяя Чикко. Она была на месте. Трескучие голоса отдалялись, и я позволила себе, упираясь каблуками и локтями, выбраться на верх завала.

Подвал в подвале? Какая глупость. Хранить триста фунтов драгоценной шерсти в этой сырости? Какое расточительство!

Потолок высился надо мною на недостижимой высоте, поэтому, спрыгнув с тюков, я пошла в единственном возможном направлении, к полуоткрытой двери, из которой в полутьму хранилища изливался яркий желтый свет.

Это была кухня. Наверное. По крайней мере, там пылал очаг, в огне резвилась целая дюжина саламандр. Я присвистнула, представив, какую температуру они там поддерживают. У верстака суетились странные фигуры с длинными конечностями, похожие и одновременно вовсе не похожие на людей. Таких крупных марионеток раньше мне видеть не приходилось, но это были именно они. Со взрослого

мужчину ростом, сделаны они были из дерева, и довольно небрежно. Куклы что-то пилили и строгали. У дальней стены стоял безголовый манекен, изображающий женскую фигуру в непристойно коротком голубом платье с кружевными оборками. Юбочка заканчивалась чуть ниже местечка, где женские ножки соединяются, из-под нее виднелись кружевные панталончики, которые даже не достигали фарфорово-белых коленок.

– Когда ты закончишь, Кукольник?

Говорил некто в черном плаще и маске чумного доктора. Второй, точно такой же, стоял рядом с ним.

Кукольник, толстоватый синьор вида самого безумного (а как еще воспринять господина, который держит под мышкой женскую голову?), тоненько хихикнул:

– Время наше придет, братья! – Он поднял перед собой свою страшную ношу. – И сестры!

Чумные доктора отошли к двери, я отпрянула.

– Человечек-то совсем протек...

– ...что скажет...

– ...уже не нужен... нанял людей, они доставят...

– ...убивать нельзя, лишит память и...

Какой интересный разговор! И как жаль, что долетает он до меня урывками.

– ...кукол сжечь, никаких следов...

– Маэстро Дуриарти, – громко проговорил «доктор», – внемлите приказу вашего господина!

– Внемлю! – Кукольник орал. – Слушаю и повинуюсь!

Приказа я не расслышала, потому что вдруг осознала близость собственного провала. Сейчас клювастые посетители выйдут, а тут синьорина Саламандер-Арденто.

Я побежала к тюкам и ввинтилась в них, как штопор в винную пробку.

Проследить за «докторами», найти выход и бежать.

Ногтями я разодрала упаковочную ткань и занавесила шерстью наблюдательное отверстие. Черные фигуры проследовали через хранилище к дальней стене, там произвели некую манипуляцию с торчащим из кладки штырем и один за другим скрылись за отъехавшей в сторону плитой.

Пережидая, пока «чумные доктора» удалятся на безопасное расстояние, я вернулась к двери кузни. Куклы строгаля, маэстро Дуриарти нахлобучивал голову на манекен. Волосы манекена были того же оттенка, что и платье.

Безумец отошел, любуясь своей работой, потом быстро шагнул, наклонился и прижался ртом к фарфоровым губам манекена. Это не был поцелуй, ну, по крайней мере, с моего места он так не выглядел. Похожее действие я наблюдала, когда Франциско наглотался морской воды, а Филиппо вдвухал в него воздух.

Кукольник отстранился, и женщина ожила. Ручка поднялась, поправляя голубой локон.

– Получилось! У меня получилось! – Маэстро исполнил что-то вроде танца и велел, обернувшись к деревянным куклам: – Упакуйте ее в ящик.

Манекен с глухим стуком упал.

– Стронцо! Нет, болваны! Она не ожила. Ее нельзя паковать! Отойдите, дуболомы!

Маэстро принялся хлестать фарфоровые щечки, дуть в кукольный рот, даже энергично помассировал грудь, видимо, в попытке запустить сердце. Наконец он сдался. Сел на пол и проговорил с оттенком радостного удивления:

– Я покойник! Если через час у меня не будет волшебного дара моря, я умру.

Испытав невольную жалость к чужому фиаско, я отвернулась от двери. Остаться здесь дольше становилось опасно.

– Дуболомы! – кричали за моей спиной. – Отыщите мне деву! Любая сойдет. Быстро, быстро...

Я понеслась к стене, будто ошпаренная. Повисла на штыре, так и эдак его поворачивая. Деревянные ноги кукол застучали по полу, как козлиные копытца. Меня схватили за платье, потащили.

– Не смейте! – орала я. – Вы еще не знаете, с кем связались! Я...

У кукол не было даже ртов, а глаза горели нехорошим светом. Забавно, носами для своих созданий маэстро озаботился, но как бы не до конца. Из тесаных шаров, изображающих головы, торчали сучки с вырезанными в них ноздрями.

Спина больно ударилась о доски верстака, чудовищные деревянные держали мои запястья и лодыжки, прижимая их к столешнице. Каждая из тварей была сильнее меня. Кукольник чем-то быстро залепил мне рот.

– Это фарфор, милая, – ласково сообщил он, – на губах его незаметно, но шевелить ими тебе он не даст.

Я немедленно попыталась. Безуспешно. Теперь мне были отчетливо видны глаза кукольного мастера. В них вовсе не было зрачков, а радужка пульсировала алой спиралью.

– Молчаливая и прекрасная, – вещал безумец. – Да не дергайся ты, через пару дней нашлепка рассосется. А я к тому времени буду уже далеко... и живым...

Он запнулся, мысли его перескочили на другую тему:

– Ты плохо одета. Ни один синьор не покусится на эти лохмотья. Болваны, разденьте ее. Другое платье, снимите с той. Выполнять!

Я мечтала об обмороке, о забвении, о смерти. Но мироздание такого подарка преподносить мне не собиралось.

Обнаженной я оставалась недолго. Деревяшки обрядили меня в голубое платьице, надели на босые ноги атласные туфли.

Чуть повернув голову, я посмотрела на голую фарфоровую куклу, лежащую у камина. Ее прекрасное лицо с широко открытыми фиалковыми глазами было неподвижно, а потом левый глаз мне подмигнул.

«Она жива! – заорала я мысленно. – Эта... путтана вас дурачит! Хватайте ее! Отпустите меня!»

Безумец, вместо того чтоб услышать мои мысли, приказал:

– Тряпье в огонь.

«А-а-а! – От беззвучного крика заложило уши. – Чикко!»

Саламандры принялись за дело. Язычки пламени весело разбежались по шелку и атласу, моих ноздрей коснулся ни с чем не сравнимый аромат горящего сандала. Взгляд затуманился, но зажмуриться я не смела. Двенадцать саламандр! Жар, вызванный для обжига фарфора, сейчас превращал в пепел мою драгоценность.

Я сморгнула слезы. Дюжина огненных ящерок кружила в танце вокруг полупрозрачной сферы, они сплетали хвосты, взмахивали лапками, изгибались и подпрыгивали. Сфера вспыхнула так ярко, что на мгновение я ослепла. Когда зрение вернулось, яйца в камине не

было, зато алая крошечная саламандра стрелкой шмыгнула на верстак. Я ощутила шевеление волос на затылке и прохладные лапки, охватывающие мое ухо.

«Чикко! Девочка моя. Если бы не жар двенадцати...»

Додумать приятную мысль мне не дали. Деревянные болваны, понукаемые кукольным, уложили меня в деревянный ящик, закрепили руки, ноги и даже шею атласными лентами и опустили крышку.

Стало темно.

Крошка-саламандра сжимала пальчиками мою мочку. Как приятно. Раньше мне приходилось держать в руках огненных саламандр, разумеется, надев перед этим перчатки. Кожа зверьков всегда была обжигающе горячей. Моя же Чикко излучала мятную прохладу.

Ничего, мы справимся. Подруги меня разыщут. Встревожатся, что меня давно нет, пойдут проверить.

За пределами моего гроба меж тем происходили какие-то события. Кажется, там кипела драка. Ну, судя по звукам. Дерево ударилось о дерево, кукольный лепетал что-то вроде: «Как же так, щепка от щепки, ваш папенька Джузеппе...» Потом он охнул и затих.

– Папенька Джузеппе, – произнес некто глубоким женским контральто.

И топот десятка деревянных ног, а после – тишина.

Бунт кукольного воинства? Побег?

Дергая руками и ногами, я попыталась освободиться от пут. Немедленно стало жарко.

– Он мертв? – трескучий мужской голос.

– Сопит и воняет.

«Чумные доктора» вернулись.

– Его кукла тоже. – Похлопывание по крышке моего ящика. – Я ее чую.

Я замерла, затаив дыхание.

– Значит, хорошая кукла, от настоящей девы не отличишь. Где остальные?

– Он успел их сжечь? Посмотри в камине.

– Сам посмотри.

Трескучее двойное хихиканье.

– Бери ящик, а я займусь маэстро.

Гроб покачнулся, меня куда-то несли. Раздался скрежет камня о камень, видимо отодвигалась плита.

– А он хорош, этот Дуриарти. Раньше мне не встречалось мастеров, столь просто вдыхающих жизнь в своих созданий.

– Лукрецио умеет подбирать людишек.

– Этого у него не отнимешь.

– А что отнимешь? Ничего не позволит.

Мне показалось, что мы уже на свежем воздухе. Ну насколько он может быть свежим в Аквадорате, каналы которой принимают в себя все городские отходы.

Гроб перевернули, отчего я повисла вниз головой, атласная лента больно врезалась в шею.

– Установите ящик на плот неподалеку от мола, – сказал «доктор». – Плот уже сколотили?

– Точно так, хозяин, – прошепелявили в ответ. – После полуночи течение отнесет его аккуратно к выходу из лагуны. Все как вы велели.

– Отправляйтесь.

Мой ящик качнулся, его перехватывала больше чем пара рук.

– Желаете, мы по дороге и этот труп притопим?

– Не твоя забота, Упырь.

– Как скажете.

Стук. Покачивания изменили интенсивность. Гроб стоял теперь в плоской гондоле.

Значит, меня оставят у мола, который защищает остров Николло, самый крупный из островов, опоясывающих аквадоратскую лагуну. Что сказал Упырь? После полуночи течение... Значит, еще не полночь, до Николло часа два пути, на одновесельной городской гондоле все два с половиной. Получается, сейчас...

Покачивания опять изменились, ящик переставляли в другое судно. Голосов стало больше. Гребцы! Гребная галера. До полуночи осталось совсем немного. Подруги должны были уже встревожиться. Ох, лучше бы им не направляться на мои поиски.

На море меня всегда клонило в сон, вот и сейчас я, кажется, задремала, потому что отрывистые команды того, кого называли Упырем, прозвучали неожиданно:

– Здесь закрепи, да понадежней.

– А чего там? Покойник? – Вопрошающий смачно сплюнул.

– Дожу Муэрто подарочек. Не замай! Открывать не велено. Меньше знаешь, дольше проживешь. Все, парни, отплываем.

И вскоре вокруг меня царил лишь шелест волн.

Зевать заклеенным ртом оказалось процессом нетривиальным, но я все же зевнула и принялась дергать правой рукой, решив, что, если удастся освободить ее, дальше будет проще. Я вспотела, разозлилась, устала, подремала, стала дергать опять, уже слыша крики наглых аквадоратских чаек. Значит, уже рассветало и течение выносило мой плот к выходу из лагуны, а навстречу мне стремительно двигалась «Бучинторо», церемониальная галера, на которой дож каждый год проводит обряд обручения с морем.

Учениц «Нобиле-колледже-рагацце» на праздники не пускали, позволялись лишь школьные балы, на которые приглашались родственники воспитанниц, но лет пять или шесть назад папенька отвез меня полюбоваться обрядом. Наша гондола плыла в веренице прочих, а его серенити, его безмятежность Дендуло в рогатом головном уборе стоял на корме золотой галеры «Бучинторо», возглавляющей процессию.

Тогда душка дож, как все его называли за доброту и приветливость, воздел руку и бросил в воду драгоценный перстень.

Зрелище меня впечатлило не особо. Видимо, для полноты требовалась вовлеченность, надо было находиться рядом с его безмятежностью, слышать возносимые молитвы и священные слова, обращенные к морю.

У его серенити Муэрто это обручение должно было стать первым. Дождь был новенький настолько, что я даже не знала, как он выглядит. Монет с его профилем отчеканить не успели, а во Дворец дождей, что на площади Льва, учениц «Нобиле-колледже-рагацце» отчего-то не приглашали.

До меня донеслись звуки музыки и треск шутих. Процессия приближалась.

Кракен всех раздери! Я замычала от бессилия. Чикко встрепенулась, будто ждала именно этого, и скоро ее лапки пробежали по моему запястью. Малышка хочет перегрызть ленту? Опомнись, Филомена, у ящериц нет зубов. Кожу обожгло, рука прижалась к боку. Чикко пережгла атлас. Она это все-таки умеет?

Где-то вдали громыхнул залп. Лагуну защищала артиллерийская батарея. По чему они палят? Атака с моря?

Чикко перебежала на мою левую руку, плот дернулся, сев на мель, и подпрыгнул от взрывной волны. Стреляют по мне?

Чикко скользнула к ногам. Я разорвала шейную ленту, толкнула крышку и села, ослепнув от яркого солнечного света. Пока я протирала глаза, в полумиле справа в воду вонзилось еще одно ядро, а саламандра обхватила лапками мое ухо, хлестнув хвостиком по мочке.

Я выпрыгнула из гроба. Солнце светило в спину, «Бучинторо» блистала в его лучах золотыми боками, на ее корме блистал золотыми боками и рогатой шапкой дож. Обернувшись, я приставила ко лбу раскрытую ладонь, всмотрелась в море. Палили с острова Николло. Но, кажется, не по мне. В волнах что-то темнело, что-то огромное, глянцевое. Оно лавировало, преследуемое флотилией быстрых парусных лодок. Залп, одна из лодок перевернулась. Глянцевая спина вознеслась над волнами. Откуда здесь головоног? В теплое время года они впадают в спячку. Какой дурак будет использовать против безобидного моллюска артиллерию?

Лодки отстали, головоног уже шлепал по мелководу. Это самка! Она беременна! Какая подлая тварь посмела напасть на беременную женщину? Какая подлеишая персона отдала такой приказ?

Я с ненавистью посмотрела на «Бучинторо» и только теперь заметила гарпунную пушку по правую руку от дожа.

Спрыгнув с плота, я побежала по отмели навстречу головоногу. Уходи, дурочка, сейчас в тебя вонзится стальное копьё, тебя протащат к галере, ты станешь знаком благосклонности моря к Аквадорате, к новому дожу. Твое брюхо будет распорото, а мертвые детишки отданы на потеху кровожадной публике.

Кричать я не могла, зато могла размахивать руками и громко думать. Головоноги улавливают мысленные эманации. Уходи, спрячься, затаись. Что тебе эти смешные людишки с их смешными лодчонками и смешными пушками? Под толщей моря они тебя не достанут, уходи! В глазах потемнело, самка меня поняла. Щупальца свились в пружины, вытолкнув бесформенное тело в воздух. По плавной дуге головоног пролетел в сторону острова и скрылся под водой.

«Ей не нужно плыть, – думала я. – Она пройдет по дну, забьется в расселину».

– Как зовут тебя, прекрасная русалка? – спросил веселый мужской голос.

Слишком знакомый, чтоб быть приятным. Глаз с этого расстояния я рассмотреть не могла, лицо же под дурацкой золоченой шапкой принадлежало молодому синьору с хорошими зубами. Его серенити улыбался, не улыбался даже, а скалился. Стронцо, путтана, кракен его раздери.

Он что-то проговорил в сторону, и с бортов галеры спрыгнуло несколько одетых в гвардейские камзолы мужчин, быстро поплывших в мою сторону. Я сняла с уха Чикко. Ящерка сейчас была голубой, видимо, под цвет моего платья. Она изогнулась и выпустила язычок синего пламени. С саламандрами такое дело, огонь для них – это некий выхлоп жизнедеятельности, то есть извергают они не из того отверстия, которым питаются. Такой вот, извините, пук.

– Синьорина немая? – спросил первый из доплывших гвардейцев, выбравшийся на отмель.

Я кивнула, Чикко взбежала по руке, заняв привычное местечко. Наверное, саламандру можно принять за дамское украшение. Хороша же я, наверное: в неприлично коротком кукольном платьице, с волосами, пружинно взъерошенными от влаги, и ящерицей на ухе. Гвардеец вон совсем протек, не зная, на чем взгляд успокоить: на голых ногах или на декольте. Интересно, меня казнят? За то, что помешала хорошему предзнаменованию.

– Синьорина немая.

– Немая...

– Немая...

– Госпожа, позвольте вам помочь, позвольте руку, ножку сюда. Винченцо, где весла? Госпожа, присядьте, Винченцо, толкай.

Я сидела на своем гробу, чинно сложив руки на голых коленках, гвардейцы гребли, пустив плот по направлению к «Бучинторо».

– Мы женимся на вас, море, – вещал дож громогласно. – Примите сей драгоценный перстень в знак нерушимости наших уз.

Кажется, морскому жениху я не понравилась: кольцо просвистело у моего уха и не попало в глаз лишь потому, что я уклонилась. По мере

того как сокращалось разделяющее нас расстояние, я слышала все больше.

– Артуро, другое кольцо, – командовал дож вполголоса. – Нет, два, пусть будут парные. И притащи кардинала с его гондолы. Что значит зачем? Женить. Свершать таинство брака.

Что он несет? Обряд только что свершился.

Артуро, единственный синьор, на котором я заметила маску, с поклоном удалился.

– Держать равновесие, все назад, – скомандовал гвардеец и протянул мне руку, подводя к краю плота. – Ваша безмятежность, принимайте дар моря.

Цепкие твердые пальцы обхватили мое запястье и втащили на борт «Бучинторо». Каблочки атласных туфельек щелкнули о палубу.

– Гаденыш Мадичи постарался с подарком, – сообщил дож и снял с моей головы мокрый голубой бант. – Какая гадость.

Мне захотелось умереть. Еще и бант.

– Ты немая? Чудесно. То есть менее отвратительно, чем все остальное.

Бант шлепнулся в воду. Возникло желание умереть вдвоем с его серенити. Я его узнала, нашего тишайшего, нашего Муэрте. Правда, глаза его оказались вовсе не серебряными, а цвета спокойного моря, невероятно светло-зелено-голубыми. А еще я знала, что под многослойными золотыми церемониальными камзолами скрывается мускулистая долговязость капитана Чезаре. Отчего я решила, что он тоже Маламоко? Среди кузенов не обязательны одинаковые фамилии. Прочее фамильное сходство налицо – смуглое, длинноносое лицо с острыми скулами и подбородком. И волосы похожи на шевелюру Карлы, такие же волнистые и черные.

Я опустила взгляд. Дождь был обут в расшитые камнями сапоги. Страшно представить, сколько драгоценностей на это пошло, с эдакими-то лапищами.

– Море послало нам супругу!

Он проорал это так неожиданно, что я вздрогнула.

– Да, мы немедленно обвенчаемся!

До меня стало доходить, что с тишайшим Чезаре мы вовсе не наедине, что вокруг «Бучинторо» целая флотилия гондол, лодок и галер, что музыка не утихает и что публика неистовствует.

– Море любит Аквадорату! – прокричали с алой гондолы. – Русалка прелестна!

– Какие ножки!

– Какие волосы!

Дождь кивал и улыбался:

– Консумация будет сладкой!

Забавное слово. Что оно обозначает? Название десерта? А улыбается его серенити странно, просто растягивая пухлые губы, глаза при этом холодны или даже злобны.

– Русалка, взгляни на меня! Сто базантов за улыбку и тысячу за поцелуй!

– А на тебе можно неплохо заработать, – пробормотал дождь, приобнимая меня за плечи. – А, рыжая?

Я наступила каблуком ему на ногу и отстранилась.

– Еще и скромница? Или пытаешься набить себе цену?

«Торгаш, ничтожество, стронцо! – думала я изо всех сил. – Чтоб ты облез, полысел и лишился всех зубов! Чтоб Паола Раффаэле затискала тебя до смерти!»

Чезаре не был головоногом, он меня не услышал. Обернулся в сторону, проорал приветливо:

– Ваше высокопреосвященство! Каково?

К нам приближался низенький старик в кардинальской мантии. Я сложилась в поклоне и, схватив монсеньора за руку, поцеловала рубиновый перстень.

– Малышка набожна, – проскрипел кардинал. – Как ее зовут?

Я подняла к небесам полные страдания глаза.

– Девица немая, – похвастался дождь. – Каково?!

– Чезаре, сын мой, не зная имени девицы, я не смогу вас обвенчать.

– Так нареките ее сами, минутное дело.

– Если ее уже крестили...

– Где? Или вы втихую организовали подводную епархию?

Клоунада пред ликом его высокопреосвященства! Непотребство какое.

– Синьорина, – прошелестело у плеча, и я посмотрела на Артуро. – Вы можете писать?

Кардинал тоже услышал вопрос. Он выхватил у гвардейца записную книжку с прикрепленным карандашиком и протянул мне:

– Напиши имя, данное тебе при крещении, дочь моя, и фамилию, которой наградили тебя предки, если она есть.

Мне подумалось, что писать как раз не стоит, потому что дело принимает вовсе ужасный оборот, но врать священнику я не могла и не исполнить приказа – тоже.

Я вывела на белом листе:

«Филомена Саламандер-Арденте».

Кардинал вчитался:

– Я знаком с твоим батюшкой, Филомена. Чезаре, венчание откладывается. Сначала тебе придется испросить благословения синьора Саламандер-Арденте.

– Значит, так. – Дождь взял священнослужителя под руку, их рукава – золотой и алый – сплелись. – Синьор Мазератти, я прекрасно понимаю, сколь неприятен вам сей благословенный знак, поданный морем непосредственно мне.

– Синьор Муэрто! – Кардинал попытался выдернуть руку, но после пары трепыханий обмяк.

– И прошу вас, ради бога, презреть наши личные обиды, а задуматься о процветании Аквадораты. Море послало эту деву, чтоб отогнать от города чудовищного кракена, кто эта дева и как именно море это провернуло, сейчас не важно. Как говорят в народе про грешные связи, мальчик, девочка... какая разница...

Две пары глаза встретились в безмолвном поединке, карие против цвета спокойного моря, и последние победили.

– Обвенчайте нас!

– Может, лучше в соборе? – предложил напоследок кардинал. Он отчего-то выглядел смущенным.

– Здесь и сейчас, – ответил дождь. – Артуро, кольца.

И нас обвенчали. Толпа гудела, била в барабаны, дула в свирели, терзала струны виол, я стояла на коленях рядом с гарпунной пушкой, у правого моего плеча в той же позе стоял Чезаре. Обращенных к нам слов я не понимала, но, замычав, когда меня больно дернули за волосы, поняла, что только что сказала «Да».

Потом кто-то заорал:

– Поцелуй!

Мы уже опять были на ногах. Его серенити притянул меня к себе и прижался губами к фарфоровой нашлепке.

«Так тебе и надо, стронцо», – подумала я.

Но дож фарфором полностью удовлетворился.

– Артуро, мы возвращаемся. Ваше высокопреосвященство, жаль, что вы уже уходите. Филомена, улыбайся, подданным нужна приветливая догаресса.

Глава 3

Чертова кукла и Совет десяти

Дождь Аквадораты взошел на «Бучинторо», пришвартованную точно меж двух колонн пьядетты, примыкающей к площади Льва. Парчовые одежды поскрипывали под тяжестью нашитого на них золота.

На открывающейся глади канала Санта-Леоне уже дрейфовали гондолы зрителей, ожидая, пока галера его серенити отчалит. Процессия обещала получиться больше, чем в прошлом году. По городу поползли слухи, что в водах лагуны моряки заметили кракена и что дождь Муэрто, когда ему об этом доложили, велел установить на своем судне гарпунную пушку. Вот прямо бросил в секретаря десертной ложкой и велел. Обряд обручения с морем проходил в Аквадорате ежегодно, кракена здесь не видели никогда, в ложечку верили.

«Бучинторо» отошла от причала, гребцы синхронно взмахнули веслами.

– Артуро.

– Да, ваша безмятежность?

– Ты отправил приказ батарее? – Дождь едва шевелил губами, и помощнику приходилось прислушиваться. – Там хорошие артиллеристы?

– Они разнесут плот со второго залпа.

– Рыбаки патрулируют воды?

– Да, да, да. – Артуро Копальди поправил маску. – Как только с лодок увидят этот треклятый плот, капитан Гаруди подаст сигнал, и пушки...

– Мне это не нравится.

Помощник воровато оглянулся и быстро проговорил:

– Чезаре, расслабься. Кракена выпустят, как только мы выйдем из Санта-Леоне, и погонят тебе навстречу. Ты получишь свое хорошее предзнаменование.

– Нужно было тайно прочесать лагуну и найти плот.

– У нас не было времени! И где бы я взял столько людей? Все они заняты твоим осьминогом!

– Вы, синьор Копальди, проявляете наглость, не присущую обычно покойникам.

– Простите, тишайший Муэрто. Надеюсь, ядро разнесет на кусочки вампирского гомункула.

– Надежда! А если нет? Если чертова кукла останется неповрежденной, если...

– Публика отвлечется на ваше, ваша серенити, сражение с кракеном.

Беседа, ведущаяся вполголоса, волшебным контрастировала с жестами, которыми сопровождалась. Дождь безостановочно вздымал руки в приветствиях и улыбался, хотя из-за тяжести расшитых рукавов давалось это непросто.

– Отметь, где ты там отмечаешь, чтоб на этой неделе по городу распространился слух, что дождь Муэрто собирается найти себе супругу.

Артуго прикоснулся к виску, показывая, что запомнил.

– Девица уже выбрана?

– Нет, мы объявим о намерениях и подождем лучшего предложения. Представь, дружище, вчера, перед тем как я отправился в логово гаденыша Мадичи, в мои объятия приземлилась синьорина Раффаэле, ну ты должен помнить, остров Помо-Комо и разозленный родитель, не желающий отдавать дочурку за простого капитана.

– Паола?

– Ну да, – несколько неуверенно подтвердил дождь. – Как только до их дыры дошли новости о новом правителе Аквадораты, синьор губернатор засобирался в столицу, чтоб определить наследницу в школу благородных девиц.

Артуго понимающе хмыкнул:

– Она заметила тебя в гондоле?

– Да, эта треклятая школа стоит по соседству с палаццо Мадичи, и благонравная Паола сразу же полезла на крышу, чтоб за мной проследить. Помнишь, она лазит, как кошка?

– Ловкая синьорина.

– Ну вот, я только успел причалить и натереться тем самым волшебным экстрактом, уничтожающим запахи, что ты купил у

алхимиков со Свинцового моста, как ловкая синьорина Раффаэле вышла ко мне поздороваться.

– Алхимики предупреждали, что снадобье действует три четверти часа.

– И треть этого времени я потратил на объяснения! – Дождь бросил взгляд в сторону моря и громко скомандовал: – Легче грести, мы опережаем график.

Движение замедлилось, дождь продолжил уже тихо:

– И, если бы не это, вполне вероятно, успел бы услышать, куда именно гаденыш Мадичи отправит свой подарочек.

– Вампир тебя не учуял, значит, снадобье работает. Я закажу еще.

– Можешь не торопиться, Лукрецио скоро сам выйдет из тени.

– Покойный Дендуло говорил, что Мадичи не показываются на поверхности более полувека.

– Выйдет, – протянул Муэрто, – попомни мое слово. И нам придется пригласить эту развалину в какой-нибудь городской совет по какому-нибудь аристократическому древнему праву. Кстати, собери законников, мне нужно обсудить введение нового мусорного налога, каналы уже превратились в помойку.

«Бучинторо» величественно выходила в лагуну из устья канала. Артуро заметил на горизонте лиловую вспышку.

– Кракена выпустили. – Полыхнул красный сигнальный огонь и сразу же раздался выстрел пушки. – Плот также обнаружен.

– Заткнись, – велел дождь, – и почтительно оботри мне лицо чем-нибудь не парчовым и не золотым, я вспотел, как девка под клиентом.

Артуро промокнул лоб Муэрто носовым платком.

– Мы почти вышли на позицию, дело за малым.

– Что за... – Чезаре отвел руку помощника и самостоятельно протер глаза. – Ты это видишь?

По мелководью, высоко поднимая ноги, бежала... кукла. Синьор Копальди покупал похожих своим многочисленным племянницам, в точно таких же коротеньких платьицах с пышными юбками и с торчащими во все стороны волосами. Только, разумеется, подарки были гораздо меньше размером.

– Со второго выстрела? – Если бы взгляды убивали, Артуро был бы уже мертв. – Ты приставил к батарее кротов?

Синьор Копальди попытался сказать что-то в оправдание, но светлые глаза уже вернулись к морю.

– Галера там не пройдет. Обогнем с севера? Навались!

«Бучинторо» устремилась к отмели.

– Что она делает? – спросил помощник.

– Лишает меня добычи! Дьявол вас раздери! Правая гребни, левая табань! – Галера повернулась, избегая отмели. – Чертова кукла! Суши весла, парни, будем наслаждаться зрелищем.

«Бучинторо» легла в дрейф, покачиваясь на волнах. Сопровождающая ее процессия запрудила лагуну, зрелища хотели все.

Артуро взглянул в лицо Чезаре, тот вслух размышлял:

– Итак, что видит перед собой почтенный горожанин? Морское чудовище, с которым не справились ни пушки, ни лодочная флотилия. Кстати, Артуро, выясни, нет ли погибших на той лодке, в которую попали твои слепоглазые артиллеристы. Если да, пенсию семьям я выплачу из твоего жалованья.

– Как прикажете, ваша серенити.

Дождь махнул рукой: не отвлекай.

– Значит, никто не смог, а полуголая девица смогла. Вполне эпично, про это поэмы слагать будут. Кстати, закажи кому-нибудь из модных поэтов. И балладу тоже, и скабрзную песенку, чтоб приятно было распевать ее по кабакам.

Артуро молча кивал.

– Девицу послало нам море. Кстати, послало в такой короткой юбке, чтоб ни у одного почтенного горожанина не возникло сомнений, что ноги у девицы есть. Тут сочинителям куплетов будет где развернуться.

Синьор Копальди вежливо напомнил его безмятежности, что существует народная сказка о русалке, которая обменяла свой голос на возможность ходить по суше. На что удостоился обещания оплатить часть пенсий из городской казны.

– Идеально, если кракен сейчас пожрет спасительницу Аквадораты, – мечтательно вздохнул тишайший Муэрто. – Тогда мы скажем, что девица была немая, и закажем торжественную оду.

Но чудовище жрать не спешило, оно взвилось к небесам, пролетело более полумили по плавной дуге и скрылось в волнах.

Дождь вздохнул для разнообразия скорбно:

– Эх, а какой отбор невест можно было бы устроить на нашей площади Льва, сколько денег натрясти с заинтересованных родителей...

И прокричал:

– Как зовут тебя, прекрасная русалка?

Девушка промолчала.

– Парни, доставьте это чудо на «Бучинторо» с максимально возможной торжественностью.

Это выражение лица Чезаре Артуро Копальди знал прекрасно, оно озаряло лик синьора Муэрто, когда тот затевал большую авантюру.

Гвардейцы попрыгали в воду, чтоб исполнить приказ.

– Ваша серенити, – пробормотал помощник, – обряд обручения с морем не завершен.

– Что? – Горящий взор дожа отвлекся от приближающегося плотика. – Ах да, дай кольцо.

И, прокричав ритуальную фразу, Чезаре швырнул перстень.

Девушка – или кукла – оказалась потрясающе красивой. Светло-рыжие волосы волнистой копной спускались до пояса, кожа поражала гладкой чистотой, а глаза – цветом. Это был аквамарин. Обнаженные ножки были стройны, грудь, видневшаяся в вырезе платья, округла и пышна. На правом ушке «русалки» Артуро заметил украшение в виде крошечной голубой саламандры, а еще заметил странный цвет ее губ, их будто смазали помадой, забыв поправить рисунок кисточкой.

Тишайший Муэрто развил бурную деятельность. Он хотел немедленно жениться, чтоб хоть так отобрать у красотки свою победу. Он спорил с кардиналом, отдавал приказы, расточал улыбки.

Когда девушка написала свое имя – Филомена Саламандер-Арденте, – у синьора Копальди отлегло от сердца. Значит, она не творение кукольника, не гомункул, а женщина из плоти и крови. Хотя Чезаре говорил, что Мадичи отправит к нему убийцу. Может, экселленсе поработил сознание Филомены, вложив в него приказ? Говорят, дети ночи выродились, говорят, что они не те, что прежде, но Лукрецио – древний вампир, и никто не может знать предела его возможностей.

Новобрачные поцеловались под приветственные крики подданных. Процессия направилась в город, дож с догарессой стояли рука об руку на палубе «Бучинторо» и так же, рука об руку,

проследовали во дворец по алой ковровой дорожке, расстеленной от причала. Все происходило размеренно и важно. Филомена, кажется, не отдавала себе отчета в происходящем, смотрела прямо перед собой, высоко держа голову. Она ни разу не улыбнулась, не заплакала и не выразила лицом никаких чувств. Длинные стройные ножки шагали в такт поступи тишайшего супруга.

Толпе она нравилась, пресыщенная зрелищами аквадортская публика готова была утопить свою новую госпожу в поклонении и обожании. Люди аплодировали, кричали, кто-то бросил ей под ноги горсть монет, и уже через несколько минут дорожка из алой стала золотой.

Такого никогда не бывало. Остаток пути до Бумажных ворот, главного входа во Дворец дождей, новобрачные преодолели по щиколотки в деньгах. Чезаре явно блаженствовал: его первое обручение с морем войдет в историю.

Но, очутившись в личных покоях, дож поручил догарессу служанкам, будто утратив к ней интерес, и заперся с Артуро в кабинете.

Праздник еще не закончился, но продолжение предстояло перекроить и сшить заново. Артуро, не полагаясь на память, только успевал записывать отрывистые приказания.

– Второй трон... Нет, возьмите парный из залы заседаний и установите прямо на лестнице Гигантов. Платье, драгоценности... Пусть камни подберут под цвет глаз... Архивариус... Отряхни со старичка пыль, через час я хочу знать все о Саламандер-Арденте...

Через час дверь кабинета снесло с петель и в коридоре закричали, что донна Филомена, кажется, умерла.

* * *

Как я не умерла, посмотрев на себя в зеркало, останется тайной в веках. Я была ужасна, непристойна, грязна, в конце концов. Ах, еще я была замужем! Но о последнем старалась пока не думать.

Мне требовалась ванна, чистая одежда и мои подруги. Приоритеты я расставила, вообразив выражения лиц Карлы и Мауры, явись я перед ними в кукольном платьице.

Ах, еще мне нужен был развод!

Нашлепка с губ отдираться не желала. Я царапала ее ногтями, пыталась укусить изнутри, но добилась лишь вкуса крови во рту.

Зеркало меня расстроило, поэтому я перешла в другую залу, с драгоценными шпалерами на стенах и резными потолками.

Отец! Я напишу отцу! Он не давал согласия на брак, наши юристы могут оспорить законность... Опомнись, Филомена, ты обвенчалась с Чезаре Муэрто! С дожем! Матушка меня убьет.

Итак, ванна.

Когда супруг представлял мне служанок, те почтительно кланялись, выстроившись полукругом под парной лестницей. Я тогда на девиц едва взглянула. Кажется, их было более десятка, кажется, они были хорошенькими, и на каждой было платье с золотым позументом, нормальной, заметьте, длины.

Чикко возбужденно сбежала по моему плечу на ладонь, повела из стороны в сторону головкой. Что? Камин? Он не горит, и это тебе не нравится?

Я поднесла саламандру к дровам, те вспыхнули, и ящерка блаженно нырнула в языки пламени. Шкурка ее безостановочно мерцала, изменяя цвет. Маджента, волшебство.

Подойдя к лакированному креслу, я села. В доме Саламандер-Арденте служанка была одна, горничная Симонета, вдовья синьора в самом расцвете лет. Она иногда помогала мне одеваться, подавала матушке утренний кофе и прислуживала за столом, если на обед являлось одновременно более трех членов семьи. Как отдать приказ Симонете, я знала.

На низком столике я заметила колокольчик, а в спальне, кажется, было бюро, такое же вычурное, как и прочая мебель.

Вооружившись предметами для письма, я резко встряхнула колокольчик, призывая прислугу. И они явились, две волшебные нимфы в золотистых платьях. Их высокие прически покачивались подобно косым материковым башням, вызывающим смех аквадоратских зодчих.

– Донна догаресса, – протянула левая тоненьким голоском. – Чего изволите?

Окунув перо в чернильницу, я вывела:

«Пожалуйста, ванну и чистое платье».

– Это невозможно, донна догаресса, – голос правой был еще противнее. – Пресная вода – на вес золота, мы берем ее в дворцовом колодце раз в день, и сегодняшние запасы уже исчерпаны.

Две пары глаз смотрели на меня с одинаковым выражением наглой безнаказанности.

«*Кувшин для умывания?*» – вывела я, чувствуя, как щеки заливают беспомощным румянцем. Мне как будто снова было шестнадцать и я терпела насмешки маркизетты Сальваторе.

– Боюсь, все они заняты.

– Тишайшая донна.

Перо хрустнуло, когда я жирно перечеркивала вторую просьбу. Резко поднявшись, я пошла к двери, сжимая в кулаке лист бумаги.

– Куда? – колыхнулись башни.

– Вам не позволено покидать...

Чикко прохладно охватила мое ухо и выпустила в сторону служанок струю пламени. Девицы завизжали, я покинула комнату. Путтаны! На них были одинаковые кольца, золотые печатки с изображением мертвой головы. Тишайший супруг отдал меня на потеху и поругание личному гарему? Стронцо Чезаре!

– Задержите ее! – прокричали из-за спины, и в коридоре стало многолюдно.

Мягкие, рыхлые, грудастые женщины пытались заступить мне путь, ухватить за волосы, поставить подножку. Действовали они молча, видимо, опасаясь шума, чем напомнили мне деревянных болванчиков маэстро Дуриарти. Я ляглась, била наотмашь, расталкивала горничных. Чикко пыхтела, накапливая жар. Довольно скоро до меня дошло, что соперницы опасаются мне навредить, и я удвоила усилия.

Дверь, за которой скрылись его серенити с помощником, я помнила прекрасно, и до нее оставалось с десятков шагов, когда спина моя ощутила мощный тычок.

Упав на четвереньки, я стукнулась об пол коленями. В голове гудело. Что происходит? Я попыталась встать, но лишь растянулась во весь рост.

– Ты убила ее, Клаудиа? – спросили громким шепотом.

– Ни звука! Перенесем девицу в спальню... Джина, помоги. Скажем, что донна Филомена прилегла отдохнуть...

- Его безмятежность спросит...
- А мы ответим...
- Мы все повязаны, ни одна не избежит наказания.

Накатили одновременно слабость и тошнота, в глазах потемнело. Кракен меня раздери, это обезвоживание! Я не пила уже около двадцати часов, соль моря выдавила из меня остатки влаги.

Воспользовавшись тем, что горничные отвлеклись на совещание, и собрав все силы, я поползла к двери.

«Чикко, девочка, ты волшебное создание, ты вполне можешь уловить мысленную эманацию. Мне нужно туда, в кабинет. Очень нужно!»

- Она убегает!
- Держите!
- Ба-бах!

Дверь снесло, будто от мощного взрыва.

– Донна Филомена, кажется, умерла! – быстро сориентировавшись, в полный голос завопили девицы.

- Наша тишайшая донна!
- Наша серениссима!

Чикко пыхтела, накапливая новую порцию огня. Я подняла голову, упершись взглядом в носки расшитых драгоценностями сапог.

– Что здесь... – начал дож.

Ухватившись за край парчового камзола, я подтянулась и, перебирая руками как ярмарочная обезьянка, поднялась на ноги. На серебряных глазах его безмятежности можно было прямо сейчас чеканить его же профиль, и цветом, и формой они походили на монеты.

За спиной Чезаре я заметила помощника, письменный стол с ворохом бумаг и кувшин.

Вода!

Я взяла супруга за руку, вложила в его ладонь измятую бумагу, которую каким-то чудом не потеряла в драке, и проковыляла к столу. Наверное, наступила какая-нибудь сомнамбулическая тишина. Синьор Артуро, к примеру, выглядел крайне сомнамбулически. К слову, без маски он оказался вполне симпатичным молодым человеком.

Схватив кувшин, я вдруг поняла, что не смогу пить. Рот закрывала проклятая нашлепка! Сосуд был полон, ноздрей касался прохладный

аромат чистой колодезной воды, а я не могла!

Может, сбежать по лестнице во двор и нырнуть в колодец? Тогда спасительная влага получит шанс проникнуть в меня через другие отверстия? В детстве Флоримон часто простужался, и маменька заставляла его полоскать нос и горло, направляя струю отвара попеременно в обе ноздри.

Я поставила кувшин на стол, наклонила голову, притапливая лицо, и потянула носом. Вода хлынула куда-то не туда, кашлять с закрытым ртом было ужасно больно. Изогнувшись, я прижала левую ноздрю пальцем, потянула левой, и когда немного жидкости оказалось у самой гортани, с усилием глотнула. Да!

– Какой кошмар, – сообщил мне дож, принимая пустой кувшин. – Мне позволено узнать, что еще в твоём организме, любезная супруга, устроено не по-человечески? Есть ты тоже будешь носом? Или...

Видимо, фантазия в этот момент завела Чезаре столь далеко, что словами это не выразалось.

Он поставил кувшин и расправил мое послание:

– Ванна и одежда? Вполне скромные желания. И наши слуги не смогли тебе помочь?

Встревоженные лица горничных маячили в дверном проеме, башня-прическа Клаудии качалась на заднем плане.

– То есть донна догаресса написала вам «Пожалуйста», а вы не смогли?

– Мы не поняли, – пропищала Клаудия.

– Прочь, – вздохнул Чезаре, – вы все уволены. Позовите управляю...

Свет померк, я потеряла сознание.

* * *

«Нобиле-колледже-рагацце» погрузилась в сон. Отзвучали упреки, вступили в силу наказания, канал обезлюдел, ночные гуляки удалились в центральную часть города. Часы башни Четырёх отбили полночь.

– Филомена попала в историю, – сказала Маура.

Карла, сидящая на подоконнике, ничего не ответила. Панеттоне была права. Нарушительниц, как они и предполагали, заперли в спальне, посулив наутро жестокие кары. Все могло быть еще хуже, но несчастье, случившееся с директрисой, несколько отвлекло срочно вызванных в школу учителей. Сестра Аннунциата упала с лестницы, и ее увезли в городской госпиталь, вправлять вывихнутое плечо.

– Уверяю тебя, – говорила подруге синьорина да Риальто, – монашка сама натерла жиром эту треклятую ступеньку. Я ее за этим застала! Натерла, потом заметила меня и отвлеклась, забыла. Поскользнуться мог кто угодно!

– Капитанша обвинит нас.

– На нас теперь все навесят.

– Но зато никто даже не поинтересовался, где синьорина Саламандер-Арденте.

И здесь Маура произнесла ту самую, оставшуюся без ответа, фразу.

Девушки помолчали.

– Надо что-то делать. – Блондинка села на постели. – Вдруг на Филомену напала Паола?

– Голубка вернулась раньше нас, – возразила Таккола. – Ты же видела, как она хлопотала вокруг директрисы.

– А твой кузен?

– Это было бы слишком хорошо, чтобы быть правдой, – вздохнула Карла. – Чезаре для девиц безопасен. То есть я имею в виду, в том, что не касается девичьей чести. Но тут Филомена, я уверена, ему не уступит, прикрывшись любовью к Эдуардо, как щитом. Боюсь, Маура, что в рыжую головку нашей Львицы могла запорхнуть мысль посетить палаццо Мадичи. Эх, не нужно было отпускать ее одну.

Синьорина Маламоко решительно встала.

– Нужно проверить.

– Не позволю! – Синьорина да Риальто вскочила с постели и широко развела руки. – Мы уже один раз разделились. И что? Филомена пропала. Еще и твоей потери, Карла, я не переживу. Пойдем вместе.

– Панеттоне, булочка моя, я пролезу в те щели, в которых ты застрянешь.

– Значит, выбирай щели побольше.

– Если мы попадемся...

– Ах, Карла, нам нечего терять. Мы и так будем виноваты во всем, хоть в потопе, хоть в пожаре.

– Два месяца до выпуска.

– Меня возьмут замуж и без диплома, а ты...

– Останусь старой девой и буду нянчиться с твоими пухлыми детишками?

– Эх, жалко, что у меня только один брат и его я уже пообещала Филомене. Хотя... Тебе нравится Эдуардо?

– Ни в малейшей степени, – заверила Карла и выдвинула из-под своей кровати сундук. – Нам понадобятся маски.

– А как мы выйдем?

– Как те, кому нечего терять, – хихикнула синьорина Маламоко и протянула подруге белую маску Дамы.

Маура с удивлением наблюдала, как из сундука появляется связка отмычек, черный, за ним белый плащи, треугольная шляпа с плюмажем, трость.

– Ты переоденешься мужчиной?

– Можно и так сказать. – Синьорина Маламоко набросила поверх своего обычного черного, с высоким, до подбородка, воротником платья мужской плащ, надела на голову шляпу, а на лицо – напоминавшую кошачью морду Нягугу^[1]. – Я готова, булочка, поторопись.

Отмычка в замке провернулась без звука. Обе отмычки, в обоих замках. Девушки вышли через парадный ход.

– У тебя припрятана гондола?

– Маура, ну как, по-твоему, возможно «припрятать» гондолу? – фыркнула Карла, запирая за ними двери.

Она отрывисто свистнула, всматриваясь в темноту канала, и вскоре послышался плеск весла.

– Нас заметят, абсолютно точно заметят. – Белоснежные перья над маской трепал ветерок. – И накажут.

Карла наклонилась к подруге:

– И куда подевалась наша отважная малышка? Если решила идти, иди до конца, – голос ее из-под кошачьей личины звучал хрипло и глухо. А потом синьорина Маламоко продолжила обычным своим тоном: – Некому за нами следить. Директриса в госпитале, прочие

учителя остались с ней, капитанша синьора Ванессо храпит в своей спальне, сюда даже слышно. До рассвета, когда у площади Льва начнут собираться зеваки, мы успеем вернуться.

Синьорина да Риальто помолчала.

– Пообещай, что, если Филомена откажется от Эдуардо, ты попробуешь проникнуться к нему чувством.

Девушки уже садились в гондолу, и синьорине Маламоко, качающейся от хохота, грозило падение в воды канала.

У причала палаццо Мадичи гондольер заартачился. Место он считал поганым и ожидать, пока его странные пассажирки закончат свои делишки, не желал. Маура сняла с пояса бархатный кошель.

– Синьор Вольто^[2], – она обратилась к мужчине «гражданин» еще и потому, что маска работника весла изображала именно этого персонажа, – продайте нам вашу лодку.

– Это невозможно, синьорины. – Растянув завязки, синьор Вольто поднес кошель к фонарю, закрепленному у носового гребня. – Гондола меня кормит и стоит столько... что...

Он замолчал, пересчитывая полновесные золотые дукаты.

– Хорошо быть богатенькой наследницей, – с сарказмом пробормотала Карла и громко велела: – Да не забудь передать этой даме бумаги на свою развалину.

Менее чем через четверть часа у синьорины да Риальто на поясе возник кожаный мешочек с документами владения, а бывший владелец гондолы покинул ее у первого попавшегося дома, сразу скрывшись в переплетении улочек.

Взяться за весло пришлось Карле.

– Лишние траты. Мы могли бы вернуться в школу обычным путем.

– А если Филомена не обнаружится в палаццо Мадичи? Мы поищем ее в городе.

– Тебе просто хочется припрятать гондолу.

– Нет, я желаю внести посильный вклад в авантюру.

Синьорина Маламоко без усилий пришвартовала судно у нужного причала, выпрыгнула на парапет и втащила за собой Мауру.

– Стой здесь, у фонтана, я пробежусь до ограды. – Карла вручила подруге трость и удалилась.

– Почему ты сказала, что, если Филомена вошла внутрь, это ужасно? – спросила девушка у Такколы, когда та, вернувшись, покачала головой.

– Потому что она могла повстречать там хозяина.

– Палаццо Мадичи кто-то купил?

– Старого хозяина. – Синьорина Маламоко отвернулась и продолжила глухо: – В Аквадорате издавна обитает клан вампиров.

Маура неуверенно хихикнула:

– Глупости!

– Нет.

– Тогда почему ты раньше нам об этом не рассказывала? Мы пользовались этим парком десятки раз.

– И как бы, по-твоему, на эту древнюю новость среагировала наша Филомена?

– Ну она бы рассудительно решила, что ни одна из нас в страшное палаццо ни ногой.

– Именно. И сразу же туда бы полезла. А мы отправились бы за ней, потому что...

– ...мы всегда так делаем.

Девушки помолчали.

– Итак, – начала Маура, – следов драки ты не заметила.

– Предполагаю, что наша Львица захотела проследить за Чезаре.

– И они оба попались?

– Нет.

Ответ прозвучал столь резко, что уточнять его синьорина да Риальто не решилась, к тому же голос принадлежал отнюдь не Карле. На площадке у фонтана рядом с девушками стоял высокий синьор в маске чумного доктора.

Синьорина Маламоко плавно задвинула подругу себе за спину, одновременно выхватив из ее ослабевших рук трость.

– Что привело прелестных синьорин в мою скромную обитель в столь поздний час? Темная синьорина может опустить свое грозное оружие, престарелый князь Мадичи не представляет никакой опасности.

И «престарелый князь» снял маску.

– Не смотри ему в глаза, – велела Карла.

Но до того, как Маура зажмурилась, она успела заметить, что князь Мадичи нечеловечески бледен и... нечеловечески красив.

– Простите наше вторжение, ваше сиятельство, – голос Такколы обрел какие-то недевичьи нотки, – мы – ученицы «Нобиле-колледже-рагацце», и только тревога за нашу подругу толкнула нас к этому неуважительному и неприличному поступку.

– Подругу? – протянул князь и резко велел: – Маски долой.

Девушки подчинились. Видимо, зрелище хорошеньких личик синьорин смягчило древнее сердце вампира.

– Что ж, забота о ближних является одной из главных добродетелей, – сообщил он после паузы. – И мне она не чужда. Князь Лукрецио Мадичи к услугам вашим.

Маура подглядела сквозь прищуренные веки. Вампир поклонился.

– Карла Маламоко, – присела в реверансе Таккола. – А это – синьорина Маура да Риальто.

– Да Риальто? Торговый флот командора да Риальто? А вы, прелестная Карла, умеете выбирать подруг. Как же зовут третью? Ту самую, пропажа которой вас столь встревожила?

– Филомена Саламандер-Арденте, ваше сиятельство.

Видимо, это имя в памяти князя ничего не всколыхнуло. Он повел рукой в гостеприимном жесте:

– Что ж, драгоценные синьорины, приглашаю вас лично осмотреть мои владения.

Маура посмотрела на пальцы подруги, с такой силой сжимающие наверхи трости, что костяшки побелели. Старая нянька да Риальто, матушка Попета, знала уйму историй о вампирах. Страшных, отвратительных и даже романтических. От нее Маура услышала, что вампиры боятся солнечного света и чеснока, что обожают невинных дев и человеческие страдания и что не могут пересечь проточной воды. То есть если сейчас они с Карлой запрыгнут в гондолу и отчалят, у них появится шанс. Ах, еще ни один вампир не может устоять, если у него на пути рассыпано что-то мелкое, горсть чечевицы или камешков. Он обязательно попытается это собрать и пересчитать. У Мауры под плащом на груди висит четыре нити морского жемчуга, это тысячи бусин. Если разорвать украшение, жемчуг задержит князя, и девушки успеют оттолкнуться веслом от гранитного парапета.

Пока синьорина да Риальто лихорадочно строила планы, его сиятельство с Такколой смотрели друг на друга.

– Передайте при случае поздравления своему батюшке, – наконец проговорил князь. – Вижу, что за прошедшие столетия Маламоко достигли в подготовке своих... рагацце немалых высот.

Карла выдохнула и тяжело оперлась на трость.

Вампир продолжал:

– Обещаю не покушаться на вашу белокурую подругу, ни словом, ни делом, ни... – он неопределенно пошевелил пальцами, – любым другим образом.

Карла молчала.

Князь приподнял безупречные брови:

– Клянусь честью дома Мадичи. Этого вам довольно?

И, не ожидая ответа, он повернулся и зашагал к палаццо.

– Пошли. – Таккола взяла Мауру под руку.

– Почему он не поклялся не вредить тебе? Почему перед «рагацце» он сделал такую многозначительную паузу? Что из тебя готовят? Он хотел сказать «шпионок», а потом передумал? Карла, может, лучше убежим? Пока князь не смотрит.

Бледная Карла ущипнула подругу за тугую щечку:

– Нас пригласил в гости сам экселленсе, милая, такой честью не пренебрегают.

Экскурсия длилась не менее полутора часов. Крайне запущенное палаццо поражало роскошью и изяществом линий. Хозяйственная синьорина да Риальто прикидывала, во сколько обойдется ремонт ажурной галереи второго этажа, восстановление оконных витражей, настил нового паркета там, где пол был деревянным. Драгоценная мозаика большой залы привела ее в восторг, о котором она немедленно сообщила его сиятельству в самых высокопарных выражениях. На что князь ответил, что домом давно не пользуется, что тот обветшал и что потребность в женской ручке хозяйки...

Тут Карла, следующая в полушаге позади, многозначительно кашлянула, и князь Мадичи сменил тему. Он поведал спутницам о скитаниях вдали от родины, о том, что прибыл в Аквадорату буквально на днях с сестрой и десятком доверенных слуг, остановился в... Тут он опять сменил тему, грустно вздыхая о возможности участия в маскарадах, которой был столь долго лишен.

Маура выразила сочувствие и пригласила обаятельного хозяина посетить школьный выпускной бал, а на быстрый вопрос, может ли сиятельный Лукрецио посетить «Нобиле-колледже-рагаце», например, завтра, ответила отказом.

– Правила строги, ваше сиятельство, мы не можем принимать гостей, когда нам вздумается.

Они прошлись гулками подвалами, и любопытная Таккола сунула нос в каждую щель. Палаццо было безлюдным, но то там, то здесь в глаза бросались следы недавнего человеческого присутствия. Например, в мастерской, которую Маура про себя определила как столярную, дремали в очаге саламандры.

– Драгоценные синьорины не откажут мне в просьбе? – улыбнулся Мадичи, изображая смущение.

Зубы у него были чуть более длинными и острыми, чем девушкам бы хотелось.

– Конечно, ваше сиятельство, – осторожно сказала Карла.

– К услугам вашим, – поддержала Маура.

– Эти создания. – Точеный подбородок князя указал на саламандр. – Мне не хотелось бы, чтоб они разбрелись по дому, пока слуги наслаждаются праздником в городе. Где-то здесь должны быть специальные футляры...

– Вот же они. – Синьорина да Риальто присела за верстаком и вытащила пузатую бутылку с широким горлышком. – Двенадцать саламандр, ваше сиятельство? Их собрали во всех каминах палаццо? Зачем?

– Ума не приложу, – пожал плечами князь.

Маура надела перчатки и одну за другой поместила огненных ящериц в сосуды из закаленного стекла.

– Готово, ваше сиятельство.

– Они не смогут выбраться? – Мадичи изобразил тоном опасения.

– Нет, – улыбнулась девушка, – обычно саламандры без пищи впадают в спячку.

– Как любопытно.

Его сиятельство наклонился над бутылкой и кончиком пальца осторожно провел по горлышку. Руки князя были в перчатках.

– Любопытно... – Он понюхал палец, затем вытер его носовым платком. – Что это за субстанция?

– Деготь? – предположила Карла, одергивая подругу, которая явно собиралась пуститься в многословные объяснения. – Он обычно получается от древесной смолы и жара.

Синьорина Маламоко поклонилась:

– Благодарим, ваше сиятельство, за познавательную и подробную экскурсию. Кажется, Филомена здесь не появлялась, и, с вашего позволения, мы с синьориной да Риальто продолжим поиски в другом месте.

– Не смею вас задерживать.

Князь Мадичи проводил гостей к причалу и даже помахал им вослед носовым платком.

– Куда мы плывем? – шепотом спросила Маура, когда их гондола отделилась на показавшееся достаточным расстояние. – На Грандеканале?

– Да. – Девушки опять надели маски, и голос Карлы звучал приглушенно. – Там сейчас столпотворение, но нам нужно как можно быстрее оказаться на площади Льва. Сами мы не справимся.

Синьорина да Риальто потребовала объяснений.

– Филомена там, – ответила Таккола, – в этом треклятом палаццо. Я видела ее следы в бальной зале, я нашла ее серебряную шпильку в подвале, пока ты возилась с саламандрами.

Свободной рукой Карла протянула украшение:

– Она валялась у камина.

Маура кивнула:

– Да, эту вещицу я узнаю. Получается, что князь...

– Упустил улику, как и последние лет пятьдесят своей бесконечной жизни.

– Он путешествовал.

– Разве что если он, как крот, умеет рыть под землей. – Гондолу влекло течение, и Карла изменила положение весла в фарколе. – Он был в спячке, милая, наш сиятельный Мадичи, поэтому не знает даже о том, что люди давно используют в хозяйстве смертельно опасных для вампиров саламандр.

– Ты поэтому наврала ему про деготь? Эта субстанция абсолютно точно была потом саламандр, столь обожаемым аквадоратскими алхимиками.

– Он солгал про Филомену, я – про саламандр, – хмыкнула синьорина Маламоко, – мы в расчете.

– Погоди. – Маура спрятала шпильку. – У кого мы будем просить помощи?

Синьорина Маламоко вздохнула:

– У тишайшего Муэрто, и Совету десяти это ох как не понравится.

Синьорина да Риальто немножко подумала, а после с апломбом изрекла:

– А мы-то с Филоменой, дурочки наивные, считали, что Таккола бегаёт на свидания.

– Встречи и разговоры – основа работы.

– И работаешь ты на Совет десяти. Это не вопрос, а утверждение!

– Ну? Что именно тебя интересует?

– Как тебя, верную подружку, накажут? Совет десяти дожу не подчиняется, ты рискуешь.

– Мы в масках. – Карла говорила уверенно, но Маура свою Такколу знала лучше, чем, наверное, она сама, и слышала нотки сомнения в ее голосе. – Если Чезаре не успел вернуться в личные покои, мы перехватим его по дороге. Если успел...

Синьорина да Риальто ахнула:

– Чезаре? Кузен Чезаре – дож?

– Это никакая не тайна! – фыркнула Карла. – Как и нечеловеческое женолюбие нашего серенити.

– Особенно для учениц «Нобиле-колледже-рагацце»?

– Я не виновата, что вы с Филоменой нисколько не интересуетесь политикой.

Но Маура вовсе не злилась, она хихикала:

– И что же ты, моя черноокая синьорина Маламоко, тоже пала жертвой чар кузена Чезаре?

– Боже упаси, – испугалась Карла.

– Он миленький? Несомненно. Иначе Голубка-Паола не пылала бы сухой веткой в его объятиях. Он красавчик, да еще правитель. Однако синьорина Раффаэле пытается откусить изрядный кусок от жизни. Карла, мы должны ей помешать. Я хочу, чтоб Голубка обломала свои зубы об эту панпепато^[3].

Не более часа тому назад девушки корчились от ужаса в палаццо Мадичи, совсем недавно Маура узнала о том, что ее лучшая подруга

работает на страшный Совет десяти, тайную государственную полицию, но сейчас ее интересовало лишь то, каким образом они утрут нос выскочке Раффаэле.

– Он обещал жениться? Карла, ты помнишь их разговор? Тра-ля-ля, любовь моя, тебе скоро тридцать... Он обещал?

– Тишайший Муэрто сказал, что ожидает губернатора с визитом.

Маура торжественно вздохнула:

– Значит, ничего не решено, невест будут выбирать.

– Желаете принять участие в отборе?

– Только чтоб кое-кто не воображал ничего лишнего! Голубка! Посмотрим, что ее вороватый батюшка сможет противопоставить богатствам да Риальто.

Синьорина Маламоко, представив себе пухленькую Панеттоне в ручищах Чезаре, скривилась. К счастью, под маской этого заметно не было. К тому же Карле пришлось опять взяться за весло, гондола требовала управления в забитой судами воде главного канала.

Они оставили гондолу у причала, наняв какого-то мальчишку в качестве сторожа и заплатив половину оговоренной суммы. Таккола в нарядной толпе чувствовала себя как рыба в воде, Маура же растерялась настолько, что подруге пришлось подхватить ее под руку.

– Нас это ждет? – спросила блондинка, ее глаза блестели в прорезях маски. – То есть после замужества мы сможем вот так же веселиться на площади, слушать уличных музыкантов, лакомиться сладостями с лотков?

– Нет, милая, это времяпровождение не для порядочных женщин. Посмотри, все дамы здесь, – Карла указала на синьорину в желто-красном платье с открытой грудью и накрашенными сосками, – нетяжелого поведения.

– Куртизанки?

– Необязательно, есть еще шлюхи, которых называют путтана, и... Ни к чему тебе это запоминать.

– А эта? – Синьорина да Риальто ткнула пальчиком в сторону рослой дамы в драгоценной маске Аквадораты. – Грудь ее прикрыта, значит, она не... то слово, которое я, разумеется, запомнила.

– Какая-то аристократка, – кивнула Карла. – Она пользуется маскарадом, чтоб остаться инкогнито.

– Мы будем делать так же, – решила Маура. – Прятать лица и наслаждаться весельем. К счастью, в благословенной Аквадорате что ни день, то праздник, а время Великого поста... Что ж, я готова его перетерпеть.

– И что скажет на это твой супруг?

– Думаешь, мы часто будем с ним видеться? – хихикнула Маура. – Кстати, о тишайшем. Ты знаешь, как именно пройти в его покои?

Карла знала. Девушки проникли во дворец, воспользовавшись неприметной дверцей в темноте узенького переулка. Дверь охранялась, но Карла протянула в смотровую щель какой-то перстень. Когда их выпустили, а драгоценность вернули владелице, Маура едва сдержала хихиканье.

– Мертвая голова? – прошептала она. – Одна Таккола говорила, что его серенити одаривает такими своих любовниц.

Синьорина Маламоко ответила гордым молчанием.

Девушек не сопровождали. Они пересекли дворик, поднялись по лестнице на второй этаж мимо ящиков для доносов, выполненных в виде львиных голов, мимо резных украшений и драгоценных картин.

– Здесь тайный ход, – едва слышно шепнула Карла, снимая маску, – тебе придется отвернуться и закрыть глаза.

Именно в этот момент на головы обеих девушек опустились мешки, а шейки затянулись удавками. Придушенная Маура пискнула, но чья-то ладонь поверх ткани закрыла ей рот. Нападающих было несколько, и дело свое они знали. К счастью, оно не заключалось в убийстве.

Синьорин, поддерживая за локти, куда-то в полном молчании потащили, туфельки Мауры стучались о ступени. Они поднимались. Наконец душераздирающе скрипнула дверь, девушек втокнули в какое-то помещение. Скрип повторился.

Синьорина да Риальто шумно дышала, когда Карла сняла с ее головы мешок:

– Что произошло? Где мы?

– Арест. – Лица Такколы видно не было, в комнате царила темнота. – И мы, милая, под самой крышей дворца, в свинцовой камере «Пьомби».

– И что теперь? – По лицу Мауры заструились слезы. – Мы умрем?

– Рано или поздно – всенепременно. – Карла подвела подругу к стене и, нащупав нары, помогла ей сесть. – Разве что твой страстный поклонник Мадичи дарует нам бессмертие через вампирский поцелуй.

– Укус, – поправила подругу синьорина да Риальто, – вампиры производят вампиров укусами. А ты вместо того, чтоб мечтать о поцелуях, лучше бы придумала, как нам отсюда бежать.

– Придумаю, обязательно придумаю... – Синьорина Маламоко погладила блондинку по волосам. – Как только выясню, кому и зачем мы с тобой понадобились.

– А пока мы сидим здесь, с Филомены сдирает кожу князь тьмы. Может, даже зубами.

– Подозреваю, что эта панпепато для него твердовата, да и слишком много перца.

– А я люблю панпепато с перцем, – мечтательно пробормотала Маура, растягиваясь на жестком ложе. – Нянюшка Попета делает их замечательно, с фундуком и изюмом... Когда ты нас отсюда вытащишь, я напишу домой, чтоб нам прислали сладостей...

Карла довольно долго сидела в темноте, прислушиваясь к размеренному дыханию спящей подруги. А потом дверь отворилась:

– Новиций Маламоко, предстань для суда пред Советом десяти.

Фонарь стражника на мгновение осветил заплаканное личико Мауры, девушка не проснулась.

– Слушаю и повинуюсь, – шепнула Карла и отправилась на суд.

Глава 4

Война в благородном семействе

Синьорину Мауру да Риальто разбудило солнце. Девушка зажмурилась, зевнула и сладко потянулась. Вчера их с Карлой, кажется, арестовали? Или это был сон?

Маура досчитала до десяти и, открыв глаза, внимательно осмотрелась. Она сидела на кровати в квадратной нарядной комнате, стены украшены лакированными шпалерами и золоченой резьбой, двустворчатое окошко распахнуто, и морской ветер надувает парусом кисейные занавеси.

Девушка подошла к окну и увидела заполненный гондолами канал Санта-Леоне. Она все еще во Дворце дождей, но уже не в камере. Где Таккола?

Синьорина Маламоко осторожно приоткрыла дверь, но, увидев, что подруга не спит, вошла в комнату решительно и деловито.

– Сколько времени? – спросила Маура, рассматривая платье, в которое Карла успела переодеться.

Оно было бело-золотым, с высоким, под подбородок, воротником и нисколько худощавой брюнетке не шло.

– Почти вечер, – улыбнулась Карла, ставя на стол поднос. – Ты проспала двенадцать часов. Поешь. Здесь жаркое, спаржа и, кажется, грибы.

– Как тебе удалось все уладить? Что с Филоменой? Где уборная?

Третий вопрос был самым неотложным, и на него синьорина Маламоко кивнула в сторону смежной двери. За ней синьорина да Риальто задержалась, чтоб еще и умыться.

Пока блондинка отсутствовала, Карла сервировала стол и разлила по бокалам колодезную воду.

– Рассказывай, – велела Маура, приступая к трапезе.

– У меня много новостей, Панеттоне. Есть плохие и хорошие.

– Начинай с плохих.

– Мы не успели в школу до рассвета, и, наверное, я в нее больше не вернусь.

– Тогда и я тоже. Что тебе грозит? Тебя арестовали за... кузена? Или кузен?

– Совет десяти, – хмыкнула Карла. – Меня, видишь ли, обвинили в связях с аквадоратскими вампирами.

– Кто? Когда? Как?

– Синьорина Раффаэле. Думаю, она написала донос сразу после жаркого свидания с Чезаре, она видела нас троих у палаццо Мадичи. Написала и отправила с каким-нибудь городским гондольером, заплатив тому за услугу. Львиные ящики стоят на каждом шагу, содержимое их изымается в полночь. То, что донос Паолы рассмотрели почти сразу же, неприятная случайность. Но, когда мы с тобой отплыли на поиски Филомены, за нами уже следили.

– Вот гадина!

– И довольно расчетливая. В доносе фигурирует лишь мое имя.

– Ну ты ведь оправдалась? Этой бумажке не дадут хода?

– Нет и да. Моих оправданий никто не слушал, но «связь» с Лукрецио Мадичи останется без последствий.

– Чудесно! Кстати, здешний повар превосходен.

– Ты не хочешь спросить почему?

– Может, правитель богатейшего города-государства может себе позволить лучших поваров? – Маура округлила глаза и расхохоталась. – Я разыгрываю тебя, глупышка. Конечно же, мне невероятно любопытно, что ты пообещала тайной полиции. Но также я знаю, что неудобные вопросы останутся без ответа. Ты жива и здорова, я тоже жива, а скоро стану еще и сытой. Если, ко всему, окажется, что Филомена где-нибудь в соседней комнате дрессирует дворцовых саламандр, я буду самой счастливой синьориной в Аквадорате.

И синьорина да Риальто высоко подняла бокал с водой, будто произнося тост.

– Филомена вышла замуж за дожа Муэрто, – быстро и четко проговорила Карла.

Бокал упал, Маура уставилась на подругу, приоткрыв ротик.

– Что?

– На обряде обручения с морем на «Бучинторо» напал морской кракен, и синьорина Саламандер-Арденте спасла тишайшего Чезаре, изгнав чудовище из лагуны.

– Чудовище? погоди, то есть она изгнала не дожа, а кракена?

– Я тоже удивилась. – Карла отпила воды и поставила бокал. – Но так говорят. Пока мы с тобой жарились под свинцовой крышей, ожидая допроса, Филомена вступала в брак.

– И теперь?

– Совет десяти, приложив... кхм... хвост к носу и выяснив личность догарессы, желает, чтоб я, пользуясь дружеским расположением последней, оставалась подле нее в качестве придворной дамы, то бишь фрейлины.

– А я?

– А тебе придется искать другого мужа, милая. – Карла подмигнула.

– К свиньям мужей! – Маура порывисто вскочила на ноги. – Я тоже хочу в дамы! Какая прелесть! Мы утерли нос Раффаэле, мы увели красавчика дожа у нее из-под носа! О! Я желаю вернуться в школу и посмотреть в лживые голубиные очи! Ха! Ха-ха-ха!

Синьорина да Риальто бросилась на постель и задрогала ножками в восторге:

– А разбитое сердце Эдуардо излечит лишь новая любовь! Надо намекнуть братцу, что черноглазые брюнетки – самые верные.

Синьорине Маламоко матримониальные планы подруги на ее счет удовольствия явно не доставили, она проворчала:

– Еще неизвестно, примут ли нас с тобой в роли фрейлин.

– Это Филомена! Наша аквадоратская Львица!

– Если бы все здесь зависело лишь от ее желания...

– Если уж от желания правительницы ничего не зависит, то, позвольте узнать, куда катится этот мир? – патетически спросила Маура. – Найди мне платье, Таккола, я на три-четыре выбью нам эти должности.

Платье нашлось, такое же белое с золотым позументом, как и у Карлы. Последняя пошутила, что Панеттоне выглядит в нем как панакотта, сливочный пудинг.

– Умерьте ваши каннибальские сравнения, донна Галка, – с учительскими интонациями проговорила блондинка. – И ведите нас к драгоценному зятю, ведь мы все, ученицы «Нобиле-колледже-рагацце», сестры друг другу.

«Драгоценного зятя» нигде не находилось. Синьор Копальди, пойманный на лестнице, сбивчиво объяснил, что его серенити

готовится... К чему-то готовится. А донна догаресса, напротив, к этому не готова, и что... Кто?.. Сестры?.. Подруги?.. Какая удача!

– Ничего не поняла, – пробормотала Карла, когда в сопровождении стайки горничных они шли по коридору.

– Мы спросим Филомену, – махнула рукой Маура.

Белоснежные двустворчатые двери распахнулись. Синьорина Саламандер-Арденте, или скорее синьора Муэрто, спала. Она лежала на огромной кровати в центре расписанной облаками и херувимами комнаты. Из каждой ноздри догарессы торчало по соломинке, что делало ее похожей на моржа, у правой руки на постели стоял таз с водой, а на лице, точнее на губах, дремала крошечная красная ящерка.

* * *

«Это какая-то насмешка, – думала я, выныривая из обморока. – Когда мне решительно необходимо лишиться чувств, например, когда меня раздевают деревянные болваны, сознание при мне, а когда пришло время насладиться наказанием притеснителей, держите, синьорина Саламандер-Арденте, забыть».

– Это обезвоживание, ваша серенити, – бубнил мужской голос. – Донну догарессу надобно раздеть и уложить в ванну.

На слове «раздеть» я дернулась и замычала.

– Она приходит в себя.

Голос принадлежал толстячку в белой хламиде. Он, встретив мой взгляд, низко поклонился. Я кивнула в ответ и, опершись на руки, села. Мы были в спальне, похожей на внутренности жемчужной раковины. У одра, кроме лекаря, стояли также синьор Артуро с блокнотом наперевес и тишайший Муэрто.

– Раз все живы, – сообщил последний, – моего присутствия не требуется. Артуро, дружище, распорядись тут без меня, и пусть она будет готова к восьми. Как только выстрелят фейерверки, поставь ее справа от лестницы Гигантов, и пусть она медленно и размеренно прошествует к трону.

И, развернувшись на золотых каблуках, дож пошел к двери.

– Нет, постой... – Он замер. – Дай ей блокнот, пусть она напишет, что за странная саламандра бегает за ней и жжет огнем из-под хвоста

наших слуг.

Я посмотрела на блокнот.

Чезаре добавил с нажимом:

– И куда эта тварь, я, разумеется, имею в виду треклятую ящерицу, а не дражайшую супругу, делась?

Прислонившись спиной к изголовью, я каллиграфическим почерком вывела направление, куда немедленно следовало устремиться дражайшему супругу, по моему скромному мнению. У меня пять братьев, ваша серенити, уж таких словечек у меня изрядно.

Тишайший Муэрте угадал слово с трех букв и хмыкнул:

– Подожди ночи, шалунья, и мы вместе...

Он многозначительно умолк, и все присутствующие, кроме стронцо Чезаре, покраснели.

– Я верю в тебя, Артуро! – сказал дож, потрясая перед грудью сомкнутыми ладонями. – Дружище, ты справишься.

И сапожищи его отбили удаляющуюся дробь по паркету.

– Ванна, дражайшая донна? – спросил, справившись со смущением, лекарь.

Я покачала головой, вырвала из блокнота лист с гадостями и написала на новом:

«Любезный профессоре, благодарю вас за заботу. Не смею более задерживать...»

Когда старичок ушел, я обратилась к Артуро:

«Таз с водой, пожалуйста, и трубочки для мыльных пузырей».

Помощник выглянул из спальни, отдал приказ, и через пару минут у меня был таз и ворох соломинок.

«Спасибо, – написала я. – Который сейчас час?»

– Почти пять.

«Разбудите меня не позднее семи вечера. Пусть ванна и платье будут уже готовы».

– Как прикажете, – кивнул Артуро. – Вам придется сначала несколько часов сидеть подле его безмятежности на троне, а после – за столом во время банкета почти до полуночи. Дона Филомена, вам хватит на это сил?

Я уверенно кивнула. Помощник удалился.

Мне просто нужно попить и поспать, и я справлюсь со всем. О разводе подумаю завтра или во время банкета. Сейчас нужно

позаботиться о теле.

Я вставила в нос две соломинки и опустила их в таз, потягивая воду. Ощущения были неприятными, но не смертельными.

Что там стронцо Чезаре говорил о Чикко? Она сбежала? Малышка прячется от чужих. Не дается им в руки. Надеюсь, она найдется, очень надеюсь.

Сквозь подступающую дрему мне показалось, что саламандра юркнула ко мне на постель, пробежалась по волосам, скользнула к лицу и распласталась своим мятно-прохладным тельцем поверх фарфоровой нашлепки.

Губы покалывало, но у меня не осталось сил даже на то, чтоб поднять руку. Я лежала на спине и смотрела на резвящихся на потолке херувимов. Каждый из них был похож на Мауру да Риальто, поэтому, когда двери распахнулись и я опустила взгляд, поначалу мне показалось, что это продолжение сна. Но рядом с Панеттоне стояла Карла, вовсе на херувима не похожая.

– Кракен меня раздери! – проорала я, и Чикко скользнула к моему уху. – Какие ужасные платья!

– Что у тебя в носу? – проорала синьорина Маламоко.

Чертов таз полетел к стене, потому что Карла ринулась обниматься, и он ей мешал.

– Это саламандра? – орала Маура, запрыгивая на кровать с другой стороны и отводя от уха мои волосы.

– Это Чикко! – Я выдернула трубочки и провела по губам кончиком языка. Моя крошка-саламандра расплавил фарфор кукольника. – Настоящая мадженте.

– Ты высидела яйцо?

– Ты вышла замуж!

– Мы познакомились с вампиром!

– Этот стронцо Чезаре хотел убить беременную самку головонога!

Мы орали все одновременно. В полураскрытую дверь заглянули горничные, после чего створки почтительно закрыли. Но я знала, что про «стронцо Чезаре» стронцо Чезаре непременно доложат.

– Головоног? – переспросила Карла уже нормальным голосом. – Говорят, это был кракен.

– Кракены вымерли сто лет назад.

– Кстати, о возрасте, – хихикнула Маура. – Мы вчера ночью познакомились с чудовищным князем Мадичи. Он вампир и красавчик.

Я посмотрела на Карлу, та закатила глаза.

– Ах, и еще, – синьорина да Риальто дернула меня за волосы, привлекая внимание. – Совет десяти приставил Карлу шпионить за новой догарессой, так что будь любезна назначить нас своими фрейлинами, чтоб шпионить было удобнее.

Я посмотрела на Карлу, та смущенно кивнула.

– Рагацце, – голос дрогнул от чувств, – роль догарессы у меня ненадолго. Как только я получу развод...

– Какой развод?

– Опомнись, Филомена!

Я расплакалась:

– Эдуардо... честь... любовь... стронцо... Чезаре...

– Ты что-то поняла? – спросила Таккола Мауру.

– Филомена любит Эдуардо, – пояснила та и промокнула мне лицо скомканной простыней, – и только за него хочет замуж. Твой кузен ей противен, даже несмотря на то что он дож и красавчик...

Я бросила в нее подушкой.

– Ладно, про красавчика я досочинила. – Панеттоне увернулась. – В общем, Филомена собирается хранить свою невинность для моего брата и получить развод на основании несовершения супружеского долга. Все правильно?

Я радостно кивнула.

Карла посмотрела на меня с сомнением:

– Противостоять плотским мужским желаниям?

Тут я перестала реветь и хитро улыбнулась:

– Меня в деревянном ящике прислал его безмятежности князь Мадичи.

– И?

– И рискнет ли твой кузен-сластолюбец разделить ложе с вампирской ставленницей? Вдруг у меня отравленные слюни или в мое сознание вложили приказ перегрызть супругу яремную вену, как только он... ну не знаю, что-нибудь эдакое сделает?

– Давно ты это придумала? – после паузы спросила синьорина Маламоко.

– Буквально сей момент, – пожала я плечами. – Когда у меня в голове сложилось «вампир» и «гаденыш Мадичи». Это твой кузен так называет его сиятельство.

Подруги переглянулись, что мне не понравилось.

– Ну а на крайний случай у меня есть еще один план. – Дождавшись почтительной тишины, я продолжила: – Стать вдовой и уже тогда выйти замуж за Эдуардо.

– Права директриса, – пробормотала Таккола, – у тебя преступный ум.

– Кстати, она упала с лестницы. – Маура поглаживала Чикко, та молотила хвостиком по моей щеке.

– Сестра Аннунциата? – Я смущенно потупилась. – Поскользнулась на четвертой ступеньке?

– Предварительно намазав ее жиром.

– Ах...

Бедняжка! Она, как обычно, решила на практике проверить мой злодейский план, отчего и пострадала.

– Не винись, – велела синьорина Маламоко. – Завтра пошлешь монахине цветов и сладостей.

Чтоб меня отвлечь, Карла принялась рассказывать о подлости Голубки Паолы и цели своей достигла.

– Вот ведь путтана!

Маура хихикнула, Таккола хлопнула меня по губам:

– Общественная активность действует на синьорин не лучшим образом. Запомни, Филомена, мы не в школе, а во дворце, а здесь и у стен есть уши.

– Именно поэтому ты в голос орешь о связях с Советом десяти?

– Во-первых, орала вовсе не я, а наша болтушка Панеттоне, а во-вторых...

– ...пусть лучше нас здесь считают легкомысленными дурочками, – закончила Маура и вскочила с постели. – Итак, донна догаресса, мы немедленно приступаем к фрейлинским обязанностям. Сколько здесь служанок?

– Более десятка и... – Тут я скрипнула зубами. – Кажется, многие из них пользуются личной благосклонностью тишайшего.

Синьорина да Риальто потребовала подробных разъяснений и, выслушав их, улыбнулась с добродушием акулы-людоеда:

– Понимаешь ли, Филомена, заниматься слугами – не мужское дело, тем более мелкое для правителя. Каким бы стронцо ни был наш Муэрто, в его планы насолить тебе, отдав на растерзание гарему, я не поверю. А вот в то, что ты по неопытности продемонстрировала слабость, – запросто.

Я пролепетала что-то об обиде и унижении.

– Разберемся, – хмыкнула Маура. – Синьор Копальди упоминал, что тебе нужно к чему-то подготовиться?

– Кто?

– Ну, такой, – синьорина да Риальто мечтательно улыбнулась. – Каштановые волосы, зеленовато-карие глаза и премолая ямочка на подбородке.

– Артуро, – узнав описание, я кивнула. – Это личный помощник дожа Муэрто. В восемь вечера он должен меня, соответственно наряженную, установить у вершины лестницы Гигантов и, как только грянут фейерверки, пнуть в сторону трона.

Маура выглянула в окно, перевела взгляд на меня, поморщилась и распахнула двери спальни:

– Слуги! Все сюда!

Синьорина Риальто была богатой наследницей и управляла горничными с ловкостью опытного полководца. Меня стащили с кровати, отвели в ванную, засунули в кипяток, и две девицы с сильными руками принялись мять и тереть мое тело жесткими мочалками. Чикко теперь стояла столбиком на плече Мауры, отчего подруга стала походить на пухленького пиратского капитана.

– Эти платья унесите, – командовала она, – никаких холодных оттенков. Донна догаресса выйдет к подданным в желтом и красном, это цвета Саламандер-Арденте, мы будем их придерживаться. Не желтый? Золотой? Хорошо, пусть будет золотой.

Я погрузилась в воду с головой, перестав на некоторое время слышать. Какое счастье, что рагацце со мной! Моя хозяйственная Маура, моя хитроумная Карла. Вместе мы вытащим меня из ловушки, в которую я угодила.

Воздух в легких закончился, я вынырнула.

– Портнихи пусть работают здесь. Да, алое платье немедленно подогнать по фигуре донны Маламоко. Не донна? Тогда ты, милая,

больше не горничная. Не реви! Прощаю. На первый раз. Но если хоть одна из вас позволит себе хотя бы тень неуважения...

Мне из ванной было отчетливо слышно, что все слуги обращались теперь к Мауре не иначе как «донна да Риальто».

– Панеттоне в своей стихии, – пробормотала Карла, которая, оказывается все это время сидела на пуфике неподалеку.

– Что с вампиром? – спросила я. – Думаешь, он опасен?

– Семья Мадичи сто лет назад поклялась не иссушать граждан Аквадораты.

– Как же они питаются?

Плечи Такколы приподнялись.

– Не задавай лишних вопросов, чтоб не получать неприятных ответов.

– Тогда спрошу о другом. Как твоему кузену удалось достичь... того, чего он достиг?

– Случайность, – уверенно сказала синьорина Маламоко. – Помноженная на расчет и дьявольское везение. Чезаре водил дружбу с покойным дожем Дендуло, и, оставив пост адмирала торговой эскадры, обосновался в столице. Муэрто – не самая богатая фамилия, поэтому кузен занялся политикой, исполняя поручения для его безмятежности.

– Но дож! Это самый высокий титул из всех возможных.

– Выборный, Филомена, хоть и пожизненный. И выборы проходят в несколько этапов, наши власти предержавшие всеми силами стремятся не допустить на высокий трон соперников. Велась игра, грязная и не очень. Подозреваю, что в победу Муэрто не верил никто и патриции сливали свои голоса ему, просто чтоб они никому не достались.

– Понятно.

Значит, мой временный супруг всего лишь удачливый авантюрист, волею случая вознесенный над толпой. Развестись с ним будет несложно.

– Почему ты сказала «да»? – Карла отвлекла меня от размышлений. – Я имею в виду, у алтаря.

– Не сказала, а промычала. Знаешь, такая была суета, я мало понимала, что вообще происходит. Меня больше волновало, успеет ли сбежать самка головонога. Но каков мерзавец? Притащить в

Аквадорату безобидного моллюска, чтоб тот сыграл роль чудовища и погиб во славу тишайшего Муэрто.

– Довольно изящный ход. Не окажись ты на отмели, горожане чувствовали бы сейчас победителя Чезаре.

– Думаешь, он захочет мне отомстить?

– Муэрто будет играть теми картами, что окажутся у него на руках. Сейчас ты козырь, дар моря, знак благосклонности высших сил.

– Он меня отпустит?

Карла вздохнула:

– Нет, Филомена. По крайней мере, не в ближайшее время.

– Это мы еще посмотрим! – Я хлопнула руками по воде, подняв брызги. – Мне нужно знать больше. Слабые места, грязные секреты. Вы близкие родственники...

– Чезаре – сын двоюродной сестры моей тетки по материнской линии.

– Стронцо!

Вода выплескивалась из ванны, с таким остервенением я о нее колотила.

– Чем ты умудрилась так расстроить донну догарессу? – заглянувшая к нам Маура многозначительно пошевелила бровями.

– Правдой, – ответила Таккола.

– Там синьор Копальди ожидает Филомену у двери спальни, чтоб сопроводить к супругу.

– Никуда не пойду, – фыркнула я и нырнула под воду.

Две пары рук меня вытащили почти сразу.

– Пойдешь, как миленькая пойдешь и заставишь всех аристократов и патрициев пускать слюни на твою юную прелесть, а их спутниц – корчиться от зависти.

– Иначе проблемы будут не только у тебя, но и у всей фамилии Саламандер-Арденте.

– И у нас.

– И у всей Аквадораты.

Не дожидаясь, пока под угрозой окажется человечество в целом, я поднялась и проследовала в спальню. Синьор Артуро переминался под дверью еще не менее трех четвертей часа. Зато когда узрел меня на пороге в сопровождении фрейлин, пошатнулся и, прижав к сердцу раскрытую ладонь, прошептал:

– Вы так прекрасны!

Ало-золотое платье спускалось до самого пола. Маура фыркала, сокрушаясь, что в кукольном платице были, по крайней мере, видны мои ножки, и утолила свою страсть к чужому обнажению, надев мне на шею рубиновое кольцо, центральный камень которого, многогранная крупная капля, лег точно между грудями.

Волосы мои убрали под золотую сетку, а Чикко притворялась украшением, заняв привычное местечко на моем ухе. Наряды фрейлин – теперь я могла называть так своих подруг, не прибегая к мысленным кавычкам, – частично повторяли мой. Худошавая Карла надела закрытое узкое платье красного шелка и спрятала лицо под маской Дамы, Маура щеголяла кружевами светлого многослойного газа, она тоже была в маске.

– Синьор Копальди, – проговорила она строго, – время не ждет, поспешим.

Когда черное небо над Аквадоратой расколосось дорожками фейерверков, я медленно и размеренно прошествовала к трону, установленному на вершине лестницы Гигантов. Маура, решившая, что я выгляжу слишком бледно, нанесла на мое лицо такое количество краски, что под слоем ее я потела. Декольте блестело от золотой пудры, а глаза... Я лишь надеялась, что сурьма не течет по щекам грязными дорожками. Синьорина да Риальто меры не знала.

– Прекрасное чувство ритма, – похвалил меня тишайший, одновременно со мной оказавшийся у трона. – Повернись, дай руку... На три-четыре.

И мы сели. Я – с левой стороны от супруга. Трон был двойным, и мое бедро прижималось к мужскому. Толпа подданных у подножия лестницы виделась мне беспокойным морем. Кто-то, кажется, произносил речь.

Я напрягла слух, но сосредоточиться не получалось: дож не отпустил моей руки и теперь задумчиво крутил на моем пальце великоватое обручальное кольцо.

– Все было бы еще идеальней, если бы с рассветом моя догаресса растворилась в морской пене, – мечтал он вполголоса. – Архивариус, сушенный нетопырь, заверил меня, что у русалок это в порядке вещей.

Я молчала.

– Но лучшее – враг хорошего.

Хотелось есть. И неплохо было бы вернуть себе контроль над собственной конечностью. Я даже потянула руку на себя, но, видимо, с недостаточной силой.

– Послушная, не слишком уродливая и молчаливая жена...

Выдернув ладонь, я протянула, не глядя на дожа:

– Три раза мимо.

Ему не успели доложить, что немота моя прошла. Чезаре вздрогнул и повернулся ко мне. Я продолжила:

– О послушании не мечтайте, ваша серенити.

– Однако!

– Сегодня я согласна исполнить роль вашей нареченной, но лишь сегодня. С рассветом, надеюсь, мы исчезнем из жизни друг друга, как страшный сон.

Оратор у подножия сменился, я поняла это по тому, что Чезаре кивнул вниз и взмахнул рукавом. Я зеркально повторила его жест.

– Каким же образом, любезная супруга, мы расстанемся?

– Это сложно?

– После того как ты написала кардиналу свое имя? Конечно. Будь ты хоть на толику предусмотрительней, можно было бы повернуть спектакль с растворением в пенных волнах. Плаваешь хорошо?

– Да, – ответила я честно. – Тогда вы дадите мне развод.

Предложение это обдумывалось тщательно. На дожа я не смотрела, но чувствовала, что его тело напряглось и замерло, так застывают кошки, рассчитывая прыжок.

– Как именно ты собираешься распорядиться своей свободой?

– Закончить учебу и выйти замуж за того, кому отдано мое сердце.

– Учебу?

– «Нобиле-колледже-рагацце» – школа для благородных девиц, учрежденная указом светлой памяти дожа Дендуло.

– И кто тот счастливец, что поведет к алтарю дипломированную благородную девицу?

Я покачала головой:

– Имя его я хотела бы сохранить в тайне, но можете быть уверены, этот синьор – достойнейший из смертных. Самый умный, самый красивый и безгранично добродетельный.

У подножия начиналось представление. Толпа расступалась, и в центре площадки извивались фигурки танцоров. Стоит быть

владельцем целого государства, чтоб сидеть на галерке?

– Учениц в колледже много?

– Всего двадцать.

– Значит, среди оставшихся девятнадцати твой синьор без труда выберет себе другую супругу. При его достоинствах это будет нетрудно.

Почему-то я вообразила себе безобразную сцену, как Эдуардо – мой Эдуардо! – заключает в объятия синьорину Раффаэле, и едва не лишилась чувств. Как он жесток! Не синьор да Риальто, а дож! Но чего ждать от негодя, пытавшегося убить головонога?

– Вы дадите мне развод?

– Конечно, дам. – Чезаре энергично кивнул, и его рогатая шапка нависла надо лбом. – Иметь подле себя супругу, испытывающую ко мне отвращение, – то еще удовольствие. Но, прости, не завтра.

– А когда?

– Лет через пять? – Срок он явно сочинил на ходу. – Отправлю тебя в монастырь, кардинал Мазератти, в память о знакомстве с твоим батюшкой, подберет заведение подальше от столицы.

– И как вы распорядитесь своей свободой? – вернула я его вопрос, прозвучавший раньше, и развернулась к собеседнику.

– Это мне хотелось бы сохранить в тайне, – улыбнулся Чезаре, и его глаза хитро блеснули.

Один-один. Ну что ж, стронцо, не желаешь по-хорошему, будет тебе по-плохому. Не совершенно «злодейски», но изощренно-коварно.

Смущенно потупившись, я прошептала:

– Как будет угодно вашей безмятежности, – и отвернулась к представлению.

– Раз мы пришли к согласию, Филомена, – дож расслабленно прислонился к спинке и нашел мою ладонь в ворохе шелка, – самое время рассказать мне о том, каким образом синьорина Саламандер-Арденте очутилась на отмели близ острова Николло как раз в момент обручения меня с морем.

– Можно назвать это божьим промыслом...

Отодвинувшись так далеко, что подлокотник вонзился мне в бок, я пыталась вырвать руку.

– Не дергайся, – ласково сказал Чезаре, – иначе я посажу тебя к себе на колени.

– Это противоречит протоколу!

– Да кого волнует протокол? Публика жаждет проявлений страсти от двух молодых людей, один из которых красив и не обделен вниманием противоположного пола. – Дож улыбнулся и пояснил: – Я имею в виду себя.

Мои губы растянулись в оскале:

– Попробуй, стронцо. И внимание противоположного пола надолго приобретет для тебя платонический оттенок.

– Как разнообразен лексикон благородных девиц! – Чезаре дернул меня к себе и обнял левой рукой за плечи. – Потерпи, рагацце, сейчас жонглеры закончат и праздник переместится в менее официальные покои.

Чикко возбужденно пыхтела, накапливая жар. Сейчас мы с малышкой кое-что кое-кому устроим.

– Артуро! – негромко позвал супруг. – Ты надел перчатки?

– Да, ваша серенити.

Меня больно потянули за волосы у затылка и, когда голова моя отклонилась, синьор Копальди снял с меня саламандру и опустил в стеклянный шарик футляра.

Саламандры, как оказалось, даже мадженто, – простые создания. Очувшись в прозрачной сфере, они немедленно впадают в спячку.

– Хоть какой-то толк от сморчка-архивариуса, – хмыкнул дож. – Эта развалина, представь себе, прохлопала все документы, которые касаются синьорины Саламандер-Арденте. Божится, что их похитили у него из-под носа. Как думаешь, Филомена, не твой ли достойный синьор провернул эту кражу?

– Эдуардо? Это невозможно! Чтоб наследник да Риальто...

Я запнулась, поняв, что только что совершила огромную глупость. Серебристые глаза Чезаре победно блеснули.

– Торговый флот да Риальто? А ты вовсе не такая дурочка, как можно было бы подумать. Но кроме достойнейшего из смертных есть еще и бессмертный?

– Что?

Чезаре отвернулся к помощнику:

– Артуро, почему они вопят?

– Торжественная часть закончилась, ваша безмятежность. Публика требует поцелуя.

– Понятно. Дражайшая супруга, наша беседа переносится на другое время. – Дож встал, потянув меня за собой. – Встретимся за столом. Ах, чуть не забыл. Негоже разочаровывать подданных. И пусть утешением тебе послужит мысль, что поцелуй был мне не менее отвратителен.

Мягкие губы Чезаре накрыли мой рот, и я замерла. Без нашлапки ощущения были совсем другими, это раздражало. Супруг, видимо, испытал удивление. Его рот замер на мгновение, потом пришел в движение, и, вместо того чтоб пристойно отстраниться, этот стронцо обхватил меня за талию обеими руками, прижал к себе и...

– Ваша серенити, – бормотание Артуро разбило кокон тишины, в котором я очутилась, – еще не время.

Когда меня отпустили, я пошатнулась на ватных, ставших слабыми ногах и опустила занесенную для пощечины руку.

Почему моя слюна не отравлена? Это было бы так чудесно!

Дож смотрел на меня со странным удивленно-сокрушенным выражением:

– Прости, дорогая, мне нечем тебя утешить.

– Что?

– Мне понравилось.

И стронцо Чезаре, насвистывая под нос, удалился. Видимо, чтоб уязвить меня еще больше, в его правой руке подпрыгивал стеклянный футляр со спящей Чикко.

– Умница, – сказала Маура, ведя меня под руку по длинному коридору, – держалась как настоящая королева.

– Он забрал мою саламандру!

– Но ведь не убил? – Карла держала меня под другую руку. – Улыбнешься пару раз или заплачешь, и тебе ее вернут.

– Он не дает мне развод.

– А ты потребовала развода прямо на троне?

– До или после поцелуя?

И чертовки захихикали.

– Меня чуть не стошнило, – соврала я.

– Нечем тебе тошнить, – отрезала Таккола и сунула мне в рот печенье.

«Значит, голова кружилась от голода, – решила я, энергично жуя. – И слабость от этого, и путаные мысли. Одной водой жив не будешь».

– Куда мы идем?

– Переодеваться. За ужином дож с догарессой могут выглядеть менее официально.

– И умыться тебе надо, – вздохнула Панеттоне, – с краской я переборщила.

– А я говорила!

– Потому что лестница длинная, с подножия лица донны догарессы не рассмотришь.

– Ужин пропустить можно? – перебила я разгорающийся спор. – Попросить что-нибудь принести в спальню?

– Такое поведение расценят как приглашение в постель, – фыркнула Карла, – и десятки предупредительных рук втолкнут к тебе тишайшего супруга.

– Хоть будет возможность поговорить с ним без лишних ушей.

– Поговорить? Именно!

Лица Такколы под маской видно не было, но я была уверена, что фрейлина гаденько ухмыляется.

В спальне я бросилась на кровать и закрыла глаза, позволяя окружающим делать со мной все, что они сочтут нужным. Щеки ощущали прохладу мокрой ткани, которой меня протирали, волосы потрескивали от костяных гребней и щеток, туфельки сняли, чтоб надеть другие.

Смертный, бессмертный. Чезаре хотел узнать о вампире. За ужином я должна поведать супругу ровно то, что заставит его отложить исполнение супружеского долга.

– Карла, – тихонько позвала я.

– Да, драгоценная донна.

– Как именно вампиры зачаровывают смертных?

Тишина меня удивила, и я открыла глаза. На постели рядом со мной сидела синьорина Маламоко, а синьорина да Риальто как раз запирали двери спальни за последними горничными.

– Что именно ты хочешь знать, Филомена?

– Все, что поможет мне изобразить жертву.

Маура присела рядом с подругой, ей тоже было интересно.

– Глаза, – сказала Карла. – Сначала вампир ловит твой взгляд, так, что ты не можешь его отвести, а потом как будто проникает в твою голову.

– Как при этом выглядит сам вампир?
– Как красавчик, – хихикнула Маура, но испуганно прикрыла рот ладошкой.

– Вот сама и рассказывай, – обиделась Таккола.

Подруга пожала плечами и сняла маску.

– Если бы нашей аквадоратской Львице требовалось противостоять экселленсе, тут, разумеется, ей понадобилась бы твоя консультация. Но Филомене лишь нужно знать, как не устоять. Поэтому, пожалуй, у меня получится лучше. Итак, вампир замирает, как кошка перед прыжком, его глаза начинают мерцать красным, пока не становятся похожи на рубины. Он не шевелится, не дышит, не моргает.

– Что чувствует жертва в этот момент?

– Карла ослабла настолько, что ей пришлось опереться на трость.

– Но она устояла?

– Да, и сиятельный Лукрецио проникся к ней уважением.

– А жертва? Тот, кто не устоял?

– Этого никто не знает. – Карла сняла алую маску и бросила ее на покрывало. – В том числе и синьор, которого ты собираешься провести.

Сев на постели, я серьезно посмотрела на подруг:

– Рагацце, я собираюсь освободиться из-под власти стронцо Чезаре любым способом. Мне нужна ваша помощь, но еще больше нужна уверенность, что о планах моих не будет доложено дожу.

– В мою сторону камешек? – хмыкнула Таккола. – Что ж, Филомена, я с тобой.

– А как же твои начальники из Совета?

– Они наблюдают. Я свободна играть на любой из сторон этой супружеской войны, и выбираю твою.

– И я, – Маура захлопала в ладоши, – разумеется, я за войну! Мы выдадим Филомену за Эдуардо, красавчик дож устроит отбор невест, и тогда я поборюсь за место. Он ведь хорошо целуется?

Карла закатила глаза. Синьорина да Риальто обожала разыгрывать из себя «прелесть какую дурочку», мы ей это прощали.

Тишайший Муэрто с отвращением сбросил парчовый кафтан и запустил драгоценной шапкой в люстру:

– Ты не предупредил меня, что девица не немая!

– Потому что ты велел мне все время находиться рядом с ней! Я едва успел забрать у стеклодувов футляр для саламандры!

Крошка-ящерка дремала в сосуде, который Чезаре аккуратно пристроил на письменном столе, окружив с трех сторон корешками книг, чтоб прозрачный шарик не скатился на пол.

– Не немая, болтливая, да еще и влюбленная! Не в меня, заметь.

– Именно последний факт вызывает твоё раздражение?

Чезаре уселся на стул и один за другим стянул золотые сапоги.

– Да, Артуро! Именно. Потому что влюбленная женщина подобна воску, а увлеченная другим – строптива и оттого неудобна в использовании.

Синьор Копальди очень устал и наедине с его серенити мог себе позволить некоторую вольность. Он достал из шкафчика оплетенную бутылку, бокалы и, выбив пробку, разлил вино.

– Тебе досталась в жены прекраснейшая из женщин, ее подарило тебе море, ее обожают подданные, но ты все же ворчишь. – Он подал Чезаре бокал. – Если тебе нужен воск... Что ж, соблазни свою супругу, обаяй, влюби в себя.

– Мне чертовски любопытно посмотреть на этого Эдуардо да Риальто, что в нем такого невыразимо достойного.

– Я спрошу у синьорины Мауры, нет ли у нее при себе медальона с изображением брата.

– Ты знаком с его сестрой? Давно?

– Несколько часов. – Артуро присел на свободный стул и, вытянув ноги, отхлебнул из бокала. – Подруги твоей дражайшей супруги – синьорины да Риальто и Маламоко – теперь состоят при доне Филомене в качестве фрейлин...

– Маламоко? – быстро переспросил дож.

– Карла Маламоко, – кивнул Артуро. – Кажется, она твоя кузина. И мне показалось, ты не будешь возражать.

– За что?! – Чезаре воздел руки к потолку. – Мне вообще рано еще жениться. Правильно говорил покойный батюшка: рассудительный мужчина вступает в брак ближе к жизненному закату, чтоб супруга не успела испортить его лучшие годы. Я мог бы беззаботно здравствовать

лет до шестидесяти, а после жениться на какой-нибудь из твоих, Артуро, племянниц... Нет, они были бы уже почтенными матронами, из твоих внучатых племянниц... Вместо этого я получаю рыжую девицу, влюбленную, но вовсе не в меня, с приданым в виде шпиона Совета десяти, богатой наследницы, чей папаша – попомни мое слово! – еще примчится ко мне во дворец качать права, престарелого вампира, кракена... Кстати, Артуро, скажи парням присматривать за акваторией на всякий случай. Что еще? Ах, огнепукающая ящерица!

И дож обвиняющим жестом указал на стол, после чего, будто обессилев под ударами судьбы, откинулся в кресле.

– Донна Маура рассказала мне, что семья Филомены уже несколько поколений занимается разведением саламандр.

– Донна Маура... – Пальцы Чезаре выбили дробь на подлокотнике. – После таинственной прополки дворцовых архивов нам только и остается, что опрашивать подруг.

– Мне почудилось, что донна догаресса просила тебя о разводе?

– Просила? Это тебе точно почудилось. Она требовала и ставила перед фактом! Чертова кукла! Ах, ваша безмятежность, мой Эдуардо да Риальто, имя которого я вам не поведаю, но поведаю...

Чезаре раздраженно поставил бокал.

– Развод избавил бы тебя от многих проблем, – осторожно проговорил Артуро.

Муэрто поморщился:

– В принципе можно разыграть карту рыцарского благоговения и благородно вручить непопорченную девицу...

– ...синьору да Риальто, – подсказал помощник.

– Треклятому Эдуардо! Но тогда недоброжелатели скажут, что дож Муэрто оскорбительно пренебрег подарком моря, что безмятежным водам Аквадораты потому угрожают шторма и тревоги. И первый же шторм убедит в этом прочих.

– Пожалуй.

– И вампиры тут же примутся плести сети новых интриг, а зрелые девицы – забрасывать меня знаками внимания... Кстати, об интригах. Можешь снимать маску и арестуй всех членов Другого Совета десяти. Эта афера протухла, мы ее сворачиваем.

– Подготовить документы для суда?

– Нет, не нужно. Подержи их пару дней и отпусти даже без допроса.

– Всех?

– Пожалуй, кроме этого смешного толстячка Дуриарти. Его не трогай. Он же великолепный кукольник! Ты видел, какие марионетки играют в его театре? Они почти как живые, и некоторым из них он умудряется дать голоса. Волшебный талант.

– Куклы, Чезаре! – возбужденно воскликнул синьор Копальди. – Князь Мадичи собирался послать тебе куклу!

– Филомена абсолютно точно настоящая женщина.

– А если нет? И что это была за странная штука, закрывшая ей рот? Лекарь сказал, что эта субстанция не крепилась на плоти, а будто вращалась в нее, будто сама стала губами. Слишком похоже на колдовство, так же как искусство синьора директора театра.

– Убедил. – Тишайший Муэрто прошел босиком за ширму, где на вешалке ждал его обычный костюм. – Бери кукольника и делай с ним все, что считаешь нужным. А я последую твоему совету и попытаюсь обаять чертову куклу Филомену. Из человеколюбия. Не могу же я подложить свинью благородному да Риальто, заставив вступить в брак с гомункулом? Это как-то не по-мужски.

Синьору Копальди пришлось на время отлучиться из дворца, поэтому встречу сиятельных супругов за ужином лично он не наблюдал. Но, когда Артуро проскользнул в парадную залу, атмосфера там искрилась вовсе не любовными эманациями.

– Что произошло? – прошептал он на ушко сдобной донны да Риальто, которая стояла у колонны, или скорее пряталась за ней.

– Наш тишайший Чезаре отчего-то заартачился и не желает позволить кухне Маламоко находиться подле Филомены.

– Неужели?

– Синьор Пассерото, дворцовый управляющий, подготовил нам такие прелестные покои...

– В другом крыле от апартаментов его серенити? – уточнил Артуро, который лично беседовал с управляющим на эту тему и передал приказ дожа поселить новобрачную подальше от супруга. – Фисташковая гостиная?

– Именно.

Местечко за колонной вовсе не было уединенным, вокруг синьора Копальди с прелестной собеседницей прохаживались приглашенные гости, некоторые останавливались, чтоб послушать струнный квартет, выступающий на возвышении в центре залы.

– А почему мы прячемся? – спросил Артуро, когда его прижали к донне Мауре настолько близко, что молчать становилось неприлично. – И от кого?

– Потому, милейший Артуритто, – девушка улыbnулась, отчего на щеках ее возникла пара милейших ямочек, – что, когда господин и повелитель решит сдаться, свидетелям его поражения не поздоровится.

Синьор Копальди взглянул на Чезаре, тот как раз бросал на стол крахмальную салфетку и поднимался из-за стола.

– Вы ошиблись, Маурина, – вернул он донне да Риальто уменьшительный суффикс, – его серенити непреклонен.

Маура фыркнула:

– Это мы еще посмотрим.

Филомена, найдя взглядом фрейлину, поманила ее к себе. Донна да Риальто удалилась, а Артуро последовал за Чезаре, обнаружив того на террасе.

– Чертова кукла, – вздохнул тишайший, – никакого понятия о флирте. Не удивлюсь, если под платьем у нее ржавеет пояс целомудрия.

– Ты вышел на воздух, чтоб остыть?

– Что? – Чезаре отвлекся от разглядывания чего-то на нижнем ярусе террасы. – Нет, дружище, у меня здесь маленькое свидание. А вот и наша синьорина Маламоко.

Карла неторопливо поднялась по ступеням и замерла перед дожем в реверансе.

– Артуро, позаботься, чтоб нам не мешали, – кивнул дож.

И синьор Копальди прислонился спиной к двери в залу, наблюдая, как Чезаре со спутницей рука об руку бредут в тени колонн. Дождь спрашивал, дона Маламоко отвечала, через несколько шагов рука Чезаре обняла ее за плечи.

– Стоите на страже? – шепнула донна да Риальто, прислоняясь рядом.

– Что делает догаресса?

– То, что не могла себе позволить в присутствии супруга: ест. Однако что за странная близость?

– Простите?

– Почему ваш дож обнимает мою подругу?

– Они кузены.

– Он женат, а она – невинная девушка.

Артуро подумал, что, исполни Чезаре свой прекрасный план с морским чудовищем, сейчас он, Артуро, уже сидел бы в уютном уголке с бокалом вина и какой-нибудь менее целомудренной синьориной. Или проводил допрос в нижних камерах.

– Ваш брат, Маура, – спросил он, чтоб сменить тему, – настолько полон достоинств, как о нем говорят?

– Кто говорит? Ах, понятно. Да, Эдуардо красив и неглуп, и... О боже, Карла плачет?

Синьор Копальди посмотрел, но слез не заметил: донна Маламоко стояла к нему спиной. И по этой спине ее сейчас похлопывал его серенити.

Маура шагнула вперед.

Артуро схватил тонкое запястье:

– Постойте, они возвращаются.

– Если этот... Чезаре обидел мою подругу... если хоть одна слезинка...

Но Карла улыбалась.

– Донна да Риальто, – весело проговорил дож, – побеседовав с кузиной, я решил позволить вам обоим остаться во дворце в качестве фрейлин моей драгоценной донны Филомены. Более того, осознав всю важность диплома для девиц благородных, я позволяю вам, синьорины, продолжить обучение.

Девушки посмотрели друг на друга.

– Мы вернемся в «Нобиле-колледже-рагацце»?

– Именно. – Чезаре лучился добродушием. – Разумеется, донна Филомена должна будет каждый вечер являться в мои покои для исполнения супружеского долга, а вы, синьорины, – в свои, чтоб исполнять свой долг фрейлин подле догарессы. Два долгих месяца мы проведем с вами как одна большая семья, а когда синьорина Маламоко отбудет в колонии...

Донна да Риальто пошатнулась, Артуро придержал ее локоть.

– Панеттоне, – шепнула Карла подруге, – я после тебе все объясню.

Она обожгла синьора Копальди неприветливым взглядом и сняла его руку с локтя блондинки.

– Пойдем, милая, обрадуем Филомену. Ваша безмятежность, позвольте нам удалиться.

Фрейлины присели перед Чезаре, дождались кивка и впорхнули в арку двери.

– Твои планы поменялись? – спросил Артуро. – Распорядиться про другие покои?

– Нет-нет, дружище, пусть обе синьорины ночуют как можно дальше от меня.

– Обе?

– Да. Загляни в залу, моя синьора Муэрто изъясляет радость?

Артуро ответил через минуту:

– Она улыбается, фрейлины сидят по обе стороны и наперебой ей что-то рассказывают. Чезаре, почему ты разрешил этим девицам остаться?

– Помнишь, мы как-то с тобой заходили на остров Мурано и я знакомил тебя с дядюшкой Фаусто?

– Синьором, который свел нас с островными контрабандистами? Ты еще сказал, что он четверть века...

– Фаусто Маламоко, бывший председатель Совета десяти.

Артуро рассмеялся:

– Помню его лабиринт испытаний, в который мы, напившись, полезли, и как мальчишки-ученики вытаскивали нас из ямы с кольями, а после старикан гонялся за тобой с мухобойкой, потому что ты поломал какой-то важный рычаг.

Чезаре улыбнулся:

– Те мальчишки уже давно выросли и исполняют секретные миссии во славу Аквадораты в разных частях мира. И Карла...

– Дона Маламоко готовится к миссии?

– Да. И треклятый диплом должен ей в этом помочь. Дядюшка Фаусто не простит мне, если его многолетняя операция станет менее безупречной. Поэтому тебе, Артуро, придется организовать благородным девицам ежедневный транспорт в школу и обратно.

– Не проще будет отпустить их ночевать в дортуаре?

– Моя жена будет ночевать со мной, а не по соседству с палаццо Мадичи и... – Чезаре поморщился: – Карла сказала, что сиятельный Лукрецио проявляет к донне Филомене интерес.

– Они знакомы?

– Кажется, нет. В этой истории много непонятного. Ты арестовал кукольника?

– Да.

– Прекрасно. Я хочу сам его допросить.

– Сейчас?

Тишайший Муэрто посмотрел на друга с жалостью:

– Тебе нужно поспать, дружище, может, тогда ясность мыслей вернется. Сейчас у дожа Аквадораты брачная ночь. Поэтому загляни на кухню...

Окончание фразы заглушил треск фейерверков.

Глава 5

Возвращение в альма матер

Празднество проходило в одном из залов первого этажа, а точнее, в нескольких смежных залах. Публика потянулась туда сразу после официальной части, после торжественных речей, благословений и обращений. Новобрачные удалились в свои покои, чтоб переодеться, и подданные ожидали их возвращения.

– Маркиз Сальваторе, – кивнул синьор в костюме Арлекина безмасочному тучному патрицию, – не ожидал вас здесь сегодня увидеть.

– Граф Тучио? – неуверенно переспросил патриций и улыбнулся, когда маска Арлекина на мгновение сдвинулась с одутловатого лица. – Доброго вечера.

– Спешите лицезреть русалку? Настолько, что даже не успели сменить дорожный костюм?

– Дар моря? – Маркиз на вопрос не ответил. – Говорят, она прелестна.

– Более чем. Представьте себе идеальное воплощение аквадоратской девы, стройное и соразмеренное, с волосами цвета бледной меди и глазами цвета...

– Маркиз, граф. – Кардинал Мазератти поочередно сунул синьорам перстень для поцелуя.

– Монсеньор. – Оба аристократа чмокнули губами над бледной дланью кардинала.

– Говорят, ваше высокопреосвященство, что именно вы провели венчание?

Видимо, при дворе отвечать на прямые вопросы принято не было.

– Повезло гаденышу, – пробормотал Мазератти. – Дьявольски повезло. Зря я запер в своем кабинете тосканского профессора, специализирующегося на морских гадах. Что теперь? Отпусти я его теперь с поводка, чтоб он рассказывал всем, что кракен нашего тишайшего вовсе не кракен, а безобидный комок слизи... Эх!

Арлекин звякнул бубенчиками маски:

– Представьте, синьоры, какая досада. Нынче вечером наша безмятежность осталась без пробовальщиков еды.

– Это мелко, граф, – саркастично хихикнул Сальваторе.

– И я здесь абсолютно ни при чем.

– О, мы, разумеется, в этом уверены.

В залу вошел дож Муэрто в сопровождении малых советников. Беседа смолкла, все поклонились, кардинал суетливо плюхнулся в кресло, придвинутое слугой. Кланяться мальчишке он не собирался.

Гаденыш Чезаре приветствовал подданных, подмигнул советнику, который держал на подносе какое-то накрытое крышкой блюдо, и сел за стол. Под сводами зала разнеслась мелодия струнного квартета.

– Он принес еду с собой? – спросил монсеньор, обзор которого перекрыли спины распрямившейся публики.

– Салат! – фыркнул граф Тучио. – Ах, и напитки наш тишайший тоже прихватил отдельные.

– Хитрый гаденыш.

– Однако где же догаресса? – Маркиз поднялся на цыпочки, чтоб ничего не упустить. – Разве новобрачным не следовало явиться вместе? Кстати, ваше высокопреосвященство, говорят, вы знакомы с родителем нашей русалки?

– Не близко, он консультировал меня в прошлом году по поводу пушки-саламандры, которую я установил на флагманском фрегате своей флотилии. Это некий Саламандер-Арденто.

– Как знакомо звучит это имя.

– Кажется, все огненные ящерицы столицы происходят из его питомника на острове.

– И что, синьор Саламандер-Арденте осведомлен о перемене своего статуса?

– Не уверен. Зато убежден, что возражать против этой перемены он не будет. – Граф подпрыгнул, звякнув колокольчиками. – Синьора догаресса! Какой странный выбор платья. На ней нет украшений, она распустила волосы.

– Серениссима! – Мужчина в черной полумаске, непонятно как давно стоящий у кардинальского стула, прожигал синьору Муэрто страстным взглядом серых глаз. – Однако как она хороша!

– Вы находите? – Кардинал поднял руку с кольцом.

Незнакомец улыбнулся, монсеньор уронил руку на колено.

– Сиятельный князь Мадичи?

Вампир улыбнулся еще шире:

– Кардинал... Ну, не томите, дайте подсказку. Кажется, последнего священнослужителя вашего ранга, с которым я имел честь беседовать, звали Джулиани.

– Он покинул земную юдоль лет двадцать назад.

– Неужели? А был такой крепкий старикан, жизнелюб, ценитель красоты и доброго вина. У него в свите состояли самые прелестные служки, которых могла родить благословенная земля Аквадораты. Одного звали Пимио, другого... – Князь потянул носом, будто принюхиваясь. – Кардинал Мазератти, как вы возмужали за прошедшие годы! – И он изящно поклонился светским неглубоким поклоном.

В присутствии древнего вампира аристократы чувствовали себя до крайней степени неудобно.

– Чем обязаны счастью вашего, князь, посещения нашей столицы? – спросил граф Тучио, ощущая себя под маскарадным одеянием чуть свободнее остальных. – Надолго ли вы к нам?

Кажется, обычай не отвечать на прямые вопросы имел в Аквадорате многовековую историю.

– Монсеньор, – прошелестел вампир, интимно склонившись к кардиналу, – будьте столь любезны внести мое скромное имя в состав консумационной комиссии, чтоб я мог лично пожелать доброго утра крошке догарессе.

– Что это было? – спросил маркиз, когда князь растворился в толпе подобно туманной дымке. – Мадичи восстал ото сна? Что мы предпримем по этому поводу?

– Ничего. – Мазератти подозвал виночерпия и бросил в свой бокал бусинку жабьего камня, уверяясь в отсутствии в напитке яда. – Иногда лучше подождать и посмотреть, что из этого всего получится.

* * *

Для ужина Маура выбрала мне аквамариновое платье под цвет глаз, а волосы решила свободно распустить. Она выбрала, она решила. Пухлая командирша. Вот из кого получилась бы прекрасная догаресса.

При другом, разумеется, доже. Потому что тишайшего Муэрто я бы подруге в спутники жизни не пожелала. Никому бы не пожелала.

– Ты готовишь Филомену на жертвенный алтарь? – скептически спросила Карла, когда я крутилась перед зеркалом, рассматривая себя со всех сторон.

– Всего лишь пытаюсь показать товар лицом. – Синьорина да Риальто отодвинула меня, чтоб поправить собственную прическу. – В драгоценностях ее сегодня уже видели, теперь пусть любуются самой девой. Ты готова, Филомена?

– Я хочу есть!

– Не вздумай набрасываться на яства, – поучала Маура, – женщина должна клевать, как птичка.

– Тебе выдали ключи от покоев?

– Да, управляющий, синьор Пассерото, был довольно любезен.

– Чудесно, – я распахнула дверь, – давайте заканчивать этот нелепый день, рагацце.

– Не зли мужа, – бормотала Карла, следуя в полушаге позади меня. – Филомена, я тебя знаю и твой острый язычок тоже. Не подшучивай над дожем, не высмеивай его и не перебивай.

– Не жуй с открытым ртом, – зудела в другое ухо Панеттоне, – вообще лучше не жуй. Дождись, пока доведешь тишайшего Муэрто до белого каления и он удалится.

Зала была наполнена публикой, многие были в масках. В глазах моих зарябило от обилия драгоценностей.

– И кто был прав? – спросила Маура Карлу. – Наша Львица смотрится в этой пестроте как чистейший бриллиант в шкатулке с дешевой бижутерией.

Синьорина Маламоко неохотно согласилась.

– Дона Филомена Муэрто! – прокричал распорядитель, и стук церемониального посоха о паркет расколел наступившую тишину, – догаресса Аквадораты.

Если бы Маура не подтолкнула меня в спину, я бы так и стояла на пороге, забыв, как дышать. Взгляды, направленные на меня, обжигали, как огонь саламандр. А еще я очень боялась споткнуться и растянуться на полу. И невероятно раздражала ухмылочка тишайшего Чезаре, которой он меня приветствовал. Я шла, и волна глубоких поклонов опережала меня, проносясь через залу.

– Дражайшая супруга, – Цезаре поклонился и пододвинул мне стул, – вы прелестны.

Стол был всего один, для нас с его серенити, прочие гости свои тарелки и бокалы держали в руках. Официанты и виночерпии сновали в толпе с ловкостью городских гондольеров. На возвышении терзал струны виол музыкальный квартет. При моем появлении музыка смолкла и возобновилась, как только я заняла место подле супруга.

Последний налил мне вина и промурлыкал нечто, что я особо не расслышала, но решила посчитать за тост. Кажется, его безмятежность был сыт или вообще не любил есть. С разочарованием я отметила, что на его тарелке лежит одинокий листик салата, с отчаянием – что моя девственно чиста. И официанты наш стол отчего-то обходили стороной. Вино скатилось пряным шариком в пустой желудок. Тот заурчал. К счастью, Цезаре ничего не заметил, он как раз салютовал бокалом какой-то декольтированной брюнетке.

– Нам предложат сегодня консумацию? – спросила я, когда переглядывания завершились глотком.

– Что? – Тишайший поперхнулся и закашлялся. – Извини...

– Люди в лагуне желали вам сладкой консумации, я решила, что это название десерта.

Цезаре хрюкнул в салфетку, которой вытирал рот.

Щеки запылали. Кажется, я сказала глупость.

Муэрто отложил салфетку и прошептал, склонившись так близко ко мне, что от его дыхания шевельнуло локон у виска:

– Консумация, моя целомудренная Филомена, это то, что происходит в постели между мужчиной и женщиной в первую брачную ночь.

Этот стронцо забавлялся, глумился над моей неопытностью.

– Ваша безмятежность имеет в виду случку? – переспросила я тоном лучшей ученицы. – Когда мужская особь...

Тишайший Муэрто выслушал мою небольшую лекцию со вниманием, лишь несколько раз нервно сглотнул, наверное, на непонятных терминах.

– То есть у саламандр это именно так и происходит?

– У людей как-то иначе?

Потягивая вино, я ожидала ответной лекции, которая почему-то не последовала.

– В любом случае, – сообщила я любезно, кивая виночерпию, чтоб он наполнил опустевший бокал, – вам сегодня придется консультироваться без меня.

– Потому что ваша... – Чезаре запнулся, припоминая слово, – яйцекладка предназначена брюшку синьора да Риальто?

Дождь отогнал официанта мановением руки и лично налил мне вина.

– А вы быстро схватываете.

Дождь похвале не обрадовался, я продолжила:

– Ваш управляющий выделил мне с фрейлинами отдельные покои. Донны Карла и Маура...

Тишайший Муэрто сообщил мне примерное направление, куда немедленно отправятся мои подруги, и это были не покои. Мне очень не понравилось, как при этом напряглись жилы под гладкой кожей шеи тишайшего супруга.

Декольтированная брюнетка не нашла лучшего времени, чтоб споткнуться у нашего стола. Ее тарелка покачнулась, и горсть тушеного горошка высыпалась на скатерть.

– Простите, ваша серенити, – извинилась дама, – я вас испачкала. Позвольте...

И, перегнувшись через стол, брюнетка принялась возить по камзолу Чезаре салфеткой. Грудь ее при этом почти лежала в моей тарелке.

Я тихонько подобрала со стола горошину и отправила ее в рот. Желудок приветственно уркнул.

– Пустое, донна Альбертина, – вяло возражал супруг.

– Нет, позвольте...

Я подобрала еще гороха. Неплохо было бы, чтоб эта Альбертина утащила его серенити чиститься в кулуарах, оставив мне свою тарелку.

Почувствовав чужой взгляд, я подняла голову. Маура выглядывала из-за колонны, ладонь донны да Риальто была у ее горла и энергично двигалась, будто перепиливая девичье горло. Мне явно на что-то намекали. Я удивленно приподняла брови. Маура сделала вид, что ее тошнит. Понятно.

Я проводила донну Альбертину с горошком грустным взглядом.

– Значит, так, – повернулся ко мне дождь. – Видит бог, я пытался быть с тобой милым...

– Когда? – удивление было искренним. – Когда таскали мои волосы, чтоб я сказала «да» у алтаря или когда ваши одалиски...

– Какие еще одалиски?

– Многочисленные!

Тишайший Муэрто моргнул, будто надеясь, что мое раздраженное лицо ему только чудится:

– Филомена.

– Верните мою саламандру и дайте мне развод! Вот так!

– Именно в таком порядке?

– Да. Опасаюсь, что после развода вы будете слишком заняты прелестями других дам, чтоб возвращать Чикко. Прекратите гримасничать. Так зовут мою малышку саламандру. Я собираюсь подарить ее своему нареченному Эдуардо в знак любви и верности.

Он опять отвлекся. Проследив за его взглядом, я заметила Такколу, выходящую на террасу.

– Значит, так, – тишайший отложил салфетку, – с этого момента за любое упоминание твоего яйцекладущего да Риальто я буду тебя наказывать.

– Стронцо!

– И за это слово тоже. – Он сделал вид, что считает на пальцах. – Два «Эдуардо» и один «стронцо», уже три.

Я горячо возразила:

– Один из «Эдуардо» был ваш, а вовсе не мой.

– Четыре, – по-акульи улыбнулся супруг. – Подумай об этом Филомена, пока я буду отсутствовать.

И он быстро ушел в сторону террасы. Я поманила к себе Мауру и схватила за рукав ближайшего официанта.

– Поздравляю, Филомена, – фыркнула Панеттоне, помогая мне накладывать в тарелку тартолини с паштетом. – Ты довела Чезаре в рекордные сроки.

– Зачем ты спряталась? – Начинка была божественно вкусной, и я по-кошачьи мурчала.

– Чтоб не попасться под горячую руку грозного супруга. Как он орал! Судя по спешной ретираде^[4], остаться нам с Карлой во дворце он так и не позволил?

– Посмотрим. – Я изогнулась и завладела кистью винограда. При этом, кажется, умыкнула я ее вовсе не с подноса официанта, а с

тарелки беззащитного гостя. – Сейчас его обработает наша Таккола. Кузине этот стронцо не откажет.

Маура помрачнела:

– Где они?

– На террасе. Видишь, верный Артуро полирует спиной дверной косяк? Он стоит на страже, чтоб свиданию господина никто не помешал.

Я хотела еще спросить подругу, знакомо ли ей слово «консумация», но она уже спешила к синьору Копальди.

От еды и вина меня стало клонить в сон. Ну хорошо, предположим, завтра со мной не разведутся, мне придется пробыть во дворце, например, неделю. Не долгий срок. Утром я отправлю гостинец сестре Аннунциате, в сопроводительном письме обрисую ситуацию, директриса нас простит. Какую бы бравату ни изображали фрейлины, рассуждая о школе, двум из нас она жизненно важна. Это Маура с приданным командора да Риальто может пустить диплом на растопку. Мне и Карле необходимы документальные подтверждения статуса. Мы вернемся в «Нобиле-колледже-рагацце», и я получу документ и свою строчку почета на школьной стене. Надо еще предупредить сестру Аннунциату о вампирах.

Вампиры! Почему я не свернула на эту тему в беседе с дожем? Я же собиралась намекнуть, собиралась... А если Чезаре спросит, как выглядит зачаровавший меня сиятельный Мадичи? Что я ему скажу? Как красавчик и, по примеру Мауры, закачу глаза?

– Донна Филомена, – прошелестело у плеча, – серениссима.

По шее пробежались мурашки. Я повернула голову. Худощавый блондин в полумаске присел на стул Чезаре.

– Вы рассуждаете вслух, тишайшая.

Почему-то рука моя потянулась к столовому ножу и пальцы до боли сжались на рукояти.

– Мы знакомы, синьор?

– Князь Лукрецио Мадичи к услугам вашим. – Полумаска уже лежала на столе, и серые глаза смотрели на меня с добродушным лукавством.

Он действительно был хорош, почти как Эдуардо, но сходство их заканчивалось на цвете волос. Только золотистые кудри синьора да Риальто были на тон или два темнее. Там, где у Эдуардо был румянец,

у князя царила благородная бледность, где у моего нареченного бугрились мускулы, у вампира... ничего не бугрилось. Это Мауре нравятся худощавые дылды, поэтому Мадичи ее поразил, меня же его аристократический лоск нисколько не тронул. Нет, похож он не на Эдуардо, а скорее на Чезаре, такая же тонкая фигура и гладкая кожа. Только у супруга смуглая и светлые глаза.

Глаза князя в этот момент полыхнули алым.

– Вы попытались меня зачаровать? – спросила я, когда нормальный цвет им вернулся.

– Безуспешно.

Зубы! Как же их много и как остро они выглядят!

– Вы не старались?

– Отчего же, приложил максимальные усилия.

– Тогда почему я ничего не почувствовала? Или... – Я переложила нож в правую руку. – Объект и не должен ничего ощущать? Как будто ничего не произошло, а в условленный час или когда супруг, к примеру, скажет: «Ты, кажется, растолстела», – я вцеплюсь в его яремную вену?

Князь расхохотался:

– Вы – чудо, Филомена! Какая фантазия. Нет, серениссима, вас невозможно зачаровать.

– Почему?

– Не уверен, – Мадичи наклонил голову и втянул воздух точеными ноздрями, – но могу предположить, что ваше детство и юность, проведенные в обществе огненных саламандр, развили в вас эту способность. Более того, тишайшая, вы абсолютно лишены запахов, присущих любому смертному.

– Чушь! То есть, – принялась я смущенно оправдываться, – позвольте вам не поверить, ваше сиятельство.

Его ноздри затрепетали.

– Вы ели паштет и виноград, выпили вина с... – он хмыкнул, пропуская какое-то слово, – примерно полчаса назад. Через такое же время, если вы ограничитесь водой, я не смогу уловить от вас никаких запахов.

– У вас хороший нюх?

– Нечеловечески.

– Слух?

Князь кивнул:

– И тут, серениссима, вам от меня не скрыться. Я слышу ваше дыхание и каждое биение сердца.

– Желание вцепиться в мою яремную вену вас при этом посещает?

Он улыбнулся и мечтательно протянул:

– Филомена, какое несчастье, что мы не встретились с вами раньше.

Тут левое ухо его сиятельства пришло в движение, а я собралась падать в обморок, впрочем, молниеносно передумав.

– Скоро появятся ваши подруги, мне придется откланяться. Надеюсь, наша небольшая беседа обогатила вас знаниями, как избежать нынче ночью обряда консумации.

– Вы читаете мысли? – покраснев, пробормотала я.

– Нет, серениссима, это вы думаете вслух. До завтра, прекрасная Филомена.

Я моргнула, вампир исчез.

– Что за маска? – Маура села справа и сбросила на пол полумаску князя Мадичи. – Ты с кем-то флиртовала, пока мы, как львицы, сражались за твою будущность?

– Нас вернут в школу. – Карла пододвинула себе неизвестно откуда появившийся стул. – Чезаре желает, чтоб мы закончили учебу.

– И на твоём месте, Филомена, я бы присматривала за муженьком. Он тискал Такколу, как оголодавший в плавании матрос.

– Это было по-дружески.

– Дружба мужчины и женщины? Синьорина Маламоко любит сказки? Что ж, начнем вечер удивительных историй.

– Вы знаете, что такое консумация?

Под девичье хихиканье я рассказала, какой позор претерпела перед своим супругом. Как они хохотали!

– Обряд консумации, – сообщила Карла, отсмеявшись, – свидетельствует специальная комиссия патрициев.

В смысле? Стоят у кровати, пока... Нет, об этом я думать не хотела. Я расскажу дожу про вампира, и пусть супруг сам выдумывает, как обмануть комиссию. Про телесную любовь я знала до отвращения мало. Знала, что мужчина и женщина ложатся вместе в постель, целуются... Дальше я знала только, как это происходит у саламандр,

или у рыб, или у морских коньков. Там все было просто, логично и без комиссий патрициев животного мира. У коньков так вообще яйца вынашивал самец. Чудесный, кстати, обычай. Супруга передавала горсть икры в специальный мешочек и удалялась, часто – навсегда. Морские коньки полигамны, почти как тишайший Муэрто.

От мыслей меня отвлекли подруги, они вполголоса спорили.

– Матушка ей ничего не рассказала? Про тычинки и пестики?

– Синьора Саламандер-Арденте немая! Какие еще тычинки? Мы, как добрые подруги, должны поведать целомудренной Филомене о таинстве брака.

– Поведаеть, когда я выйду за Эдуардо, – закончила я спор. – Лучше расскажи, как тебе удалось убедить стронцо Чезаре оставить вас во дворце.

– Напомнила о долге тишайшего Муэрто перед моим папенькой, – ответила Карла.

Маура с нажимом спросила:

– Куда тебя отправят после выпуска?

– В догата Негропонта, в колонию, наблюдать за тамошним губернатором.

Фрейлины погрустнели, веселье за столом лопнуло, как мыльный пузырь. А вскоре явился дож Муэрто, взял меня за руку и под приветственные вопли повел в свои покои.

Я еще по дороге попыталась принять самый сомнамбулический вид.

Спальня тишайшего Чезаре выглядела так, будто ею пользовались редко. Там не было личных вещей, безделушек или книг. В середине квадратной комнаты стояла резная кровать под балдахином.

Все. Мы вошли в спальню, дож закрыл дверь, отсекая шум сопровождающих.

– В идеале, – протянул супруг, – здесь должно суетиться десяток горничных, чтоб переодеть новобрачную в ночную сорочку, но твоя... дражайшая донна да Риальто разогнала всех, заверив меня, впрочем, что уже завтра подберет новую прислугу.

Он пересек комнату, толкнул резную панель, за которой оказалась гардеробная, и скрылся за ней.

– Тебе придется раздеться самостоятельно.

Когда супруг вернулся к постели, босым и в шелковом домашнем халате, я все так же стояла у двери и покачивалась.

– Что еще?!

– Приказывайте, ваше сиятельство, – гулко провыла я, вращая глазами. – Внемлю...

И, припомнив, как бесновался в подвале палаццо Мадичи маэстро-кукольник, добавила:

– Слушаю и повинуюсь.

Чезаре закатил глаза, воздел руки и, прошептав «За что?», юркнул под балдахин.

– Желаете ломать комедию, – он натянул до подбородка одеяло, – на здоровье. Я – человек занятой, даже слишком, и временем разбирать твои причуды не располагаю. Хочешь стоять так всю ночь? Стой. Только будь любезна, погаси свет.

И он замолчал, и дыхание его стало ровным.

Будто действительно находясь под действием чар, я одну за другой задула все свечи в настенных канделябрах.

Камина здесь не было, наверное, спальня отапливалась из соседних помещений и где-то за стенами танцевали в огне саламандры. Я подождала, потом подошла к гардеробной, но панель уже вернулась на место, и открыть ее в темноте не получалось.

Можно лечь на пол и дожидаться рассвета на ковре, можно не ложиться и дожидаться утра стоя. Но вот чего абсолютно точно не стоит делать, так это пристраиваться на кровати дожа.

Медленно я подошла к постели, ощупала столбик балдахина, изножие и, скинув туфельки, легла поверх одеяла, повернувшись к спящему супругу спиной.

– Кракен действительно безобидное создание? – сонным голосом спросил Чезаре.

– Кракены вымерли, – ответила я. – Ты собирался убить из гарпунной пушки головонога.

– Никогда о них не слышал, хотя походил по морям немало.

– Они обитают на такой глубине, куда ни один человек не может добраться.

– Чем они питаются?

– Всем, что могут схватить, что заносит течениями в их ареал. Они что-то вроде мусорщиков.

Кажется, мысли дремлющего супруга перебегали с предмета на предмет.

– Откуда ты столько знаешь о подводных созданиях?

– Я выросла на уединенном острове. Разведение саламандр предполагает...

– Почему ты ничего не знаешь о браке?

– Я знаю о браке!

– Ну да, кажется, сейчас самое время тебе отложить пару икринок, чтоб я попытался их оплодотворить.

– Я выйду замуж за Эдуардо.

– Пять. – И тишайший Муэрто сграбастал меня обеими руками, прижав спиной к своему животу. – Филомена должна мне пять поцелуев.

Трепыхаясь, как выброшенная на берег рыбешка, я пыталась ударить супруга ногой, но сил отчего-то не было.

– Тихо, малышка, злобный дож подсыпал в твое вино чудесное снадобье.

– Стронцо Чезаре!

– Шесть. Любая проблема требует самых простых решений. Мне нужна всего лишь одна спокойная ночь, без споров и беготни, без ругани, без обвинений. Спи, малышка, утром Артуро отвезет тебя с твоими подругами в школу, и ты целый день сможешь побыть благородной девицей Саламандер-Арденте.

– Если ты посмеешь воспользоваться моим состоянием и лишить девичьей чести... – прошептала я.

– Ты целовалась со своим напыщенным идиотом да Риальто?

– Конечно! И он целуется лучше, чем ты.

– Правда? – Чезаре развернул меня к себе, и я почувствовала на лице его дыхание. – Тогда, наверное, ты сможешь дать мне пару уроков? А то неудобно получится, если какая-нибудь другая синьорина, которая целовалась с синьором да Риальто, после поцелуя со мной...

Я укусила Чезаре за губу и уснула.

А проснулась от негромких мужских голосов.

– Бедняжка устала. Чезаре, мальчик мой, вы не проявили должной сдержанности.

– Горячая аквадоратская кровь.

Этот шелестящий голос я узнала. Чудовищный князь, Лукрецио Мадичи.

– Экселленсе знает о крови все. – Супруг-отравитель, чей голос звучал громче, видимо оттого, что стронцо Чезаре находился близко, говорил с сарказмом. – Поторопитесь, синьоры, исполните должное, чтоб ваш дож мог с чистой совестью отправиться на Большой Совет.

Глаз я не открывала, но осторожно пошарила рукой под одеялом и не заорала лишь потому, что князь проговорил:

– Доброе утро, серениссима.

Черт! Дьявол! Стронцо! Кракен всех раздери! Разумеется, он услышал мое дыхание, биение сердца, ускоренное после осознания факта, что под одеялом я абсолютно голая, и понял, что я уже не сплю.

– Утро? – Беспечно зевнув, я села на постели. – Его сиятельство, видимо спешит исполнить свой долг, чтоб до рассвета скрыться от лучей солнца?

Еще пятеро мужчин в отличие от князя в строгих белых масках Вольто, низко мне поклонились.

Чезаре, сидящий рядом и в отличие от целомудренной меня раскрытый по пояс, спросил с подозрением:

– Дражайшая супруга знакома с экселленсе?

– Разумеется. – Я одарила вампира улыбкой, от которой он вполне мог испепелиться, настолько она была лучезарной. – Драгоценный Лукрецио был столь любезен, что исполнил роль моей матушки, дав несколько советов по поводу первой брачной ночи.

– Рад убедиться, что драгоценная Филомена их исполнила.

Серые глаза князя остановились на лице тишайшего Муэрто и зажглись лукавством.

Я повернулась. Нижняя губа его серенити посинела и распухла.

Так тебе и надо, урод. Если после сегодняшней ночи я понесла, клянусь, первая фраза, которой я научу ребенка, будет «стронцо Чезаре».

– Молодость, – сказал один из «граждан», – ах, молодость. Что ж, синьоры, давайте закончим начатое. Приподнимите догарессу, чтоб мы с князем смогли осмотреть простыню.

Я вцепилась в руку дожа. Он один за другим разогнул мои пальцы и прыгнул с постели, нисколько не стесняясь своей наготы. Честно говоря, стесняться там, наверное, было нечего. Обычный мужчина,

высокий и худой, с мышцами хорошего пловца и золотистым загаром. Что-то там курчавилось на груди, спускаясь к поясу пижамы. Стронцо! Супруг был в пижаме в отличие от меня.

Я вцепилась в одеяло двумя руками, испуганно глядя, как четверо синьоров приближаются к балдахину.

– Пустое, – прошелестел князь, наклонился и одним плавным рывком выдернул из-под меня простыню.

Белую, в красных разводах.

Как мне стало стыдно! Чудовищно, нечеловечески. Щеки опалил жар, тело сковало холодом, даже зубы клацнули от дрожи.

Экселленсе скорбно хмыкнул:

– Бедное создание.

– Она не страдала, – заверил дож с холодной улыбкой. – Не более, чем было необходимо.

Я прислушалась к телесным ощущениям. Страдала я или нет? Болел живот, гадко и ноюще, еще саднило горло, и вкус во рту был мерзейший, будто там справила новоселье семья кальмаров, а после несколько поколений хоронили там же усопших родичей.

– Цель оправдывает средства? – Усмешка князя была на несколько градусов холоднее. – Что ж, синьоры, высочайший брак свершился, не будем далее утомлять новобрачных своим присутствием.

Мадичи разжал пальцы, выпуская простыню на пол, нижайше мне поклонился и покинул спальню. Прочие «граждане» отправились за ним.

– Гаденыш, – сообщил Чезаре закрытой двери. – И почему никто не предупредил, что эта развалина выглядит лучше меня?

Дурацкий вопрос, у меня была дюжина лучших. Например, желает ли дражайший супруг быть похороненным на родине или в усыпальнице дожей в Аквадорате? Не будет ли он возражать против украшения залы Большого Совета собственными кишками? И какой танец он желает на своей могиле в моем исполнении, тарантеллу или гильярду?

Я спросила:

– Где моя одежда?

Чезаре как раз отодвигал стенную панель на противоположной от гардеробной стены.

– Здесь. – Он вытянул за ручку плетеную корзину, из которой торчал сноп какой-то травы. – Это полынь, я решил, что ее запах должен перебить вонь. Но кто мог ожидать, что проверять консумацию явится сам экселленсе?

– Вонь чего?

Тишайший фыркнул:

– Ты, драгоценная супруга, блевала часа четыре без пауз.

– После того, как ты меня обесчестил?

– После того, как налопалась чего-то отравленного, стоило мне оставить тебя без присмотра на три четверти часа.

Он развернул аквамаринный шелк и уставился на него с видом естествоиспытателя. Меня замутило:

– Тартолини и виноград.

– Что из этого что, уже не понять. Да и не важно. – Дождь бросил платье в корзину. – Сегодня не ешь ничего, только пей. Артуро выделит твоим фрейлинам несколько кувшинов воды, вечером...

– Твои яства не проверяют перед подачей?

– Обычно да, но вчера, по досадной случайности, обоих дежурных проверяльщиков скосила инфлюэнца. Ты поняла? Ни крошки из чужих рук, ни глотка. Вечером я дам тебе бульона, это успокоит желудок. Сейчас иди в ванную, – он кивнул за панель, – я велю донне да Риальто помочь тебе с гардеробом.

И этот стронцо подхватил с кровати свой халат.

– Большой Совет: нужно пользоваться моментом, пока благословение моря не выветрилось от времени.

– Минуточку! – Я так энергично дернулась, что одеяло сползло, открывая ключицы. – Ты раздел меня, чтоб скрыть следы рвоты?

– Меня так умиляет стремление женщин говорить лишь о себе. – Тишайший вздохнул без умиления, но со скорбью. – Да, поэтому раздел. Помощи ждать было неоткуда. В коридоре – почетный караул. Хорош бы я был, если бы в первую брачную ночь позвал кого-нибудь на подмогу. Сказали бы, что дождь как мужчина слаб.

Стремление женщин? Сам-то только о себе, любимом!

– Поэтому я ополоснул тебя, как мог, и спрятал следы в ароматных травах, которые используют для ванн.

– И я не проснулась?

– Сонное зелье оказалось хорошим, и попало оно в тебя раньше отравы.

– А консумация?

– Исполнена, о чем даже сиятельный Мадичи...

– Она произошла до или после рвоты? Или ты использовал «несомненную мужскую силу», пока я блевала?

Чезаре хихикнул:

– Успокойся, глупая саламандра, твоя яйцекладка столь же невинна, как и вчера.

– Кровь!

– Куриная. И гаденыш Мадичи это унюхал. Неужели ты не уловила сарказма в его «бедняжке»?

От нахлынувшего облегчения я улыбнулась.

– И неужели ты думаешь, что хоть какой-нибудь мужчина, будь он трижды силен по этой части, возжелает блюющую даму? – продолжил стронцо Чезаре, и улыбка моя померкла. – Да и вообще, возлечь с девицей, мечтающей об объятиях другого? Я, по-твоему, кто, насильник?

– Тогда зачем весь этот маскарад? Комиссия, птичья кровь?

– Затем, драгоценная супруга, что чудом – подарком моря – я собираюсь пользоваться на полную катушку и в целях, которые твою юную головку интересовать не должны.

– Ты дашь мне развод?

– Да.

– Когда?

– Когда чудо протухнет и перестанет приносить мне пользу. Я лично покаюсь перед Советом, ты поплачешь, достойный Эдуардо... тоже что-нибудь сделает, чтоб убедить достойных патрициев в своей безмерной любви. Спектакль сработает, не сомневайся. А пока, будь любезна, изображай счастливую новобрачную. И если твоя игра будет достоверна, клянусь, я сам вложу твою холодную лапку в руку синьора да Риальто.

– Почему я должна тебе верить?

– Я поклялся.

– А если ты передумаешь, если завтра или через неделю твое мужское естество попытается со мной возлечь?

Чезаре расхохотался:

– Милейшая синьорина Саламандер-Арденте, к услугам моего мужского естества сотни синьор и синьорин благословенной Аквадораты, и ни одна из них не извергала на меня потоки рвоты... – Он запнулся, будто припомнив подробности. – Не важно! В общем, Филомена, даже если, к моему ужасу, в игру вступит твое женское естество, в существовании которого я пока не уверен, тебе придется очень постараться, чтоб тишайший Муэрто одарил тебя своим вниманием.

Дождь запахнул халат и распахнул двери спальни.

– Донна да Риальто, – кивнул он Мауре, – вашей госпоже надо принять ванну. Донна Маламоко, проводите меня.

Карла бросила на меня вопросительный взгляд, я пожала плечами. Щеки горели от стыда и обиды.

– Встретимся у гондолы, Таккола! – Подруга ринулась ко мне, за ней, пропустив в дверях дождя с синьориной Маламоко, вошло пятеро горничных, нагруженных одеждой.

– Заприте дверь. – Командирша принялась за дело. – Лу и Чечилия, в ванную, готовьте воду. Констанс, займись платьем, Ангела, постельное белье в стирку, Инес, помоги мне поднять донну догарессу.

– Или простыню прикажешь сжечь? – шепнула Маура, придерживая меня за плечи.

– Кровь куриная, – одними губами ответила я.

– А девушки настоящие. – Панеттоне украдкой зевнула. – Я подбирала их всю ночь.

– Прoshлые уволены? – На ватных ногах я шла к ванной, и девушки придерживали меня за локти.

– Да. – Маура помогла мне опуститься в воду и подложила под затылок свернутую валиком ткань. – Страшно представить, какое змеиное гнездо свилось в личных покоях его серенити при попустительстве управляющего. Уволены все. За небрежение обязанностями, за наглость и своеволие. А две из них, некие Джина и Клаудия, взяты под стражу по обвинению в воровстве. Эти... путтана, вообрази, стащили некие кольца из шкатулки его безмятежности и похвалялись близостью с хозяином, поднимая свой статус среди товарок.

– Это Чезаре так сказал?

– Еще не хватало его серенити разбираться со слугами! Запомни, Филомена, дож не должен вникать в подобные мелочи.

– Тогда ты не можешь обвинять девиц в воровстве.

– А ты можешь обвинять супруга в том, что он гадит там, где спит?! – Маура почти орала, горничные вжали головы в плечи. – Джину и Клаудию уже допросили, Таккола лично проводила дознание. Их вина несомненна, и они понесут заслуженное наказание.

– Донна да Риальто, – одна из девушек держала на весу корзину с платьем и польню, – что делать с этим?

– С чем? – Маура посмотрела на меня. – Что случилось, Филомена? Можешь не опасаться, твои слова не выйдут за пределы покоев, наши новые горничные преданы своей догарессе.

И я, краснея и запинаясь, рассказала ей об отравлении и о том, что Чезаре, по его словам, всю ночь возился с моей рвотой.

– Сегодня есть не будешь, – решила командирша, – зятек прав, твой желудок следует поберечь.

Я рассказала о консумационной комиссии. Маура смеялась до слез, даже горничные тихонько похихикивали, когда я живописала князя Мадичи с кровавой простыней и фразу супруга: «Отчего никто не предупредил, что старая развалина выглядит лучше меня?»

– До сегодняшнего утра я была уверена, что знаю о вампирах все. – Панеттоне добавила мне в воду какой-то пахучей мази из флакона. – Но чудовищный князь неплохо управляется с гондолой, не боится проточной воды, и даже рассветное солнце не спалило его к дьяволу, как я ожидала. Мы видели его из окна дворца, пока стояли в коридоре под дверью.

– Мне показалось, – вполголоса проговорила Инес, наносящая на мои волосы ароматную пасту, – что солнце не доставило его сиятельству удовольствия. Он закрыл лицо плотной маской и прикрыл руки перчатками.

– И каюта его гондолы, – сказала другая девушка, кажется, Лу, – походила на гроб.

– Внимание к деталям, – похвасталась Маура, – острый и быстрый ум. Знаешь, как я их нашла? Опросила всех дворцовых горничных и выбрала имена тех, кого всячески пытались очернить в моих глазах. Эти пятеро не дружили со змеевником, не вступали в альянсы, не сплетничали и не наушничали.

– Из тебя получилась бы прекрасная догаресса, – вздохнула я.

– Может, еще получится, – улыбнулась Панеттоне. – Судя по куриной крови, шансы мои все еще высоки.

Про сотню соперниц я подруге рассказывать не стала. Маура повергнет их всех, было бы желание.

Меня вытащили из ванны, расчесали волосы, одели в черное с серебряным позументом платье.

– Мы с донной догарессой будем отсутствовать до вечера, – сказала синьорина да Риальто. – За главную у вас останется Инес. Синьор Пассерото, управляющий, снабдит вас всем необходимым. Донна Филомена будет ночевать здесь, вы – неподалеку от фисташковой гостиной, в двух смежных спальнях. Позаботьтесь, чтоб служители протянули шнуры звонков от покоев догарессы...

Я подошла к зеркалу. Черные шелк и атлас подчеркивали мою бледность, заставляли сиять глаза еще ярче. Строгая прическа открывала шею и скулы.

– Маску, донна Филомена. – Чечилия закрепила на моем лице серебряную кружевную Коломбину. – Госпожа, вы прелестны.

А некоторые аквадоратские дожи полагают, что недостаточно.

Карла ждала нас у гондолы. Публика на площади приветствовала меня криками, кажется, Аквадората не спала никогда.

– Праздник продолжается? – спросила я, не забывая кланяться подданным. – Такая рань.

– Народ любит зрелища. – Дона Маламоко качнула подбородком в сторону колокольни. – Ты тоже полюбуйся.

На половине колокольной башенки болталась подвешенная клеть, в которой стенали две довольно растрепанные синьорины.

– Это девицы Джина и Клаудиа, – продолжила Карла строго, – воровки.

– Скорый суд?

– Скорый и строгий. – Таккола зевнула. – И назидательный. Маска не скрывает твоего, драгоценная Филомена, сочувствия. Пустое. Бывшие горничные провисят здесь лишь до вечера, на закате их отпустят и с позором изгонят из столицы.

– Донна догаресса! – Через площадь почти бежал Артуро, за ним спешили слуги с парой пузатых кувшинов. – Его серенити велел снабдить вас водой.

– Передайте супругу нашу благодарность, – громко сказала я и ахнула, когда синьор Копальди с поклоном протянул мне стеклянный шарик с Чикко.

– Тишайший Муэрто желает, чтоб донна Филомена не расставалась со своим питомцем.

Крошка-мадженте дремала, и я с трудом оторвала взгляд от изящного алого тельца:

– Мне позволено ее пробудить?

– Дож настаивает на этом.

С довольной улыбкой я вытряхнула Чикко на ладонь и ощутила, как крошечные лапки взбегают по моему рукаву на плечо, чтоб совсем скоро сомкнуться на мочке уха.

– Передайте его серенити, что супруга счастлива, – хихикнула Маура и подтолкнула меня к гондоле, шепнув едко: – Притуши улыбку, кокетка, господин помощник уже ослаб от ее лучезарности.

А усадив догарессу на подушки сиденья, она обратилась к Такколе:

– Моя лодка на месте?

– Я заплатила мальчишкам, чтоб они пришвартовали твое имущество у палаццо Мадичи.

– Прекрасное решение, – похвалила командирша и заняла место около меня. – Отплываем.

Кроме гондольера в маске Вольто нас сопровождали четверо гвардейцев, и, несмотря на то что гондола была обычной, без гербов и вензелей, меня узнавали. То и дело мне приходилось отвечать на приветствия и поклоны.

– Наша аквадоратская Львица погрустнела? – спросила донна да Риальто у наливающегося солнцем неба. – Отчего?

– Цезаре отдал мне саламандру, – ответила я искренне. – С какой целью?

– У тебя есть предположение, которое наполняет тебя печалью?

– Скорее предвкушением. – Тут я несколько покривила душой. – Последовательность такова: мне возвращают Чикко, затем – свободу. Думаю, что, если мой фальши... то есть тишайший Муэрто сегодня получит от Большого Совета то, что планирует, моего присутствия больше не потребуется.

Действительно, нужно радоваться. Может, вечером я получу бумаги о разводе, может, смогу остаться в школе и после ужина займусь рукоделием. Сандаловая шкатулка теперь не подойдет. Преподнести мадженте-саламандру Эдуардо нужно будет в изящном футляре из закаленного стекла. Я украшу сосуд драгоценными бусинами и плетеной канителью, чтоб его можно было носить на поясе. И моя Чикко...

Я погладила малышку кончиком пальца.

Моя Чикко будет болтаться в качестве символа моей любви при каждом шаге?

Отчего-то представленная картина меня не воодушевляла. Может, пусть синьор да Риальто носит мой подарок на груди? Драгоценная брошь, меняющая цвет в соответствии с нарядом, будет смотреться гораздо лучше, чем склянка на поясе.

Воодушевление я изображала прекрасно. Карла, рассмотрев ту часть моего лица, что не скрывала полумаска, саркастично фыркнула:

– В твоей последовательности не оговорено время, что должно пройти между первым и вторым действием. Поделюсь своим предположением. Дражайший Чезаре отдал тебе саламандру, чтоб наш сиятельный сосед князь Мадичи не приближался к догарессе ближе чем на десять шагов.

– Какая любопытная мысль. И когда именно она тебя посетила?

– Примерно, – Таккола сделала вид, что вспоминает, – когда я предложила дожу вернуть тебе Чикко, чтоб его сиятельство прекратил наматывать круги вокруг чужой супруги.

И Карла расхохоталась.

– Ревность? – встрепенулась Маура.

– Или нежелание делиться собственностью.

Последняя фраза показалась мне очень похожей на правду. А еще Чезаре этим жестом продемонстрировал мне как бы чистоту своих намерений. Хороший политический ход. Не будь я столь циничной злодейкой, сердце мое сейчас наполняла бы благодарность к супругу. Но я – это я.

Дверь «Нобиле-колледже-рагацце» оказалась заперта, и один из гвардейцев довольно долго колотил в нее, прежде чем на пороге появился старичок-охранник.

– Синьора Муэрто, донна догаресса со своими фрейлинами желает посетить занятия.

Новости в Аквадорате распространяются быстро, о личности новой супруги дожа здесь знали, но о том, что последняя вернется за парту, кажется, нет.

– Послание его серенити для сестры Аннунциаты. – Карла достала из-под плаща парчовый тубус и энергично им встряхнула.

– Донна Филомена, – Маура потянула меня из гондолы, – ручку, ножку... Синьоры гвардейцы вернутся за нами после занятий. Оставьте нашу воду здесь, у порога, школьные слуги ее заберут.

Преодолевая неожиданную робость, я вошла в дверь альма-матер. Прихожая и коридоры были пустынные. Охранник, не разгибаясь, бормотал поздравления.

– Директриса у себя?

– Да, ваша безмятежность, вывих вправили госпитальные лекари, и сестра Аннунциата отдыхает в своих апартаментах. Сейчас проходят занятия маэстро Калявани.

Отобрав тубус у Карлы, я кивнула:

– Идите на урок, рагацце.

– Справишься сама? – прошептала синьорина Маламоко.

– Чезаре написал дружелюбное письмо?

– Он подписал мое... вполне дружелюбное.

Поднимаясь по лестнице, я отвинтила крышку и пробежала глазами строчки. Почерк у синьорины Маламоко был преотменный, впрочем, как и стиль. Лесть поэтическим и литературным талантам директрисы перемежалась просьбами о снисхождении к детскому безрассудству и силе любви, толкнувшей Филомену – в девичестве Саламандер-Арденте – к блистательному аристократу Муэрто. Упоминался также божий промысел. Под каллиграфией Карлы стояла размашистая подпись в брызгах чернильных клякс.

Прекрасно. Постучав в двери апартаментов и дождавшись ответа, я вошла в скромную спальню сестры Аннунциаты.

– Донна догаресса... – Монашка сидела в постели, окруженная подушками, подушечками, валиками и подпорками, на коленях ее была раскрытая книга, на остреньком носике – очки в металлической оправе. – Не могу вам поклониться...

Сорвав маску, я всхлипнула, метнулась к кровати и рухнула на колени:

– Вы пострадали из-за меня.

– Из-за собственной неосторожности, – холодно ответила сестра Аннунциата. – Чему обязана счастьем вашего визита?

– Матушка, – слезы лились рекой, и говорила я в нос, – простите меня, о, простите!

– За что?

– За побег и за то, что попалась.

– За что больше?

– В равной степени.

– Твое раскаяние искренне?

– О да! – Тубус с письмом я почтительно протянула двумя руками.

Сестра Аннунциата погрузилась в чтение, я – в страдания, старясь всхлипывать потише.

– Ну что же, Филомена, – директриса наконец улыбнулась, – с прискорбием вынуждена отметить, что в чистописании синьорина Маламоко даст тебе сто очков вперед. Это правда?

– Про венчание?

– Про страстную неудержимую любовь.

– Конечно, нет.

И я рассказала сестре Аннунциате всю историю от начала до конца. Удивительно, но уточняющие вопросы монашки касались вовсе не моего замужества.

– Лукрецио Мадичи? Старый греховодник восстал ото сна?

– Вы с ним знакомы?

– К несчастью, да. И как он? Хорош и молод, как и полвека назад?

Впалые щеки монашки тронул девичий румянец.

– Не уверена, что именно настолько, – осторожно ответила я. – Но выгладит его сиятельство лет на двадцать пять или тридцать, пожалуй, только выражение его глаз может выдать настоящий возраст.

– Синеволосая кукла осталась в палаццо?

– Маура с Карлой обыскали дворец и никаких следов гомункулов не обнаружили.

– Любопытно, что с ними стало.

Я представила себе кукольное воинство, скрывающееся в переулках Аквадораты, и их фарфоровую предводительницу.

– Когда Лукрецио устроит вашу встречу, – велела директриса, – расспроси его о судьбе этих несчастных созданий.

– Вы хотели сказать не «когда», а «если»?

– Поверь, девочка, я сказала ровно то, что хотела. Теперь поговорим о твоём головоноге. Что с ней?

– Наверное, зарылась в мягкое дно у острова Николло. Будущность ее незавидна, потомство нужно кормить. Да и смогут ли они выжить в слишком теплых для них водах лагуны?

– И что же, ты позволишь этому несчастному созданию принять смерть?

– А что я могу сделать?

– Если ничего, тогда не стоило ее спасать. Но ты это сделала, значит, несешь ответственность за дальнейшее. Как бы ты действовала, получи огромную власть в Аквадорате?

– Дождалась бы родов, – начала перечислять я, – отыскала достаточно корма для малышей и снарядила бы корабль в холодное море, чтоб он указывал головоногам путь.

– Так сделай это!

– Как?

– Ты догаресса.

– Фальшивая супруга без власти и возможностей.

– И кто об этом знает?

– Я и вы, мои фрейлины, мой супруг и его помощник. Ах, еще сиятельный князь Мадичи, чей чуткий нос не обмануть куриной кровью.

Говоря все это, я параллельно напряженно думала. Сестра Аннунциата тысячу раз права. Я виню Чезаре в убийстве моллюска, но сама ничем не лучше, пользуюсь ситуацией, чтоб почувствовать себя праведнее дожа.

Я прошептала, подняв на директрису мокрые от слез глаза:

– Мне нужно проведать будущую мать, узнать о ее здоровье и попытаться внушить мысль о возвращении в холодные моря. Снарядить специальный корабль не потребуется, я посмотрю портовые бумаги и выясню, какое судно направляется в те широты. Знак, какая-нибудь метка, и стая кальмаров последует за ним.

– Пицца?

– О, это совсем просто. Аквадората пользуется своими каналами в качестве выгребных ям. Городского мусора хватит с лихвой.

– Наконец я слышу речи правительницы, а не испуганной девчонки.

– Жители испугаются, завидев кальмаров, шныряющих меж гондол.

– Придумай, как запереть зрителей в домах.

– Мусорный Совет! Но мне придется заняться политикой.

– Вся жизнь – политика.

Мы помолчали. Я задумчиво вытерла щеки простыней.

– Пока самое сложное – разыскать головонога. Разве что если вы, матушка, благословите меня на побег. Я найму городскую гондолу...

– Прокляну, – пригрозила директриса, – за побег в тот же миг, как о нем узнаю.

Черта я не помянула лишь потому, что мгновение раздумывала, какого именно употребить в данной ситуации.

– Завтра, – строго сказала монашка, – «Нобиле-колледже-рагацце» отправится на пикник, который, по чистой случайности, будет проходить на острове Николло.

– Спасибо!

– О прочем. – Тубус полетел на пол, за ним отправилось послание. – Драгоценной синьоре Муэрто придется очень постараться, чтоб закончить школу с отличием, ее фрейлинам синьоринам Маламоко и да Риальто – также. Посещать столовую и дортуар им запрещается, чтоб не привнести в строгие наши нравы дворцового легкомыслия. Сиесту трем дамам следует проводить отдельно от прочих учениц, всячески избегая разговоров с последними.

– Приложу все усилия.

– В свете последних событий, – директриса не улыбнулась, – из-за стремительной перемены статуса некоторых синьорин и из-за новой ученицы в «Нобиле-колледже-рагацце», кроме таблицы успеваемости, вводятся выпускные экзамены, по результатам которых распределятся места и ранги.

Я кивала так часто, что голова слегка закружилась.

– Кроме того, тебе, Филомена, придется добиться присутствия его серенити как на экзамене, так и на школьном балу.

– Зачем?

– Затем, что это повысит статус нашего учебного заведения до небывалых высот.

– Смею напомнить дражайшей матушке, что через два месяца я буду уже свободной девушкой и не смогу влиять на тишайшего Муэрто.

– Не моя печаль. Вырви у него клятву заранее.

Это выражение лица сестры Аннунциаты было мне знакомо. Непокколебимость, холодная, как мрамор, твердая, как сталь.

– Как пожелает госпожа директриса.

– Вот и славно. – Узкий подбородок монашки указал куда-то в сторону: – И напоследок, донна догаресса... Маски с вашей школе запрещены, как излишне светский и фривольный аксессуар. Изволь снимать ее не у меня в спальне, а перед тем, как переступить порог «Нобиле-колледже-рагацце».

– Слушаю и повинуюсь.

– И поправь мне подушку.

– Да.

– И... – Аннунциата неуверенно подняла руку, когда я склонилась к ее ложу. – Можно потрогать твою мадженте?

Чикко не возражала, она даже сбежала на постель и исполнила нечто вроде танца, завершив его огненным залпом в потолок.

– Как разнообразны создания божьи, – прошептала монашка, – и прекрасны.

Крошка-мадженте вернулась ко мне.

– Ступай, Филомена, и скажи синьоре Ванессо, чтоб явилась сюда немедленно.

– Да, матушка. И спасибо, огромное, как море, и такое же теплое.

– Твоя благодарность должна выглядеть не столь поэтично, а как тишайший Чезаре на экзамене.

Я скривилась, директриса хихикнула и отпустила меня мановением руки.

Глава 6

Гранит науки и песок политики

Тишайший Муэрто выходил из зала Большого Совета покачиваясь, лицо его выражало скорбь. Помощнику синьору Копальди пришлось придержать дожа за локоть. Часы на башне Четырех пробили десять раз, и это было отнюдь не десять утра. Совет без перерывов длился целый день.

– Сейчас сдохну, – шепнул Чезаре. – Ногу отсидел... Артуро, больше предупредительности. Ты так же опечален, как и его серенити. Гадкие аквадоратские патриции раздели твоего господина до нитки, оставив ему лишь четверть и четверть четверти барышей. Громко проси воды, сокрушайся, что я без сил.

Синьор Копальди сокрушался и требовал, и промокнул смуглый сухой лоб дожа кружевным платком, и под руку отвел его в личные покои.

Как только за ним закрылась дверь, Чезаре отпихнул приятеля и запрыгал на одной ноге, стряхивая сапог:

– Парчу долой! Шапку долой! – Головной убор отправился в полет, закончившийся на люстре. – Четверть с четвертью четверти! Я потребую добавить эти слова к своему официальному титулу! Артуро, мы их сделали. Контракт с рыцарями большой земли подписан!

Его безмятежность запрыгнул в кресло и скрестил на сиденье босые ноги:

– Дар моря – это вам не какой-то сушеный кракен за пазухой! Какой же я молодец!

Синьор Копальди достал из шкафа дощатый ящик с гроздью восковых печатей, осмотрел их, кинжалом сковырнул воск и поставил на стол пузатую винную бутылку, ломоть сыра, фрукты, ноздреватую чаабату, обернутую в льняную салфетку:

– Поешь. У тебя глаза ввалились от голода.

Чезаре откусил, пожевал, откинул голову на спинку кресла.

– В город сегодня не пойдем, эти кровопийцы утомили меня до полусмерти. Кстати, о кровопийцах. Моя дражайшая супруга вернулась из школы?

– И саламандра при ней, – кивнул Артуро. – Мадженте стала черной, под цвет маски, и пыхнула на меня огнем, когда я пожелал ее госпоже доброго вечера.

– Ты ее покормил? Не ящерицу, Филомену.

– Донна догаресса от ужина отказалась, сославшись на срочные дела.

– Какие еще дела? Ты спросил?

– Да, на что мне ответили, что дела донны Филомены мелкие и тишайшему супругу интересны не будут.

– Расспрошу Карлу, – решил Чезаре. – Тоже мне, интриганка рыжая. А вообще, как она выглядит, наша тишайшая? Весела, устала, опечалена? Не наблюдалось ли неподалеку от нее долговязого шепелявого Лукрецио?

– Гвардейцы вели наблюдение все время. Днем князь, видимо, изволил почивать, но, когда гондола донны Филомены по дороге ко дворцу следовала мимо палаццо Мадичи, экселленсе ожидал ее на своем причале. Твоя супруга и князь обменялись поклонами. Улыбка догарессы была искренней, экселленсе сообщил, что красота донны Филомены достойна песни и пообещал в следующий раз ее исполнить.

– Он притащит на причал орган? Представь, гондола с моей занозой медленно плывет по грязному каналу, над которым разносится органной вой, а на берегу Лукрецио мельтешит руками и ногами, как огромный паук-кровосос, нажимая на рычаги.

– По рассказам, князь предпочитает виолу либо мавританскую гитару.

– Ну вот зачем мне это знать? – поморщился дож. – Ты только что испортил мне замечательное видение.

– Может, ухаживания князя старомодны, но проверены временем.

– Вот и посмотрим, что выберет Филомена. Трухлявые рулады или торговый флот да Риальто. Даже я предпочел бы последнее. Кстати, герцог Альмадива сокрушался, что губернатор островов Треугольника покинул свой пост?

– Умер. Ему было за восемьдесят, так что смерть естественна.

– Подготовь указ. Мы даруем Эдуардо да Риальто должность губернатора.

– Чезаре! Это мелко.

– Хочешь погубернаторствовать лично?

– Подготовлю, – вздохнул синьор Копальди. – Но, если позволишь совет, брось свои выкрутасы и начни ухаживать за донной Филоменой.

Муэрто не слушал, он отхлебнул вина и зажмурился, как хитрый кот:

– Меня раздрает любопытство. Артуро, ну что у нее за дела?

– Спроси у нее сам! Догаресса уважает протокол и не посмеет увиливать.

– Камзол, – Чезаре поднялся с кресла, – нормальную одежду. И пойдем поищем нашу супругу. Наш крупный опыт вполне может пригодиться в ее маленьких начинаниях.

– Донна догаресса отошла ко сну, – сообщила мужчинам синьорина да Риальто, встреченная в коридоре.

Под мышкой сдобная блондинка несла рулон каких-то бумаг. Две горничные, что сопровождали ее, покачивались под весом гроссбухов.

– Куда направляетесь вы, донна Маура?

– В кабинет. – Подбородок блондинки указал на дверь дальше по коридору. – Этим помещением давно не пользовались, и синьор Пассерото выделил его для нужд донны догарессы.

Артуро собирался попрощаться, но дож прошел вперед, в кабинет. Комнатка была небольшой, с лакированной ореховой мебелью и пустыми полками высоких шкафов.

– Сюда. – Чезаре кивнул на стол. – Кладите, я посмотрю, что за информацию велела вам отыскать донна Филомена, отправившись сама в постель.

Маура пожала плечами:

– Никаких тайн. Здесь, – она положила рулон, – протоколы заседаний Малого Мусорного Совета. Донна догаресса желает как можно быстрее в него войти. На правах совещательных, разумеется.

Дождь просмотрел списки членов Совета.

– Забавно, но в нем уже состоит князь Мадичи.

– Не думаю, что причина желания Филомены кроется в этом. И подозреваю, что за прошедшие столетия его сиятельство становился членом сотен малых и больших советов.

– А книги?

Горничные расставляли гроссбухи в шкафу, ответила Маура:

– Это записи о мусорном налоге за последние пятнадцать лет.

Артуро посмотрел на тишайшего. Тот злился, не напоказ, а вполне по-настоящему. Фрейлина этого не замечала, она продолжала деловито объяснять:

– Филомена хочет выяснить, с какой регулярностью и по каким причинам городской мусорный налог повышался до сегодняшнего дня. Донна догаресса, ваша серенити, подходит ко всему, что делает, с основательностью, она хочет быть готова к первому заседанию.

– На когда оно назначено?

– Через четыре дня, в полдень, в малой зале советов северного крыла.

– Постараюсь на нем присутствовать. – Дождь кивнул Артуро. – Запиши, и пусть там будет пара-тройка юристов. Желая вам плодотворной работы, дорогая синьорина да Риальто.

– Куда теперь? – спросил синьор Копальди в коридоре.

– Как куда? – делано удивился Чезаре. – Наша супруга ждет нас в постели! Разумеется, мы с тобой, дружище пойдем в город и, скрывшись под масками, хорошенько отпразднуем мои четверть и четверть четверти.

– А Филомена?

– Наша мусорная догаресса? – Чезаре пожал плечами и, насвистывая, зашагал к тайному ходу, через который они часто выбирались из дворца. – Ее ждет одинокая ночь.

* * *

Синьору капитаншу я нашла в ее покоях и передала приказ директрисы.

– Донна догаресса, – лебезила учительница, – какая честь для нас, что вы решили продолжить постигать науки.

Мне стало неприятно. Синьору Ванессо до сего дня я считала прямой, как мачта, матроной, правдорубкой и отважной воительницей.

– Пустое, – пробормотала я, покраснев.

– Именно это ты ожидала от меня услышать?

– Простите?

Тон собеседницы изменился, к чему я готова не была.

– Филомена Саламандер-Арденте! Хитрая штучка, любимица начальства, думаешь, теперь все здесь будут пресмыкаться перед тобой?

Мой облегченный выдох и широкая улыбка стали ответом.

– Драгоценная синьора Ванессо! – Я всплеснула руками. – Вы меня испугали. Разумеется, мне бы хотелось, чтоб отношение ко мне осталось прежним. Никаких послаблений, строгость и еще раз строгость.

Чикко ударила хвостиком, привлекая внимание к своей персоне.

– Какая прелесть, – умилилась командирша.

И разговор моментально сместился на тему, не имеющую отношения ни к школе, ни к моему нескромному поведению в ней.

В класс я не пошла, ждала окончания урока в коридоре. Поэтому смогла лично наблюдать, как один из слуг прикрепил к доске объявлений лист бумаги, и прочесть его без помех. Экзамен назначили на дату выпуска. Литературу и математику предписывалось сдавать письменно, сочинения, признанные лучшими строгой комиссией, ученицы зачтут вслух перед публикой в главной зале. И уже после выступления коллегия, составленная из почетных гостей, под председательством... так-так... тишайшего дожа Муэрто, выберет победительницу. После обеда – музыкальный концерт. Комиссия, Чезаре, сценарий повторяет литературу. Вечер – танцы. Групповые, сольные, парные. Первое место присуждается общим голосованием. Где же астрономия? Ее в перечне экзаменов не оказалось.

Меня это немного опечалило. В астрономии мне соперниц нет. Математику я, предположим, сдам без труда. А вот дисциплины, относящиеся к искусству... Эх!

Школьный колокол возвестил окончание урока. Из класса никто не выходил. Я вздохнула, расправила плечи и, толкнув дверь, переступила порог.

– Донна Филомена, – сказала Карла звонко. – Догаресса Аквадораты.

И двадцать синьорин присели передо мною в глубоких реверансах. Маэстро Калявани склонился в старомодном поклоне.

Мой взгляд перебегал с лица на лицо. Зависть, неодобрение, восторг. Серая мышь Раффаэле в строгом, похожем на монашеский

наряде. Правая рука приподнята на уровень плеча, палец украшает огромный алмазный перстень.

Кивнув, в полном молчании я подошла к своему столу.

– Рада снова оказаться в вашем обществе, мои любезные подруги, драгоценный учитель. Надеюсь, протокольная торжественность, с которой вы меня встретили и которая, не скрою, немало мне льстит, не войдет в обычай.

Проговорив это, я села. Грянули аплодисменты. Маэстро их переждал.

– Донна Филомена. – Он опять поклонился и прижал к подбородку виолу. – Эта композиция – в вашу честь.

Не этого я хотела, когда стремилась вернуться в школу. Мне отчего-то казалось, что за толстыми стенами «Нобиле-колледже-рагацце» меня ждет моя привычная жизнь. Досадная ошибка. Сейчас мне здесь абсолютно не нравилось.

Зачем Паола надела перстень? Он диссонирует с ее платьем более чем полностью. Это кольцо Чезаре? И оно вовсе не печатка с изображением мертвой головы. Дорогая безделушка, неприлично дорогая. Бриллиант размером с ноготь большого пальца. Бледно-голубой, как глаза... Кракен меня раздери, я что, ревную?

Под нежные звуки виолы я попыталась вызвать перед мысленным взором красивое лицо Эдуардо. Получалось не очень. То волосы казались слишком светлыми, как у князя Мадичи, то кожа слишком смуглой, как...

Стронцо! Я просто давно не видела своего возлюбленного, поэтому лица посторонних мужчин вытесняют из головы милый образ. Мне нужно свидание! Точно. И повод для него есть. Маура говорила, что батюшка ее ведет бойкую торговлю с северными странами. Эдуардо сможет мне подсказать, какой из кораблей их эскадры направляется в ближайшее время к холодным водам. Синьор да Риальто сейчас в Аквадорате? Я не видела его на празднике во дворце, но это еще ни о чем не говорит. Я спрошу Мауру. Свидание. Сбежать. Из школы? Из дворца? По дороге?

Злодейский план столь меня увлек, что я пропустила окончание выступления. Пришлось изображать ошеломленную умильность и смахивать со щеки несуществующие слезы восторга.

– О, маэстро Калявани, – простонала я. – Эта так прекрасно, так...

Чикко полыхнула огнем, позволяя мне не договорить.

– О, – разнеслось со всех сторон. – Прекрасно... великолепно... завораживающе...

И осторожные шуршащие хлопки.

Нас отпустили на перерыв, и фрейлины увлекли меня в привычный закуток внутреннего сада.

– Попей воды, – велела Маура, придвигая мне глиняный кувшин. – Ты слишком бледна.

– Сплетни курсируют самые неприглядные, – сообщила Карла, меряя шагами мраморные плиты двора. – Филомена, оказывается, бросилась на грудь его серенити, угрожая...

– Чем? – Вода меня не насытила, булькнув в желудок, как в сухую землю.

– Ты беременна.

– Какая гадость.

– Это самая логичная из версий. По другой, ты прибегла к черному колдовству, заставив дожа испить вина с подмешанной в него кровью.

Меня замутило, но донна Маламоко продолжила:

– Кровавое снадобье составил чудовищный князь, с которым ты сношалась уже довольно долгое время. Кстати, пробудила его сиятельство тоже ты, чтоб он помог тебе окольцевать самого завидного холостяка Аквадораты.

– Директриса была с тобою любезна? – Маура сменила тему, за что я была ей признательна.

– О да, наша сестра Аннунциата – просто святая.

И я пересказала подругам беседу с монашкой.

– Мусорный Совет? – спросила Карла.

– Экзамен? – спросила Панеттоне. – Пикник?

– Три раза да. Завтра, пока все будут на пляже, я подгадаю момент и сбегу.

– Поплывешь на лодке?

– Нет, это будет слишком заметно.

– Значит, – Карла отпила из кувшина, – тебе нужен кто-то, чтоб охранять одежду. Сбежим втроем.

– Так будет удобнее. И еще. Мне нужен какой-нибудь корабль, отправляющийся в северные моря. Я попрошу помощи Эдуардо. Он в

городе?

Маура кивнула:

– В последнем письме матушка упоминала, что из резиденции на острове Риальто на его квартиру отправили семь бочонков амароне.

– Это вино?

– Да, из сухого винограда, братец предпочитает его прочим. И, судя по количеству, собирается провести в Аквадорате не меньше двух месяцев.

– Где его апартаменты?

Донна да Риальто пожала плечами:

– Будто я хоть раз там бывала.

– Санта-Кроче, – сказала Карла. – Улица Алхимиков, у свинцового моста, на башенке флюгер с нетопырем.

– Однако! – Панеттоне округлила глаза. – Только не говори...

– Я вообще больше ни слова не скажу! – обиделась Таккола.

– Спасибо. – Я потрепала подругу по узкому плечу. – Сегодня же я попытаюсь сбежать и нанесу визит на улицу Алхимиков. Это в центре?

– Почти. Но, – Карла покачала головой, – это не самый респектабельный район, Филадельфия, и девушке одной там бродить небезопасно.

– Значит, ты отправишься с ней, – решила командирша. – Тишайший Муэрто повелел нам вернуться во дворец сразу после занятий. Вы переоденетесь, скроете лица под масками, а я разовью бурную деятельность, чтоб скрыть ваше отсутствие. Ах, рагацце, как же я вам завидую. Гулять в темноте праздничной Аквадораты...

– А ты не можешь попросить помощи у Чезаре? – обратилась ко мне Таккола, перебив восторги подруги. – Он поговорит с Советом и подберет корабль.

Какой плохой вопрос! Конечно, так поступить было бы в пятьдесят раз проще и в сто раз правильнее. Но где в этой простоте мое свидание с Эдуардо?

– Наша безмятежность дражайший дож – патриций слишком высокого ранга, чтоб отвлекаться на судьбу какого-то головонога, – твердо ответила я, глядя в черные очи подруги. – Это мое дело и моя ответственность.

Маура театрально вздохнула:

– Неужели синьорине Маламоко непонятно, что цель встречи синьоры Муэрто с моим родственником – сама встреча? Какая наивность.

Сообразительная Панеттоне. Так бы и врезала.

Карла помрачнела, я, опасаясь отказа, принялась ее уговаривать. Потом отчаянно пригрозила, что отправлюсь к Эдуардо сама, и, если со мной что-нибудь ужасное случится по дороге, вина за это событие ляжет на Галку неподъемным грузом.

– Карла, – тоненько пропищала Маура, – помоги двум влюбленным сердцам воссоединиться. Это откроет лично для меня такие перспективы, о которых я, сидя на уроках, могла бы только мечтать. Ну пожалуйста!

И пухленькая Маура обняла подругу, осыпая ее щеки поцелуями.

Дона Маламоко освободилась.

– Филомена, тебя нисколько не тревожит, что твоя фрейлина влюблена в твоего мужа как кошка?

– Это не любовь, – улыбнулась я, поняв, что спутница вечером у меня будет. – Азарт, может, влюбленность. Подозреваю, что, когда донну да Риальто посетит то самое настоящее чувство, она о нем не расскажет никому.

К моему удивлению, Панеттоне отчаянно покраснела и махнула на нас рукой. Кстати, о руках.

– Видели бриллиант Голубки Паолы? – спросила я.

О, они видели и пришли к тем же выводам, что и я.

– Эта путтана носит его напоказ, – фыркнула Маура. – Гординели мне шепнула, что кольцо непорочной Раффаэле подарил жених.

– Чезаре?

– Так она тебе и сказала! Разумеется, имя щедрого дарителя не озвучивается. В ответ на прямые вопросы Голубка начинает рыдать.

– Поэтому все в школе уверены, что ты, Филомена, колдовством или ухищрениями увела возлюбленного у непорочной Паолы. Пусть тебя не обманут реверансы учениц, мнение их настроено против тебя. – Карла поморщилась. – Нас не было в «Нобиле-колледже-рагацце» всего один день, но синьорина Раффаэле успела обжиться в роли жертвы и выставить тебя в дурном свете.

Может, рассказать этой дурочке правду? Что брак – фикция и что через восемь недель ей вернут стронцо Чезаре в том же виде, что и

брали? Мне только школьных битв сейчас не хватает. Попрошу Паолу подождать, может, предложу передать тишайшему Муэрто любовную записку.

Когда мы возвращались в класс, я ничего еще не решила. А потом передумала объявлять перемирие. Меня ненавидели, меня игнорировали, меня презирали. Злые шепотки разили со всех сторон, гневные взгляды кололи, равнодушие ранило. Маркизета Сальваторе, с готовностью исполняя роль приспешницы Раффаэле, подавала последней носовые платки и флакончик с нюхательной солью каждый раз, когда я отвечала на уроке или оборачивалась к Карле, сидящей позади.

– Он сделал Голубке предложение, – шептала синьорина Родриго синьорине Пататино вместо того, чтоб выполнять задание по математике. – Свадьба была назначена на конец лета, но...

Свободной рукой я поглаживала Чикко, и перо мое скрипело громко, чтоб хоть как-то заглушить сплетни.

Эдуардо, я увижу Эдуардо. О, как это будет прекрасно. Мы поговорим о кораблях, и он возьмет меня за руку. Я расскажу ему о фальшивом браке и о том, что через пару недель стану свободной. Он меня поцелует, не властно и влажно, как мой фальшивый супруг, а нежно. У меня закружится голова и я прислоню ее к мужскому плечу, и погружу пальцы в золотые локоны любимого. И он поцелует меня еще раз, в лоб, и подарит кольцо.

Нет! Рано. У меня уже есть кольцо на безымянном пальце. Он подарит мне... какую-нибудь безделушку на память о встрече. И я положу ее в шкатулку к другим реликвиям.

– Рагацце, – сказала я тихонько, когда учительница Дундели отпустила всех с урока. – Я хочу посетить нашу спальню.

Обеда нам не полагалось, и, воспользовавшись тем, что ученицы и учителя собрались в столовой, мы с Маурой пошли в дортуар. Карла в это время, пробормотав, что голодна, как стая волков, и что поститься за компанию со мной не намерена, ушла на кухню.

– Захвати и мне что-нибудь пожевать, – велела Панеттоне. – Мы с Филоменой сложим вещи в сундук, и пусть наши гвардейцы помогут перевезти его во дворец.

Двери всех ученических спален оказались распахнуты. Закончив упаковку, мы спускались обратно, когда Маура толкнула меня в плечо.

Я замерла на ступеньке. Под лестницей стояла группка синьорин, человек семь, они окружали Паолу. Та выпрямилась, в своем сером узком платье похожая на колокольню Сан-Леоне, и смотрела на меня широко открытыми карими глазами.

– Хотите пройти? – приветливо спросила я. – Минуточку, мы поторопимся.

Синьорины молчали, по щекам Раффаэле потекли слезы.

Топ, скрип, топ, скрип, то-оп, скри-и-и-п! Преодолевать ступени в наступившей тишине оказалось непросто. Сосредоточившись на том, чтоб не споткнуться, я, разумеется, наступила каблуком на подол и съехала на площадку, громыхнув подошвами о напольную плитку.

– Какое непотребство, – протянула в пространство Сальваторе, – так глумиться над чужим горем.

Маура открыла рот, чтоб ответить, но я схватила ее за локоть. Тратить слова бессмысленно.

– Наследница благороднейшего рода да Риальто, – продолжала маркизета, – прислуживает какой-то крестьянке.

Этого я снести не могла.

– Так горе, над которым здесь глумятся, твое личное? Печалишься, что прислуживаешь не той? Не догарессе?

Ах, как ей хотелось меня ударить! Я ощущала ее ненависть почти физически. Чикко запыхтела, нагнетая жар. Ну же, маркизета драная, занеси руку для пощечины. Дай мне возможность подраться. Воздух в преддверии сражения искрился. Сейчас.

– Филомена! – Жалобный голосок Раффаэле развеял искры. – Пожалуйста, не стоит гневаться.

Она приблизилась и взяла меня за свободную руку:

– Прошу, удели мне минутку.

Синьорины расступились, и Паола отвела меня к окну, шагах в десяти от прочих учениц. Они станут свидетелями беседы, даже скорее зрителями этого нелепого представления. Я стояла в оконном проеме, в своем черном платье явно назначенная на роль злодейки. Паола рухнула на колени:

– Филомена, умоляю, не направляй свой гнев на Чезаре. Сердцу не прикажешь, и его любовь ко мне не должна стать причиной твоей ненависти.

Я с ненавистью смотрела на русский затылок. Чертовка, она меня обыграла. Что бы я сейчас ни сделала, все будет плохо. Удаюсь – злобная гордячка, подам ей руку, чтоб помочь подняться – глумеж над побежденной. Начну оправдываться, тоже нехорошо. Паола объявила о любви к ней дожа как о факте. Мне нечего этому противопоставить.

– Серенькая помокомская роза, – сказала я умильно, – наша Голубка, наша непорочная страдальца...

Ухватив Раффаэле за плечи, я вздернула ее на ноги и прижала к себе в объятии:

– Моя драгоценная сестра, что было, то прошло, и я не буду винить тебя за роман с моим супругом. Тишайший Муэрто – кавалер многих достоинств, и мало кто из синьорин может устоять перед его очарованием. К тому же...

Она поняла, что я пытаюсь сменить объект, перекладывая бремя любви с Чезаре на нее, и задергалась в моих руках:

– Филомена! – пискнула она сдавленно. – Ты делаешь мне больно.

– Прости, это от избытка чувств.

– Не ненавижь Чезаре.

Путтана! Нельзя называть чужого мужа по имени, это неприлично.

– Я его обожаю, иначе не сказала бы «да» у алтаря. А он...

– Политика, – всхлипнула Голубка. – Я ничего в ней не понимаю, но знаю, что, если Чезаре тоже сказал «да», у него на то были основания.

Изящный укол, она только что обесценила мой брак до политической интриги. Лучше бы я дралась с Сальваторе. Лучше бы дралась со всеми ученицами.

– Доверять своему дожу – священный долг гражданки, – кивнула я.

– Как долг супруги – любить. Филомена, я понимаю, что ты не сможешь дать Чезаре любви... – Она схватила мои плечи, чтоб я не смогла ее перебить. – Не говори ничего. Ты скажешь, что полна чувств, но мы знаем, что он их не примет. Ты не можешь любить его так, как он хочет, любить взаимно. Прошу об одном...

И Паола разрыдалась, отступив на шаг.

Мне захотелось свернуть ее тонкую шею. Меня только что подвели к самому краю корабельной доски, руки у меня связаны за

спиной. Шаг вперед, и я лечу к смерти. Просьбу мне не озвучили, я не могу ее ни принять, ни отвергнуть. Зато прозвучало обвинение в том, что я безответна в страсти к стронцо Чезаре.

Порывисто шагнув, я обняла голубиные плечи с такой силой, что они хрустнули, и четко зашептала:

– Не волнуйся, дорогая, наш Чезаре вполне доволен своей женой и тем, что она дарит ему ночью. Я люблю его страстно, нежно, пылко. Скоро, очень скоро рана в его сердце, которую ты нанесла своим отказом, когда синьор Муэрто был простым капитаном, затянется от моей ласки.

Паола пыталась вырваться, но я держала ее ладонью за затылок, вжимая лицом в свое плечо. Говорить она не могла, чего я, впрочем, и добивалась.

– Пойми, милая, наш Чезаре – правитель целого государства и...

С неожиданной от такой худенькой синьорины силой Паола меня оттолкнула:

– Не издевайся надо мной, Филомена! Глумиться над чувствами – грех. Ты злая, злая и черствая!

И синьорина Раффаэле убежала, сотрясаясь рыданиями.

Победа осталась за ней.

Мне пришлось усесться на подоконник и любоваться грязной водой канала, пока зрители расходились. Два месяца таких стычек я могу не выдержать. Эдуардо. Мысли о нем придадут сил. А если сегодняшнее свидание состоится, я лично отведу Паолу в спальню дожа во дворце и задерну полог.

Все время сестры мои фрейлины проспали. Для нас троих отгородили ширмами часть затененного дворика, и мы уединились там до начала послеобеденных занятий. Корзинку Карлы, принесенную из кухни, мне трогать строго-настрого запретили. Но, дождавшись, пока подруги погрузятся в сон, я стащила немного хлеба. Желудок был мне благодарен, чего бы там на него ни наговаривали.

Кракен. То есть головоног. Какой знак я помещу на корабль, за которым она последует? И куда? Наверное, на борт снаружи, чтоб его можно было рассмотреть под водой? Нет, я поступлю иначе: осмотрю судно во всех подробностях и передам эту картинку мыслеформой, мыслеэманацией. Носовая фигура, доски обшивки, абрис корпуса. Звучит гораздо сложнее, чем есть на самом деле.

Еда. Маура обещала разобраться с тонкостями работы Мусорного Совета и сообщить мне краткое резюме. Карла предлагает не усложнять, а воспользоваться чумным колоколом. Заслышав его звон, жители скроются в своих домах минимум на сутки и будут оставаться там, пока городские службы разберутся с обманом. Но это довольно жестоко и, кажется, карается смертной казнью. Колокол оставим на крайний случай, если с Мусорным Советом потерпим неудачу. Корабль – Эдуардо, еда – мусор, головоног – завтрашний пикник. Это дело пока отложим.

Экзамен. Я получу высший бал по математике, возможно, не провалюсь в литературе, особенно если тема будет несложной. Музыка. Мне нужен учитель. Не маэстро Калявани, а кто-то получше, не великий музыкант, а хороший ментор. Интересно, во Дворце дождей такой отыщется? Времени, чтоб выбрать произведение и придать его исполнению великолепия, немного. Виола меня не любит, и это взаимно. Хотя почему виола? В мире много других инструментов. Гитара? Орган? Нет, последним я не владею вовсе. Какой-то обрывок мысли маячил передо мной, но не желал сформироваться в нечто достойное. Нет! Да! Мое исполнение будет вокальным. Это, по крайней мере, оригинально.

Танцы. Тут все просто. Я либо запутаюсь в конечностях, либо нет. Победителя будет выбирать публика, и я, презирая вслух всяческую предвзятость, воспользуюсь тем, что не выбрать догарессу – непатриотично.

Булка закончилась. Я попила и откинулась на плетеной кушетке, прикрыв глаза.

Второе дело в сторону. Что еще? Фарфоровая кукла Мадичи. Нет, за это я братья не собираюсь. Головоног – моя ответственность, гомункул – чья угодно. Пока решим так: если князь Лукрецио со мной встретится, вопросы будут заданы. А пока...

Меня разбудил школьный колокол. Учениц призывали в класс.

– Работа фрейлины загонит меня в гроб, – зевала Карла. – Ночью я не спала ни минуты.

– Приведешь Филомену от Эдуардо, – зевала Маура, – и я самолично укурю тебя одеялом.

– А если они будут миловаться до утра?

– Тогда дож Муэрто накроет тебя моей шкурой, – хихикнула Панеттоне. – Не знаю насчет любви или страсти, но ревнив зятек, как... Филомена, а поведай невинным девушкам, отчего губа его серенити была столь фиолетова и раздута нынче утром?

– Он наказывает меня поцелуями, – призналась я смущенно. – Поцелуй за каждое «стронцо» и за любое упоминание Эдуардо да Риальто. Причем, мерзавец эдакий, считает даже те упоминания, которые допускает сам.

Рагацце хохотали как ненормальные.

– Главное, не ненавидь Чезаре, – пропищала Маура, вполне похоже передразнивая Голубку.

Я посмотрела на Карлу. Черные глаза синьорины Маламоко были направлены на личико Панеттоне, она любовалась.

Уроки прошли неплохо, то есть без слез и сцен. Темы лекций были мне интересны, а танцы, которые ставила синьора Грацио, несложными. Правда, когда мы репетировали общий, маркизета Сальваторе подставила мне подножку, но, так как в результате растянулась на паркете сама, я оставила это нападение без ответа. Книги, записи, расчеты, партитуры, фигуры менуэта. Когда все мысли заняты учебой, на злодейские планы места не остается. Что сделает Чезаре, не обнаружив меня в спальне? Я скажусь больной. У него сегодня Совет, Большой и длительный. Одна из горничных вполне сможет исполнить роль спящей догарессы. Я закутаю девушку с головой в покрывало, разбрызгаю в комнате ароматную соль, будто бы от головной боли. Это сработает. Карла знакома с тайными ходами дворца. Маура прикроет. Поворот, ножку вправо, поклон влево. Хорошо, просто замечательно.

Ученицы отправились в гостиную, мы с подругами – на причал, где ждала нас гондола. Слуги передали гвардейцам пустые кувшины, синьора Ванессо исполнила шутовской реверанс и захлопнула дверь.

– На сегодня отмучались.

Маура была в маске, но, судя по звуку, на этих словах зевнула. Она тоже провела бессонную ночь, и это сказывалось.

– Не совсем, – возразила Карла. – Поглядите, рагацце, кто машет нам с причала палаццо Мадичи.

– Красавчик вампир?

Его сиятельство был облачен в старомодный лиловый кафтан и исполнил старомодный поклон, когда гондола с ним поравнялась.

– Серениссима! – пророкотал он. – Ваша неземная прелесть...

Комплименты также были старомодны, но мне они именно по этой причине показались крайне милыми. Князь пообещал мне песню, а я подумала, что за долгие годы сиятельный Лукрецио не мог не поднатореть в музыке. Удача сама идет мне в руки. Если его обещание не пустое хвастовство, я попрошу экселленсе дать мне пару уроков.

Мы попрощались мило и многословно. Смешливая Панеттоне исхрюкалась под своей маской до икоты, пока гондола не отделилась от палаццо Мадичи и девушка смогла начать хохотать вслух.

– Ах, серениссима, – кривлялась она, – ваши аквамаринные очи... Ах, князь, ваши трухлявые комплименты...

Карла тоже подсмеивалась, и гвардейцы. Да что там люди, крошка-мадженте пыхтела, как крошечный паровой молот, мне в ухо.

На ступенях дворца нас ожидал синьор Копальди. Я изобразила болезненную усталость, для чего пришлось отказаться от ужина. Надеюсь, у Эдуардо, кроме восьми бочонков вина, окажется что-нибудь съестное. Желудок голодно урчал.

Фрейлины проводили меня в покои, и, пока я меняла маску и надевала черный плащ, переодели в ночную сорочку горничную Ангелу, чьи рыжие волосы были отдаленно похожи на мою шевелюру.

– Мы возьмем лодку? – спросила я Карлу, когда мы уже шли темными коридорами.

– Нет. – Кошачья глянцевая маска подруги выглядела таинственно, и голос, которым был озвучен ответ, показался мне загадочно-низким. – Есть короткий путь по суше, воспользуемся переулками. Филомена, запомни, ничего никому не говори. Ни слова!

– А если мы повстречаем городскую стражу?

– Предоставь все мне.

Таккола потянула за рукоять рыцарского меча, закрепленного на стене в качестве украшения, и одна из плит пола ушла вниз, становясь верхней ступенью каменной лестницы.

– Сюда.

Какая она мускулистая, наша Карла! Она крепко поддерживала меня на спуске. Плита над нашими головами с негромким скрежетом вернулась на место.

– Черт! Мы не захватили фонарь.

Чикко сбежала по моей руке на ладонь и засветилась мягким желтоватым светом.

– Говори за себя, – хихикала я, поднимая над головой свой магический светильник.

Когда мы оказались на свежем воздухе, саламандра вернулась на свое место. Грязные захламленные дворики, покинутые причалы, разрушенные сады. Там, где не было фонарей, нам ярко светила луна. А потом мы вышли на людную площадь, и я поняла восторг, который испытала синьорина да Риальто при виде ночной Аквадораты. Я здесь уже бывала, до того как начала обучение. Но была, во-первых, при свете дня, а во-вторых, в сопровождении батюшки.

Аквадоратские женщины, что бы там ни воображали себе материковые жители, вовсе не обладают какой-то особой свободой. Мы зависим от наших мужчин – от отцов и братьев, после замужества – от супругов. Жизнь аквадоратской порядочной женщины сосредоточена в ее доме. Многие ученицы «Нобиле-колледже-рагацце» годами не появлялись за пределами своих резиденций. Мы умеем торговать и торговаться, мы заводим каких-то подруг и знакомых, но все это происходит под надзором. Мой батюшка держал меня в строгости. Я никогда не видела карнавала, не танцевала под луной на городской улице, не разговаривала с незнакомцами, не флиртвала. Сейчас все мои чувства оказались поражены одновременно. Пряно-карамельный запах из лотка разносчика, гнусавая мелодия шарманки, крики, песни, хохот, яркие наряды публики.

Карла твердо взяла меня под локоть и увлекла сквозь толпу.

– Рыженькая, сними маску, – сказал мне тучный Арлекин. – Фигурка твоя хороша, а личико...

– Она с Ньяга, – его спутник рассматривал Такколу, – боюсь, дружище, у рыженькой под юбками...

Карла потащила меня вперед.

– О чем они там болтали? – спросила я.

– Не важно. Я уже жалею, что согласилась на эту авантюру. Ты слишком заметна, чтоб устраивать тайные вылазки.

– Дело в волосах? Возьмем мне шляпу? Я видела вон там, – я махнула рукой в сторону, – господина Вольто с охапкой головных

уборов.

Таккола покачала головой:

– Пошли быстрее.

К нам приставали еще пару раз. Однажды Карле пришлось обнажить кинжал, который, оказывается, был у нее на поясе.

– Экая докука, – выдохнула я в переулке. – Обратная дорога будет столь же трудной?

– Еще хуже. Через час в городе не останется ни одного трезвого человека. – Таккола махнула рукой. – Апартаменты синьора да Риальто находятся буквально в двух шагах, за этим мостом.

Какой-то синьор страдал, свесившись по пояс через перила. Я поморщилась. Бедняжка Эдуардо. Не представляю, как ему удастся вести достойную спокойную жизнь в такой обстановке. С его страстью к чтению, наверное, непросто...

Синьора стошнило. Мы обошли его по максимально возможной дуге. Флюгер с нетопырем украшал башенку узкого дома, чей причал был столь густо усыпан гондолами, что походил на кисть винограда.

– У Эдуардо гости? – растерянно спросила я.

Этого в моем плане предусмотрено не было. Вернуться? Но мы уже здесь. Нет, лучше вернуться.

И я первой взбежала по ступенькам крыльца и толкнула приоткрытую дверь. Сколько людей! Как я разыщу здесь хозяина?

– Спальня на третьем этаже, – проговорила Карла, отодвигая от себя девицу с обнаженной грудью, которая стремилась стащить с моей подруги маску.

Я помнила, что грудь обнажают путтана, но оказалась не готова к тому, что некоторые из них раскрашивают свои соски кармином. Это выглядело непристойно, вызывающе, и я не могла оторвать от алых бусин своего взгляда.

– Филомена. – Карла шлепнула девицу пониже спины и протянула мне кинжал. – Отправляйся на свое свидание, я подожду тебя здесь.

Сжимая рукоять, я побрела наверх. Галка Маламоко здесь бывала, она знала, куда именно меня ведет. Знала и не предупредила. Почему? А потому, донна догаресса, что ты бы ей не поверила. Ни единому слову. Ты бы нашла тысячу оправданий и сто тысяч поводов обелить возлюбленного. Аквадоратские мужчины проводят время именно так. Смирись или беги. Синьор да Риальто – патриций, богатенький

наследник. Может, ты пока можешь помечтать, что он не имеет отношения к сегодняшней попойке. Эдуардо позволит кому-нибудь из своих друзей... а сам заперся в спальне, чтоб почитать древних поэтов. Или материковых романистов.

На третьем этаже была всего одна дверь, я ее распахнула. Четверо синьоров повернули ко мне головы. Они играли в карты за низким круглым столиком у окна.

– Донна Дама? – спросил нетрезвый господин в алом камзоле. – Где ты взял эту прелесть, Эдуардо?

Я сняла маску. Хозяин ахнул, поднялся, сбрасывая на стол звякнувшие бутылки и бокалы.

– Филомена?

– Так это же... – Пятый картежник вышел из смежной комнаты и, быстро схватив меня за плечо, развернул к себе. – Это же...

Пришлось вдавить кинжал поглубже под ребра, чтоб этот болван почувствовал лезвие.

– Восхищаюсь, синьор, вашей памятью, – протянула я манерно. – Но, думаю, вам стоит использовать эти похвальные качества за столом. Я же, с позволения сиятельных патрициев...

– Филомена! – взревел да Риальто.

– Сидеть! – Синьор в красном камзоле орал гораздо громче. – Игра не окончена, Эдуардо. Либо отдай мне победу, либо продолжи. Это дело чести!

Блестящие голубые глаза посмотрели на меня с выражением крайнего страдания, и Эдуардо плюхнулся обратно на стул.

А что делать мне? Держать пятого на острие кинжала, пока они доиграют? Взрослого мужчину выше меня ростом?

Я отшатнулась, толкнула синьора в грудь кулаком и, развернувшись, сбежала по ступеням. В спину мне ударил хохот.

– Полюбовалась? – спросила Карла, которую я нашла в гостиной в обществе двух манерных юношей с накрашенными лицами.

Я злилась: на нее, не предупредившую меня, на Эдуардо, который оказался вовсе не таким, как мне вообразилось, а больше всего – на себя.

– Пойдем. – Я отдала кинжал.

Синьорина Маламоко вернула его в ножны.

Мы вышли на крыльцо.

– Благодарю за урок, – поклонилась я подруге, – он был довольно жестоким.

– Эдуардо да Риальто, – сказала Карла, – пустозвон и пьяница, в семье он не решает ровным счетом ничего. Единственное судно, которое он сможет тебе предложить, – его личная гондола, и то, подозреваю, ему уже не принадлежащая. Все его имущество заложено и перезаложено. Быть игроком довольно затратно, а неудачливым – вдвойне.

– Маура знает?

– Не в полной мере. Она, кажется, воображает, что брак с хорошей девушкой может брата волшебным образом переменить. А ты?

– Что? – Синьор на мосту все еще блевал, и я с усилием оторвала взгляд от его скрюченной фигуры.

– Ты тоже считаешь, что после женитьбы мужчины меняют привычки?

Глубоко вздохнув, я твердо сообщила:

– Моя любовь не повержена, Таккола, она лишь претерпела мощный удар. Эдуардо меня видел, я видела... то, что видела. Этого для глобальных выводов недостаточно. Но синьору да Риальто придется передо мной оправдаться. Я дам ему шанс.

– Слишком рассудочно. Я имею в виду, для влюбленной девицы. Но вполне в твоём стиле. Что ж, донна догаресса, возвращаемся во дворец.

Когда мы пересекали мост, страдалец уже лежал под перилами, оглашая округу громким храпом. А в переулке Карла быстро обернулась:

– Нас преследуют, Филомена, бежим! На площадь, там люди...

Мы припустили рысью, перешли в галоп. Я задыхалась, каблуки выстукивали по брусчатке. До спасительной площади оставалось совсем чуть-чуть, до нас уже доносился гул толпы, когда путь нам преградила фигура в черном плаще:

– Попались, рыбки!

Карла взвизгнула, выпрыгивая вперед, кинжал скользнул от бедра вверх, одновременно корпус девушки развернулся, уходя с линии удара. Меня схватили за плечи и прижали к глухой стене дома:

– Рыженькая Филомена.

Карла визжала, сражаясь с громилой, как дикая кошка. Того спасали пока лишь многослойные одежды. А я с ненавистью смотрела на синьора в алом камзоле, который играл с Эдуардо в карты.

– Руки прочь! Иначе...

– Иначе что? – Мерзавец обнажил шпагу, приставил ее кончик к моей груди и, пошевелив запястьем, рассек завязки моего плаща. – Ах, какая красавица. Зачем же ты надела маску, милая? Твое личико прелестно.

– Вы не имеете права!

– Отчего же? – Он шпагой смахнул мою Даму, откромсав, кажется, клочок волос заодно. – Твой драгоценный Эдуардо умудрился проиграть тебя мне на первом же круге. Все произошло так быстро, что, как видишь, я успел забрать свой выигрыш.

– Вы пьяны? – спросила я надеждой. – Или безумны?

За спиной «красного камзола» маячило еще человек пять. Они гоготали, то отпуская шуточки в мой адрес, то подбадривая громилу, сражающегося с Такколой.

– Синьор да Риальто, конечно же, предупредил нас о том, что ты девушка приличная, не какая-нибудь путтана. Но это вполне поправимо.

Движение запястья – и платье мое расползлось до самого пояса, выставляя на всеобщее обозрение груди.

– Стронцо! – заорала я. – Чикко, давай!

И мадженте выбросила вперед струю жидкого пламени.

– Еще! Еще! Еще!

Все, кто работает с саламандрами, знают, что самое слабое в человеческом теле – это волосы. Заводчики предпочитают коротко стричься и не носить бороды. Горят также брови и ресницы. «Красный камзол» метался по переулку в попытках потушить пылающую голову. Прочие синьоры, отчего-то растеряв добродушие, занимались тем же со своими волосами.

Чикко дрожала, она была пуста. Я повернулась к Карле. Она как раз подпрыгивала, впечатывая в брусчатку голову поверженного врага.

– Филомена! Мы их сделали!

– Бежим!

– Стоять! – Путь к свободе преграждали уже две мужские фигуры безо всяких следов возгорания.

Я присела и подняла с земли чью-то шпагу.

– Прежде чем вы попытаетесь нанизать меня на этот... гм... вертел, – мужчина снял маску, оказавшись тишайшим Муэрто, – должен предупредить о последствиях, которые...

Светлые глаза супруга остановились на моей груди, и голос предательски надломился:

– Наша семья не столь стеснена в средствах, чтоб вам пришлось зарабатывать своим телом.

– Она моя, – простонал за моей спиной «красный камзол». – Эту женщину мне проиграл в карты синьор да Риальто, чему есть свидетели.

– Это правда? – Чезаре взглянул мне в лицо.

Я пожалала плечами и отбросила шпагу. Синьор Копальди принялся дрожащими пальцами расстегивать свой плащ:

– Донна Филомена, вам нужно прикрыться...

– Оставь, – велел Муэрто ледяным тоном. – Эту женщину только что проиграли, пусть ее грудь заботит этого...

Чезаре обошел меня и приблизился к погорельцу:

– Как ваше имя, синьор? Фоско? Маркизет? Замечательно.

Карла стояла, опустив руки вдоль тела. Я заметила, что фрейлина сместилась ближе ко мне. Ночной ветерок охлаждал груди, но я стояла, расправив плечи. Смущения от меня не дождутся.

Дождь с закопченным маркизетом уже похлопывали друг друга по плечам, последнему процесс доставлял, кажется, немалую боль.

– Артуро, – ворковал Муэрто, – синьор Фоско желает продолжить вечер за картами. Организуй нам стол в уютном местечке. Идемте, господа. И девицу с этим... существом берите с собой. Нет, нет, чужие женщины меня не интересуют нисколько, но ваша, кажется, сбежит без присмотра. Дама, Няга, синьоры, прошу. Артуро...

Карла взяла меня под руку.

– Что не так с твоей маской? – шепнула я раздраженно. – Отвечай, или я лопну от любопытства.

– Она мужская.

Нас куда-то вели, но синьора, который попытался положить мне руку на плечо, я за эту руку укусила.

– И что? – сплунув, уточнила я у подруги. – Платье-то женское.

– Эти маски, Филомена, носят только мужчины особого сорта, те, кто предпочитает однополую любовь.

Призвав на помощь все имеющиеся знания, я растерянно улыбнулась:

– И у кого из них получается икра?

– Это делают не для продолжения рода, а для удовольствия.

Карла пробормотала еще что-то про невинных островитянок, а я спросила, не кажется ли ей, что мне неплохо было бы покрасить соски кармином, потому что становилось довольно прохладно и слой краски несколько меня утеплит. И фрейлина фыркнула, сдерживая смех:

– Вот поэтому я и служу тебе, чудовище. Только аквадоратская Львица может превратить позорную ситуацию в победный парад.

На самом деле мне было страшно и противно. Нет, насилия я не боялась. В случае чего я отгрызу синьору Фоско нос, а прочих... Если не справлюсь, сдохну сама. В конце концов, все мы смертны. Опасения мои касались Чезаре. Пока маркизет с подельниками вели себя дружелюбно, но, если настроение этих стронцо изменится, что будет делать тишайший Муэрто? Шпага при нем, но владеет ли он ею? Значит, Артуро, мы с Карлой, Чикко. Она пыхтит, набирая жар, скоро его будет достаточно для залпа. Зачем я выбросила оружие? Хороша бы я была, помахивая клинком при ходьбе. Нет, моя защита – саламандра, у Такколы кинжал, Артуро... Он вообще умеет драться?

– За нами следует Эдуардо, – вдруг сообщила дона Маламоко. – Скрытно и в отдалении.

– Видишь, он раскаялся и благородно бросился мне на помощь!

– Хочешь выразить восхищение лично?

Прикинув, во сколько поцелуев мне обойдется беседа с синьором да Риальто, я покачала головой:

– Ему сейчас, наверное, невероятно стыдно. Пусть он убедится, что все в порядке, думая, что остался незамеченным. Мужскую гордость нужно оберегать.

Последнюю сентенцию к месту и не к месту повторяла наша Панеттоне, и я произнесла ее же назидательным тоном.

Синьорина Маламоко обозвала меня дурой, но мы уже пришли к какому-то дому с пестрой вывеской, и на достойную отповедь меня не хватило.

Это была таверна. Артуро быстро переговорил с хозяином, и тот буквально взащей вытолкнул из нее немногочисленных посетителей.

За центральным столом расположились картежники: Чезаре и еще четверо разной степени повреждения господ.

– Донна Филомена, – синьор Копальди придвинул мне стул, – простите за... За это все!

– Вам извиняться следует в последнюю очередь. – Я приветливо предложила помощнику место подле себя. – Расскажите, как прошел Большой Совет. Какие вопросы там обсуждались?

Карла присела по другую от меня руку.

– Донна да Риальто в порядке?

Синьор Копальди ответил сначала мне, после – донне Маламоко, спросил, не желаю ли я воспользоваться его плащом. Я в ответ хотела спросить про карминную краску, но Таккола так больно ущипнула меня за бок, что я только ахнула.

В карточной игре я понимала меньше чем ничего. Кажется, ставки были высоки, и мой супруг абсолютно точно проигрывал. Погорельцы ржали, маркизет загребал к себе поближе горсти местных базантов и материковых дукатов. Бедняжка Чезаре, не стоит садиться за стол с такой удачей. Бедняжка Фоско, ни за какие деньги он не купит себе нового носа взамен откушенного мной.

Я заметила, что игроки переглядываются и что иногда они под прикрытием скатерти передают друг другу карты. Шулеры? Куда катится Аквадората?

Смешки и разговоры становились все громче, хозяин таверны принес вина в глиняных кувшинах.

– Синьор, – попросила я, когда он проходил мимо, – подайте нам ужин, будьте любезны.

Наверное, моя обнаженная грудь подразумевала иную манеру общения. Хозяин завис, переводя воспаленный взгляд с меня на Артуро. Помощник кивнул:

– Накройте здесь на троих.

Меньше чем через четверть часа перед нами стояли глубокие тарелки с овощным ассорти и «фегато алла аквадората» – тушенные в луке ломтики говяжьей печени.

– Вина? – спросил хозяин.

– Воды, – решила я, наблюдая, как синьор Копальди снимает пробу с моей порции. – Вы опасаетесь яда?

– Догаресса не должна есть ничего непроверенного, – ответил помощник, пододвигая ко мне кушанье. – Приятного аппетита, донна Филомена.

Пожелание было излишним. Я урчала голодной кошкой и вылизала бы тарелку, не останови меня Карла.

– Можно повторить? – попросила я ее. – Пожалуйста!

Донна Маламоко придвинулась и спросила тишайшим шепотом, не желаю ли я вернуться на мостик у улицы Алхимиков, который уже опробован другими людьми в том самом деле, которое, она уверена, мне предстоит, если я не поберегу желудок.

Пришлось пить воду и поглядывать на игру. Ситуация там, кажется, изменилась. Перед тишайшим Муэрто высилась гора монет и стопка каких-то пергаментов, погорельцы нервничали.

– Что ж вы, синьоры, – подбодрил их дож. – Давайте!

А через минуту поднялся, исполнил поклон и стал рассовывать по карманам выигрыш.

– Спасибо за приятный вечер. Прихотливая дама-удача нынче на моей стороне. Не тревожьтесь, синьоры, счет за вино я оплачу...

– Продолжим игру! – взревел Фоско.

– Любезный маркизет, вам не на что играть. – Чезаре широко улыбнулся и похлопал себя по карману. – Ваша лодка, ваши лошади, ваш палаццо – все здесь.

– У меня осталась женщина!

– Эта? – Глаза цвета спокойного моря мельком на меня взглянули. – Кажется, я уже упоминал, что девицы подобного сорта меня не интересуют? Или у вас припасена другая? Тогда я хотел бы сначала посмотреть...

«Красный камзол» забормотал вполголоса что-то, что я не расслышала.

– Маленькая ставка, – сказал Чезаре и вернулся в игру.

Он проиграл эту ставку, и еще две и еще. Фоско вновь повеселел, благодарил даму-удачу, подмигивал мне и партнерам.

«Фегато алла аквадората» в моем желудке запросилось наружу. Пальцы ощутили прикосновение, это Артуро взял мою руку.

– Не волнуйтесь, Филомена, – шепнул он, – Чезаре дурачится.

Я посмотрела на Карлу, та кивнула. Желудок успокоился. Прочие картежники уже давно выбыли, игра велась между Фоско и Муэрто.

– Желаете десерт? – спросил у плеча хозяин и поставил на стол плошку с чем-то кремово-воздушным, щедро посыпанным изюмом и цукатами.

Вкуса я не чувствовала, одергивания Карлы игнорировала, мои глаза не отрывались от лица тишайшего супруга. Вот он поморщился, рассматривая свои карты, потрогал кончик носа, приподнял брови. Что там? Что?! Одна за одной карты легли на стол, и маркизет вскричал:

– Это невозможно!

– Синьор желает обвинить меня в шулерстве? – тон Чезаре был скучен. – Закончим вечер дуэлью?

Приятели маркизета что-то зашептали ему с двух сторон. Наконец «красный камзол» поднялся:

– Ни в коем случае, дож Муэрто. Ваша честность несомненна, впрочем, как и ваши навыки фехтовальщика. Благодарю за прекрасный вечер, ваша серенити.

И маркизет Фоско, покачиваясь, покинул таверну вместе со своей свитой. На меня он даже не взглянул. А будь у меня хоть горошинка кармина про запас, не удержался бы, я уверена.

* * *

В ученической гостиной «Нобиле-колледже-рагацце» царил полутьма, лишь одна лампа, стоящая на подоконнике, подсвечивала треугольное личико синьорины Раффаэле.

– Тишайший так и не появлялся? – спросила шепотом маркизета Сальваторе, возникая за спиной Паолы, подобно привидению.

Та всхлипнула и покачала головой.

– Филомена постаралась задержать супруга в своей постели.

– Гадкая островитянка, – кивнула Бьянка, – крестьянка, деревенщина.

– Однако хорошенькая.

– Никакая мордашка не победит чистой и взаимной любви, – сказала Сальваторе и присела на пуфик. – Его серенити скоро от нее устанет. Ах, Голубка, не плачь. Разумеется, он даже на толику не

увлечен этой разбойницей. Ты кротка и благонравна, с хорошим происхождением и приданым. К тому же...

Бьянка воровато огляделась и придвинулась к подруге:

– Тихоня Годинели слышала, что эта идиотка Филомена влюблена в Эдуардо да Риальто. Ты с ним знакома?

– Нет, у нас на Помо-Комо из молодежи да Риальто гостила лишь Маура.

– Форменная дурочка. Но брат у нее – совсем другое дело: красавец и настоящий кавалер. Вообрази, рост, плечи, золотистые волосы и самые голубые в Аквадорате глаза.

– Неужели?

– Ну и торговый флот да Риальто, который рано или поздно – все мы смертны – достанется Эдуардо в наследство. Разумеется, эта провинциальная Филомена сделала на него стойку и соблазняла три года подряд.

– Удачно?

– Более или менее. Поцелуй, по крайней мере, видели все. На зимнем балу эта проныра затащила благородного да Риальто под омелу и...

Паола тихонько и осуждающе хихикнула:

– А она смела.

– Безрассудна!

– Бедняжка Филомена! – Карие очи Паолы заблестели, возможно, от слез. – Любить одного, но быть связанной браком с другим. У них были свидания?

– Не уверена. Эта тройца, наша Львица с приспешницами, часто покидала школу, особенно эта Галка Маламоко...

– Ах, Бьянка. – Синьорина Раффаэле обняла Сальваторе за плечи. – Расскажи мне все.

Глава 7

Самая долгая ночь и пикник на острове Николло

Синьор да Риальто вернулся к себе под утро, почти на рассвете. Он проводил свою Филомену до какого-то грязного кабака, куда потащил ее пройдоха Фоско, заглянул в окошко, чтоб убедиться, что... На самом деле он не знал, в чем именно желал убедиться. В том, что его возлюбленную не подвергают насилию? Какая жалкая мысль. Он чудовище, подлец, пропащий человек. Поставить честь синьорины на кон карточной игры! Низко, позорно, невыносимо! Его провели как желторотого птенца.

«Ах, дон да Риальто, что это за рыжеволосая красавица? Возлюбленная? Невеста? Сделайте ставку, драгоценный дон, леди-удача обернется к вам. Тем более что больше играть вам не на что. Последняя ставка. На все!»

И он рискнул.

Филомена сидела на стуле с обнаженной по пояс грудью и, кажется, этим нисколько не тяготилась. С ней был синьор добропорядочного вида и худощавый Нягга вида вполне обычного для их извращенной породы. Это фиаско. Жизнь Эдуардо сегодня закончилась. Ему остается лишь поставить в ней точку. Самоубийство – грех, но лишь оно способно смыть бесчестие.

Юноша оторвался от окна и побрел по улице, размышляя, что именно напишет в прощальной записке. Раскаяние. Послание будет им полно, сожаление будет капать на пол со страниц.

Один из приятелей Фоско болтал что-то о том, что видел Филомену во дворце. Глупость! Синьорина Саламандер-Арденте – скромная тихая девушка, погруженная в учебу и мысли о будущем. Какой, к черту, дворец? Филомена, чистая непорочная Филомена, стала бы Эдуардо прекрасной супругой. Маура рассказывала бабушке о сонме положительных качеств, присущих ее подруге. О рассудительности, остром уме и смекалке, не лишней в торговле. Бабушка кандидатуру Филомены предварительно одобрил,

предупредив наследников, что окончательное решение примет после беседы с синьором Саламандер-Арденте. Командор да Риальто подумывал о расширении торговли за счет экспорта в отдаленные колонии аквадоратских саламандр, и укрепление союза с самым крупным заводчиком этих волшебных созданий не шло вразрез его планам.

Эдуардо собирался сделать официальное предложение. Ему, разумеется, казалось, что решение он принял самостоятельно и сестренка Маура тут абсолютно ни при чем. Он ждал выпускного бала «Нобиле-колледже-рагацце».

Теперь же все кончено. Позор можно смыть лишь кровью.

У уличного фонтана стоял продавец вина, и Эдуардо остановился подле лоточника. Хотелось пить, но не хлебать же воду наследнику да Риальто. После стаканчика-другого в жизнь вернулась часть красок.

Ничего смертельного не произошло. Да, он сглупил. Он попросит прощения. Филомена его простит. Ее грех и ее позор с маркизетом Фоско Эдуардо, в свою очередь, тоже простит, примет и прикроет браком подобно тому, как девушки прикрывают прыщики черными мушками, превращая уродство в красоту. Рассудительная синьорина Саламандер-Арденте поймет, скольких душевных усилий стоит Эдуардо жениться на девушке, уже разделившей с кем-то ложе, и проникнется к нему уважением и благодарностью.

Кислое дешевое пойло неплохо прочищало мозги.

В конце концов, о чем думала эта дурочка, отправляясь ночью в клоаку столицы? Что останется невредима? Ха! Три раза – «ха!» Да это просто счастье, что она добралась до улицы Алхимиков без приключений. Иначе осталась бы опозоренной кем-то неизвестным, и тогда уж Эдуардо виновным себя не счел бы. Так что Филомене повезло. При встрече он непременно попеняет ей за легкомыслие. Куда это годится? После свадьбы Филомене придется сидеть в доме да Риальто по крайней мере года полтора, пока Эдуардо хоть сколь-нибудь смягчится. Или отправиться на такое же время в монастырь.

Тут синьора да Риальто отвлекла шумная компания, направляющаяся в гавань. Знакомые поприветствовали его и пригласили разделить веселье. Эдуардо не отказался. Он пил, танцевал, флиртовал с пуггана почти до рассвета. А когда вернулся

домой и поднялся в спальню по деревянной скрипучей лестнице, там его ждали. Женщина в темном плаще с капюшоном и маске Вольто.

– Кто вы, незнакомка? – спросил да Риальто шаловливо.

– Это не важно, Эдуардино, – голос девицы был приятным и глубоким. – Можешь звать меня Купидоном, посланницей любви. Присаживайся, малыш, нам предстоит долгий разговор.

Не будь Эдуардо так чертовски пьян, он, наверное, попытался бы перевести их общение в горизонтальную позицию. Но он просто рухнул на постель, отчего голова закружилась, простонал «Убейрайся!» и уснул тревожным сном.

Проснувшись, когда колокол башни Четырех отбивал полдень, молодой человек обнаружил на подушке письмо:

«Будь сегодня на острове Николло, если надеешься вернуть Филомену».

И подпись:

«Купидон».

* * *

Его безмятежность изволил вредничать. Он не сказал мне ни слова, пока мы шли к дворцу, не одарил взглядом либо ухмылкой. А еще он прогнал Карлу! То есть, может быть, не навсегда, а на время. Может, не прогнал, а усрал с поручением, их беседу подслушать мне не удалось, но факт остается фактом. По ночной Аквадорате мы шествовали втроем. Я куталась в плащ Артуро и раздумывала, как исправить ситуацию.

– Видимо, встреча с нами разрушила планы на вечер? – спросила я синьора Копальди. – Куда вы направлялись?

– На улицу Алхимиков, – отвечал помощник любезно. – Там Чезаре хотел заказать некое снадобье.

Вот и причина. Из-за того, что его серенити отвлекся на карточную игру, запасы таинственного зелья остались непополненными, что, в свою очередь, могло стать причиной раздражения. Да, да, понятно, что чашу тишайшего недовольства наполняла лично я со своим побегом, обнаженной грудью и прочими нелепостями, но ведь есть еще та самая последняя капля.

С дружелюбной любезностью я попросила показать мне флакончик, понюхала его, растерла пальцами капельку вязкой жидкости, оставшейся на доньшке.

– Позвольте, синьор Копальди, но ваш алхимик – шарлатан. Это никакое не зелье, не экстракт и не смесь, а всего лишь «Пот саламандры», который без усилий добывается в любом камине, где обитает это волшебное создание.

Спина тишайшего Муэрто, который шел впереди, при этих словах напряглась, и я продолжила:

– Я могла бы меньше чем за час наполнить ваш флакон.

Эта моя фраза разбилась о молчание.

Мы воспользовались какой-то неприметной калиткой. Стражник, отворивший ее, при виде дожа низко поклонился.

– Каковы будут приказания? – спросил Артуро, когда, пройдя лестницами и коридорами, наша маленькая процессия остановилась в большой зале, мебель и убранство которой были исполнены в теплых янтарных оттенках.

– Можешь быть свободен, – махнул дож рукой и сел в кресло у камина. – Пузырек оставь.

Синьор Копальди удалился, прикрыв за собой дверь залы. Я переминалась, не решаясь присесть. Чезаре крутил в пальцах флакон и смотрел перед собой.

– Простите, – начала я осторожно. – И спасибо.

Дожд молчал.

– Простите за побег, благодарю за спасение.

Захотелось по привычке опуститься на колени и склонить голову, но нынче мне приходилось оправдываться вовсе не перед директрисой.

– Мне жаль, что я разрушила ваши планы на вечер. Обещаю, что к утру у вас будет достаточно «Пота саламандры».

Дожд молчал.

– Я собиралась вернуться, правда. Мне всего лишь требовалось переговорить коротенько с синьором да... Простите. С синьором, имени которого нельзя произносить. И, если бы не досадная случайность с картами... Маркизет – тот еще шулер, никто не мог предположить, что игра пойдет на меня и... Не вините Эду... То есть не вините синьора, который...

Я вдруг поняла, что плачу. Мне было стыдно и тревожно. Грубая ткань плаща неприятно царапала грудь, когда я шевелила руками. Дождь молчал. Стыд и тревога сгущались, пока не стали нестерпимыми. Что еще говорить, я не знала, поэтому приблизилась к камину. Чикко сбежала по плечу и нырнула в языки пламени, приветствуя дворцовую оранжевую саламандру с алым гребешком на голове. Кажется, это был самец, по крайней мере, его интерес к малышке-мадженте был явно мужским. Хорошо. Самцы «потеют» больше самок. Вооружившись кованой кочергой, я отодвинула полено и потянулась голой рукой к слюдяной бусинке, блестящей на камне.

Меня схватили за плечи и оттащили прочь от огня.

– Что ты творишь, Филомена?

Он говорил со мной! Значит, диалог возможен. Я всхлипнула и вытерла слезы ладонью.

– Накажите меня, ваша серенити, и дело с концом. Я заслужила кару, правда. Хотите двадцать штрафных поцелуев или тридцать?

Глаза цвета спокойного моря выражали удивленное отвращение.

– Ты воображаешь, что после всего произошедшего у меня осталась хоть толика интереса к твоим поцелуям?

– Нет? – переспросила я растерянно. – Какое счастье. То есть я хотела сказать, какое горе.

– Да я не прикоснусь к тебе даже в перчатках!

Вообразить, как тишайший Муэрто прилаживает пару кожаных перчаток к своим устам, получилось с трудом. Но когда удалось, картина меня позабавила.

– Ты смеешься?

– Это нервное, – опомнилась я и изобразила безумное хихиканье. – Видите, это тик. Может, позорный столб? Или эта ужасная клетка на башне? Я вполне пострадаю, сидя в ней без воды и пищи.

– Надеешься, что я выберу столб и ты прошествуешь к нему обнаженной, как велит закон? Любишь раздеваться на публике?

– А почему вы отвечаете вопросом на вопрос? Или воображаете, что мое тело имеет какие-нибудь изъяны и мне стыдно показать его людям?

– Ты не оставляешь места воображению, обнажаясь при каждом удобном случае!

– А что зазорного в наготe?

– Это непристойно.

Я фыркнула. Чезаре жестом фокусника сорвал с меня плащ. Поборов желание прикрыть грудь руками, я распрямилась:

– В чем же непристойность? Или...

Мысль о кармине, преследующую меня уже несколько часов, озвучивать не следовало.

– Маркизет Фоско желал меня унижить, хотел сломить мою волю. Ему это не удалось. Потому что человеческое тело прекрасно и им нельзя оскорбить!

– Мое унижение ничего не стоит? Догаресса Аквадораты, моя супруга, как какая-нибудь путтана, раздетая...

Тишайшему Муэрто, кажется, тоже приходилось в чем-то сдерживаться. Он раздраженно отвернулся и вернулся в кресло.

– В древности жена эрла Марсии леди Годива проехала обнаженной по всему городу, чтоб ее супруг снизил налоги честных купцов. – Впервые мне пригодились знания истории, и я этим гордилась. – Кажется, эрл не оскорбился.

– Налоги! Это гораздо серьезнее интрижки с каким-то молокососом.

– Не уверена.

– В чем? В интрижке?

– В том, что упомянутый вами синьор заслуживает этого эпитета. Он старше вас на несколько лет. Вам же скоро тридцать? Синьорина Раффаэле, с которой интригуете вы, упоминала именно этот возраст.

Прошествовав к свободному креслу, я уселась и сложила руки на коленях.

– Продолжай.

– Интрижка за интрижку, дражайший супруг. Мое свидание с Эдуардо, к прискорбию, недолгое, против вашей страстной дружбы с синьориной Паолой. Один – один.

– Я как-то упустил момент, когда догаресса из обвиняемой стороны превратилась в обвинителя.

– Не страшно, наверстаете, – благостно кивнула я. – Так о чем то бишь речь?

– О Паоле Раффаэле, – подсказал Чезаре.

– Давайте я устрою вам свидание, чтоб загладить вину? Завтра «Нобиле-колледже-рагацце» вывезут на пикник, и тишайший Муэрто вполне сможет присоединиться к нам на острове Николло.

– Чудесная мысль, – согласился супруг. – Раз на завтра уроки отменены, вы останетесь во дворце.

Я замахала руками:

– Нет, нет, Чезаре, так не получится. Ну сами подумайте, если догаресса будет в городе, какой повод у дожа плыть на Николло? А так все решат, что молодожены пользуются случаем побыть вместе. Разве не мило?

– Великолепно. И вы изобретете способ оставить меня с синьориной Паолой наедине?

– О, – улыбнулась я, – Голубка справится без нашей помощи. От меня потребуется лишь не мешать. Ну же, Чезаре, соглашайтесь.

– Кто еще из ваших поклонников приглашен? Азартный, но добродетельный Эдуардо? Шепелявый Лукрецио?

– Только вы, тишайший. Представьте: вы в золотой парче и двадцать восторженных девиц.

Его серенити пружинно встал и вручил мне пустой флакончик.

– Представлю в постели, призывая это чудное видение в свой сон. Вы же, дражайшая супруга, поспешите собрать «Пот саламандры» и перед тем, как присоединиться ко мне на кровати, не забудьте посетить ванную комнату.

Что он имел в виду? Какая еще ванная? Зачем ему в спальне чистая женщина? Он ведь явственно дал мне понять, что после сегодняшней эскапады ко мне не прикоснется? Но, когда я брала из его рук пузырек, пальцы тишайшего на мгновение задержались в моей ладони. Я явственно это ощутила, потому что от прикосновения между нами как будто проскочила искорка, убежавшая по моим венам к затылку. Зачем ванная?

Тревожные размышления не мешали мне споро разгребать золу и, надев перчатки, обнаруженные за каминным выступом, подбирать с обнаженного дна липкие шарики «Пота саламандры». Чикко, наигравшись с новым приятелем, вернулась ко мне и теперь сонно пыхла у уха.

Флакончик наполнился. Я вернула перчатки на место и, зевая, побрела к себе. Дверь, за которой часом ранее скрылся Чезаре, вывела

меня в знакомый коридор. Слуги уже спали, гвардейцы ночной стражи несли службу за пределами крыла. В спальню идти не хотелось. Я поглядывала по сторонам, размышляя, не воспользоваться ли какими-нибудь пустующими покоями, и как-то незаметно очутилась перед задернутым балдахинном, за которым уже видел сны тишайший супруг. Он предусмотрительно оставил мне зажженный ночник.

Я посмотрела на свои руки в разводах пепла и копоти, вспомнила, как вытирала ими слезы и ужаснулась. Ванная! Мне нужно умыться и сменить испорченное платье. Потому что, как бы я ни бравировала обнаженной грудью, лечь в таком виде в постель не собиралась.

Ночник, исполненный в виде изящной башенки с изогнутой крышей, понравился Чикко. Она юркнула на столик, оббежала лампу, примериваясь, и запрыгнула наверх, обернувшись хвостиком вокруг пылающего фитилька. А я поставила рядом с ночником флакон и пошла в ванную. Меня ждала горячая вода и ночная сорочка на плечиках. Еще меня там ждало зеркало, но оно меня не обрадовало. Потому что чумазая девица, отраженная в нем, выглядела прескверно.

Истошно зевая, я сбросила платье, опустилась в воду, подхватила с полочки волосяную щетку, губку для тела и занялась собой, опасаясь заснуть прямо здесь.

Дождь принял мои извинения и согласился на сделку. Видимо, любовь с синьориной Раффаэле – вовсе не плод ее воображения. Наверное, равнодушие со стороны Чезаре во время подсмотренного свидания мне почудилось. Я не столь поднатерела в делах любовных, чтоб разбираться в них доподлинно. Может, у Чезаре такая манера обращаться с девицами, отстраненно-задумчивая, а под этой маской клокочет вулкан страстей. А он клокочет. Потому что искорки, долетающие до меня, вполне осязаемы. Что ж, пожелаю счастья влюбленным и займусь своими делами.

Эдуардо. Любовь моя, жизнь моя? А ведь я нешуточно обижена. Даже оскорблена. Мне не хочется слушать его оправдания. Почему? Неужели мои чувства столь поверхностны, что развеются при первом же серьезном испытании? Это ошибка, Филомена. Эдуардо заманили в ловушку, загнали в тупик, из которого он не нашел другого выхода. Поговори с ним, не копи обиду.

Не хочу.

Почему же? Неужели ты, глупенькая островитянка, поддалась очарованию стронцо Чезаре? Тебя впечатлило, как нагло и весело он обвел вокруг пальца противного маркизета? Фоско – шулер, значит, и Чезаре шулер. Прохвост провел прохвоста! Ну просто битва гигантов. Будь Муэрто нормальным дожем, он немедленно позвал бы стражу и нападавших бросили бы в темницу! Вот как поступил бы благородный синьор. Да? И что бы ты, дражайшая Филомена, рассказала на суде? Все. Потому что тебя привели бы к присяге. И тебе пришлось бы лепетать о свидании, которое не заладилось, о том, что сделал Эдуардо. И как бы благодарна тебе после этого была Маура? А командор да Риальто, наверное, прыгал бы от счастья?

Дождь Муэрто все правильно сделал. Ты набедокурила, а он все исправил. Отыграл тебя у владельца, как лошадь, как корову, как гнездо каминных саламандр.

Стронцо Чезаре! Ладно, никто не обвинит синьорину Саламандер-Арденте в неблагодарности. Он получит свою Голубку. Синьорина Раффаэле, может быть, не столь непорочна, как пытается показать, но абсолютно точно не будет обнажать грудь и заставляя тишайшего играть в карты на свою лживую персону. Знаешь, Филомена, как бы поступила Паола, окажись она на твоём месте? А никак! Она бы на нём не оказалась.

Раздраженно фыркнув, я с такой силой принялась растираться мочалкой, что кожа горела, как от ожога. Глупая, глупая саламандра. Ты опозорилась. Даже любвеобильный Чезаре теперь не захочет тебя, даже он.

Погодите, а тогда отчего этот оскорбленный синьор велел мне разделить с ним постель? Мало ли во дворце свободных комнат? А потому, дражайшая догаресса, что, узрев хозяйку поутру в чужой спальне, слуги примутся болтать. А тишайший не любит сплетен.

Тяжко вздыхая, я ополоснулась и, выбравшись из ванны, натянула ночную сорочку. Вполне вероятно, что супруг мой, во избежание неприятных ему соприкосновений, положил в постель один из рыцарских мечей, что украшают стены коридора. Или велел остаться рыженькой Ангеле? Ох, только бы девушке не попало за обман.

Пробежав босиком через спальню, я раздернула полог. Меча там не было, постель вообще пустовала. Странно. Я взяла ночник, чтоб рассмотреть смятые простыни. Чикко зевнула и плотнее обняла

фитилек. На кровати явно спали, то есть лежали, вмятина на моей подушке, соседняя чуть сдвинута. Я наклонилась пониже. На белом шелке обнаружился женский волос, не рыжий, а насыщенно-синий. Кракен меня раздери!

Рука задрожала, и крошка-мадженте, не удержавшись, скатилась с ночника.

– Чезаре похитили, – негромко сообщила я. – Судя по тому, что по дворцу не топчут сапоги ночных стражей, похищение прошло удачно.

Чикко подпрыгнула, извиваясь в странном танце.

– Поднять тревогу? – размышляла я вслух. – Нет, преступник может запаниковать и причинить дожу вред. Что делать? Я даже не знаю, куда именно его повели. Будь у меня вампирский нос сиятельного Мадичи, можно было бы взять след. Призвать князя? Боюсь, его визит вызовет еще больший переполох. Ладно, у кого еще, кроме вампиров, хороший нюх? У акул? Они преследуют жертву многие мили на запах капельки крови.

Саламандра запрыгнула мне на руку и стала бить хвостом, как приветливая собачонка.

– Что, милая?

Хвостик указал на дверь.

– Ты хочешь, чтоб я вышла?

Хвостик хлестнул мою ладонь и вернулся в прежнее положение. В одну руку я взяла ночник, другую, с мадженте, вытянула перед собой и вышла из спальни. Направо, коридор, еще один, еще. Мы уткнулись в глухую стену. Тайный ход. Чикко юркнула вниз, взбежала по резной колонне и замерла у золоченого завитка. Нажать? Да. Часть стены отъехала в сторону, открывая спускающиеся ступени.

Ночник, не рассчитанный на дворцовые сквозняки, потух. Я оставила его на полу в коридоре. Мадженте мягко светилась, дорогу я разбирала. Босые ноги шлепали по камню, саламандра пыхла, хвостик ее указывал вперед и вниз. О том, что буду делать, когда найду дожа, я не думала. По обстоятельствам. Синие волосы – явная улика. Чезаре в плену кукол. Носатых деревянных болванчиков я сожгу, фарфоровую красотку пусть нейтрализует Чезаре. Ну, разумеется, если нимфа его еще не убила. Если убила, я надену траур месяца на два. Черный мне к лицу и все такое.

Наверное, меня трясло от холода, а вовсе не от ужаса. То есть мне хотелось, чтоб это было именно так. Почему я не позвала на помощь? Почему?!

Мы проходили мимо одинаковых дубовых дверей с запертыми окошками на них, мимо пустых камер, отделенных от коридора густыми решетками, мимо полукруглых углублений, в которых стояли жаровни и лежали всяческие пыточные приспособления. Это явно была тюрьма.

Хвостик Чикко изогнулся, указывая на приоткрытую дверь, и саламандра, исполнив миссию, вернулась к моей мочке. Входить я не торопилась, потянула за кованую ручку окошка, приоткрыв его.

– Какая чушь, – донеслось до меня. – Во-первых, тишайший, я бездетен, а во-вторых, не ем насекомых.

Голос принадлежал кукольнику, а слова звучали несколько невнятно, словно маэстро говорил с набитым ртом.

– Папенька Джузеппе!

В женском контральто сквозил ужас.

– Видите, девушка настаивает.

В камере трое: кукольник, его синеволосый гомункул и тишайший Муэрто. Не факт, деревянные куклы говорить не могли и их присутствие я смогла бы определить лишь по топоту. Кстати, он немедленно раздался. Этот гадкий козлиный перестук дерева о камень. Две группы болванчиков двигались ко мне по коридору с обеих сторон, отсекая возможность побега.

Быстро толкнув дверь, я втиснулась в камеру. Разумеется, внутренних запоров в тюрьме не полагалось, поэтому пробормотав что-то невнятное, я бросилась к супругу, сидящему на нарах и удивленно на меня воззрившемуся, схватила его за руку и присела рядом, будто на троне.

– Нынче у меня день визитов, – хихикнул кукольник, сидящий на противоположных нарах, и, резко хлопнув ладонью по доске, потащил в рот что-то насекомоподобное.

«Таракана!» – присмотревшись, решила я, больше решив не присматриваться.

Панцирь хрустел, маэстро продолжал:

– Представьте меня своей даме, тишайший.

Кукла, небрежно одетая в мою простыню (белье я узнала по вензелю), сидела у ног кукольника, скрестив фарфоровые ноги, и на меня не смотрела.

– Разве вы не знакомы с догарессой, маэстро Дуриарти? – переспросил Чезаре, рассеянно крутя кольцо на моем пальце. – Ведь, насколько мне известно, именно вас мы должны благодарить за ее чудесное появление.

– Догарессу? – Папенька Джузеппе поклонился и вытер губы ладонью. – Приветствую вас, сенсериссима. Я битый час пытаюсь объяснить вашему супругу, что ничего не помню.

– Он не помнит. – Я повернулась к Чезаре.

– Я не глухой!

– Его серенити не глухой. – Я отвернулась. – Значит, вы, милейший синьор Дуриарти, забыли не только о нашем с вами недолгом, но насыщенном событиями знакомстве, но и об этой синеволосой красавице, которую сотворили своим мастерством?

– Папенька, – кивнула нимфа. – Джузеппе.

– Это не в силах человеческих. – Кукольник опасливо отодвинулся от гомункула.

В камеру один за другим входили деревянные болваны.

– Это еще кто?

– Тоже ваши дети, синьор Дуриарти, – пояснила я, сжимая ладонь Чезаре.

Деревяшки все прибывали. Первые из вошедших уже почти сидели у папаши на коленях, кукольник охал, махал руками.

– Зачем ты здесь? – раздраженно шепнул супруг мне на ухо.

– Увидела на подушке синий волос и бросилась вас спасать.

– Гвардейцы?

– Я никому ничего не сказала.

– Молодец. Блю, кажется, безопасна.

– Блю?

Чезаре повел глазами в сторону:

– Синьорина Дуриарти предпочитает отзываться на это имя.

– Ты его придумал?

– Конечно, она же может говорить лишь «папенька Джузеппе».

Дражайшая супруга изволит ревновать?

Не переставая бормотать, дож встал и потянул меня за руку:

– Пошли, воин в ночнушке, сделаем вид, что нас здесь и не было.

– А как же гомункулы и маэстро?

– Пусть второй разбирается с первыми. – Чезаре обнял меня за плечи, увлекая по коридору. – Это дела семейные, к нам касательства не имеют.

– И что, по-твоему, произойдет дальше?

– Утром узнаем. Если произойдет побег, накажем охрану. Каково! Меня, дожа Аквадораты, протащили без помех через всю тюрьму, и ни один из слугителей даже ухом не повел.

– А если будет драка?

– Найму в охрану победителей. Филомена, опомнись! Не дело приличной синьоры бродить в одной сорочке в темноте казематов.

Эти слова прозвучали ровно в момент, когда я поднималась по ступеням, и супруг придал мне скорости, шлепнув пониже спины.

– Но, – я лягнула тишайшего в ответ, – ты же что-то с этим Дуриарти планировал.

– Планы имеют свойство рушиться от всяких мелочей, – увернулся супруг. – Играем с тем, что роздано. Память кукольника девственно чиста, он уверен, что несколько дней провалялся пьяным в какой-то подворотне, уверен, что создать столь совершенных кукол не мог. Значит, его мастерство увеличилось под влиянием вампирского морока экселленсе.

Выбравшись из тайного хода, Чезаре потянул завиток лепнины, возвращая стену на место.

– Представь мое удивление, когда в постели обнаружилась фарфоровая красotka, повторяющая, как заведенная, «Папенька Джузеппе!».

– Голая?

– Ты узнала простыню? – подмигнул супруг. – Ну да, и сообщу без уверток: фарфоровое тело Блю исполнено столь искусно, что при свете ночника ее вполне можно было принять за настоящую женщину.

– Избавьте меня от подробностей. Я думала, вам угрожает опасность. Думала, что гомункул пробралась во дворец, чтоб завершить задание.

– Убийство? Подозреваю, что последовательность задания – брачная ночь и убийство. Я устоял, значит, убивать меня рано.

– А если бы не угроза, не устоял бы?

– Ревнивая женушка... – Дождь растянулся на постели, так как за разговором мы довольно быстро оказались в своих покоях. – Отважная Филомена. Когда ты вбежала в камеру, путаясь в подоле сорочки, я почти обрадовался.

Он называл меня «ревнивой» уже не в первый и даже не во второй раз, но только сейчас меня это обидело.

– Если начистоту, – я легла рядом с дождем поверх покрывала, – меня интересовало лишь ваше тело. Я опасалась, что, не предъявив я патрициям труп, мне не позволят надеть траур и все такое.

– Забавно, – зевнув, протянул Чезаре. – А до знакомства с экселленсе Дуриарти ел насекомых? Или это побочный эффект воздействия? Сколько вопросов... Гаденыш Лукрецио... подсунул подарочек...

– Вампиры велели кукольнику упаковать Блю и сжечь прочих кукол, та притворилась мертвой. И тогда Дуриарти засунул в ящик меня. Князь об этом не знал.

Не знаю, зачем я откровенничала, но дождь обрадовался:

– Это меняет дело, Филомена! То есть головоломка сошлась и получилась занятная картина.

– Какая?

Вопрос повис в тишине, разбавляемой ровным дыханием спящего Чезаре. Мне не спалось, и даже вызванное в памяти лицо Эдуардо не принесло покоя. Бедняжка Блю, она никого не просила вдохнуть в нее жизнь. Надеюсь, память вернется к кукольнику. Он должен нести бремя ответственности за свое детище. Как говорится, родителей не выбирают. Любопытно, чем сейчас занята кукольная шайка? Наверное, уже выбрались из дворца и пытаются уплыть из города. На что они будут жить? И где?

Мысли лениво и причудливо сменяли друг друга. Ответственность. У меня она тоже есть. Мой головоног. Завтра я попытаюсь с ней связаться. Если Чезаре будет на пикнике, это облегчит мою задачу. Синьорины слишком увлекутся сановным кавалером, чтоб заметить мое отсутствие. Карла и Маура прикроют. Карла. Какое задание ей поручил дождь? Она вернется ко мне на рассвете? А если нет? Ничего страшного, мне достаточно и одной помощницы. Донна да Риальто, моя толковая Панеттоне. Она так грустила, узнав, что Таккола скоро покинет Аквадорату...

Проснулась я от щекотки, Чикко водила хвостиком по щеке.

– Малышка, я забыла в коридоре твой ночник, – шепнула я нежно и едва сдержала возглас ужаса.

За ночь я умудрилась заползти под одеяло и обвиться конечностями вокруг супруга. Счастье, что он еще спал и маневров моих не заметил. Осторожно я распрямилась и села на кровати. Очень вовремя, потому что в двери постучали и донна да Риальто с горничными явились пожелать доброго утра дожу с догарессой.

– День будет добрым, – сообщил Чезаре, – так как начинается он с лицезрения таких хорошеньких синьорин.

Артуго увел господина одеваться в другие покои так стремительно, что я не успела переспросить супруга, ждать ли его на острове.

– Карла не возвращалась? – спросила я Мауру во время умывания.

– Нет! Я места себе не нахожу! Что случилось?

Рассказ получился сумбурным, потому что постоянно прерывался возгласами донны да Риальто, и от этой сумбурности я, видимо, не подобрала правильных слов, изложив все события ночи без купюр.

Маура расплакалась.

– Мы не можем найти Ангелу, – шепнула мне Инес, подавая полотенце. – Донна догаресса не знает, куда она могла подеваться?

Кракен меня раздери! Рыженькая служанка! Я оставила ее в своей постели, а когда в спальню вернулся дождь, под пологом уже лежала синеволосяя Блю!

Отбросив полотенце, я выбежала из ванной и принялась лихорадочно раздвигать стенные панели, маскирующие двери в смежные комнаты. Ангела обнаружилась в гардеробной. Ее связали, в рот воткнули кляп из свернутых чулок, а саму уложили в одежный сундук. К счастью, крышку не закрыли и горничная не задохнулась.

Охи и ахи наполнили комнату. Мы развязали Ангелу, потащили в ванную, заставили попить, я расцеловала тугие щечки девушки, не в силах сдержать чувств. Горничная ничего не поняла. Она спокойно спала, утомившись ожиданием дождя, и пленения практически не ощутила. Лежа в сундуке, попыталась освободиться, но быстро оставила попытки, испугавшись, что трепыхания сдвинут крышку, и стала ждать, пока ее освободят.

– Умница, – похвалила я. – Ты все сделала правильно.

Меня облачили в изумрудно-черное платье, подали маску.

– Маура, – позвала я. – Мы опоздаем в школу.

Фрейлина высморкалась, скрытая от меня пологом кровати.

– Не опоздаем, до отплытия час. Я распорядилась сервировать завтрак.

Надеюсь, сморкалась она не в занавесь.

– Чудесно, – я хлопнула в ладоши, – идем.

Носик Мауры распух и покраснел, глаза влажно блестели.

– Чего ревешь? – В коридоре я взяла ее под руку. – Из-за Карлы?

– Ты такая дурочка, Филомена, – непротокольно фыркнула подруга. – Мне стыдно за Эдуардо!

– Ты тут абсолютно ни при чем. Не ты играла в карты с шулерами и не ты делала ставки, которые не в силах обналечить. Если уж кому-то нужно стыдиться – ну, разумеется, кроме синьора да Риальто, – так это мне. Не сбеги я из дворца, презрев приличия...

– Ты не чувствуешь себя оскорбленной?

– Еще как! Но эти чувства на тебя никак не распространяются.

– Честное слово?

– Клянусь! – Я прижала к груди ладонь свободной руки. – Ты – моя любимая подруга, и ничто, совершенное твоей родней, не изменит этого факта.

– В свою очередь, – Маура зеркально повторила мой жест, – клянусь не сердиться на Карлу, что бы она ни сделала с моим непутевым братцем по приказу его серенити.

Вот зря она это мне сказала, из-за логичности мысли о задании дожа за завтраком мне кусок в горло не лез. Пышная сдоба, фрукты, мягкий сыр были одинаково безвкусны и падали в мой желудок, не принося удовольствия.

Карла убила Эдуардо? Покалечила? Опозорила? Чезаре столь мелочен, чтоб отправить на расправу хрупкую синьорину Маламоко? Я вспомнила противный хруст, когда каблучок хрупкой синьорины впечатывал в мостовую голову ночного грома, и меня замутило.

На выходе из столовой мне подали плащ, и я набросила на голову капюшон, скрывая свое встревоженное лицо. Полумаска заканчивалась у кончика носа, но губы... Они дрожали.

Четверо гвардейцев ждали нас на ступенях дворца, Карла – у гондолы. Она была в своем костюме Ньяга, и Инес, забежав вперед,

протянула ей маску Дамы:

– Синьор Копальди просил вас днем носить именно ее.

Когда донна Маламоко меняла личины, я успела рассмотреть ее бледное лицо и круги под глазами. Таккола провела бессонную ночь.

Она протянула Инес маску Ньяга и свернутый лист бумаги:

– Передай его серенити это письмо.

– Но тишайший Муэрто... – залепетала горничная.

– Он ждет моего отчета, – заверила ее Карла и кивнула нам. –

Отправляемся, рагацце.

– Где ты была? – спросила я, когда фрейлины заняли места подле меня на подушках, а гондола отчалила. – Наказывала Эдуардо?

На этих словах Маура всхлипнула.

– Что? – Таккола перегнулась, чтоб посмотреть на подругу. – Конечно, нет.

Я нашла в складках плаща ладошку Панеттоне и стиснула ее.

Карла, ничего не рассмотрев, так как Маура тоже была в маске, пожала плечами:

– Почти до рассвета я отиралась у палаццо Мадичи.

– Тебе велел Чезаре?

– Конечно, сама бы я предпочла провести ночь в кровати. Но, драгоценные синьорины, что я вам сейчас расскажу, вы ушам своим не поверите.

Князь Лукрецио, оказывается, вел активную ночную жизнь. Во дворце хозяйничают рабочие, в саду – армия садовников. Таккола наблюдала это с гондолы, спрятанной под нависшей стеной противоположного дома. Она слышала разговоры работников, узнала, что платят им вчетверо против обычного и что князь установил месячный срок на полный ремонт своего палаццо. Самого князя она тоже видела, он возникал в разных местах, приглядывая за действием. А почти на рассвете к причалу подошла городская гондола, у весла которой стоял самый нелепый гондольер из всех, кого донне Маламоко видеть приходилось. Более всего он походил на огромную марионетку.

– Маэстро Дуриарти тоже был в лодке? – переспросила я.

– Толстячок, которого синеволосяя девица называла папенькой?

Был. И упомянутая девица, и больше десятка деревянных гомункулов, которые, для экономии места, плыли, сложившись на палубе стопкой.

– И что же дальше произошло?

– На причал явился чудовищный князь, и они с толстячком чудовищно повздорили. Последний орал: «Экселленсе, это ваших рук дело!» Князь орал...

– Орал? Он это умеет?

– Оказалось, что да, и преотменно. Его вопли: «Никогда руки сиятельных Мадичи не пятнали себя ремеслом!» – разносились до самого Гранде-канале.

Мы с Маурой, представив все это в лицах, захихикали.

– И чем же дело кончилось?

– Все вместе скрылись в палаццо. Значит, маэстро кукольнику удалось убедить князя.

– Чезаре это понравится, – решила я. – Подарок за подарок. Лукрецио отправил ему меня, он в ответ – целый безумный кукольный театр.

– Чезаре? – Карла склонила голову к плечу. – Наша догаресса смягчилась к супругу? Может, отблагодарила его страстью за великолепную карточную игру?

– Да какая еще страсть? – Маура затряслась, видимо от плача, и я опять сжала ее пальцы в утешение. – Его безмятежность считает меня кем-то вроде падшей женщины, и девицы такого толка интереса его не вызывают. О, ты же не знаешь о продолжении вчерашней ночи.

И я в красках поведала подругам свои приключения в дворцовой тюрьме.

– Любезная Панеттоне, – Карла перегнулась через меня и потрепала Мауру по колену, – не кажется ли тебе, что самое время отказаться от притязаний на место догарессы? Супруги явно ладят, он спешит отыграть ее честь, она спускается в бездну, чтоб спасти его жизнь.

Ответом ей был девичий плач. Я стала опасаться, что от обилия слез маска Дамы размякнет и расползется.

– Давно рыдаем? – спросила меня Карла.

– С утра, как только услышала об Эдуардо.

– А изобрести какое-нибудь другое имя тебе в голову не пришло?

– Во-первых, не пришло, а во-вторых, любое другое имя? Синьор Икс проиграл Филомену в карты? Панеттоне немедленно бы поинтересовалась, какого... то есть по какому праву какой-то синьор Икс...

– Значит, у Эдуардо да Риальто это право есть?

– Гипотетически.

– То есть...

Мы препирались уже довольно громко, гвардеец у весла повернул к нам голову, прислушиваясь.

– Баста, рагацце, – велела командирша обычным своим голосом. – Ты, Карла, будь любезна, не накручивай Филомену. А ты, аквадоратская Львица, прежде чем простить Эдуардо, заставь его вдоволь помучиться.

– Простить? – воскликнула Карла. – Что у вас в головах, девчонки?

– Мысли о будущем, синьорина Маламоко, – ответила Маура рассудительно. – Мы в отличие от тебя, великой шпионки, простые женщины, нам всегда придется зависеть от наших мужчин.

– Зависеть от Эдуардо?

– Не только и не столько от него, – отрезала Панеттоне. – Войдя в нашу семью, Филомена окажется под защитой фамилии да Риальто. Думаешь, мой отец позволит, чтоб с головы его невестки упал хоть один волосок? Думаешь, он не сможет контролировать нездоровые порывы наследника? О, поверь, братцу придется ходить по струнке, опасаясь косога взгляда Филомены.

Не забывая одобрительно кивать, я думала, что такое будущее не нравится мне абсолютно. Мечтая о браке с Эдуардо, я мнила его скромным ученым и галантным кавалером, представляла, как мы с ним проводим вечера в библиотеке у горящего камина, как гуляем по дорожкам парка, скачем на лошадях по бескрайним просторам острова Риальто или, сбежав ото всех, плаваем в аквамариновых водах лагуны Изолла-ди-кристалло. Места карточным играм, контролю и жалобам семейному патриарху в этих мечтах не было.

В «Нобиле-колледже-рагацце» царила суэта. Сестра Аннунциата встретила нас на крыльце, переговорила с гвардейцами, рекрутировав солдат с лодкой под нужды школы, и приказала мне потесниться, чтоб расположить на палубе некий груз и парочку учениц.

– Недостаток организации, – бормотала Маура. – Если бы нас заранее предупредили...

Директриса услышала, обозвала синьорину да Риальто скаредой и прокричала в распахнутую дверь:

– Донна догаресса милостиво приглашает подруг в свою гондолу.

Выбор «подруг» был прекрасен с жирными мохнатыми кавычками у двух слов. Синьорина По, синьорина Сальваторе, математичка синьора Дундели и, вишенкой на торте, – Голубка Паола в своем монашеском облачении.

Ой! Ой-ой! Она же не знает, что ей предстоит свидание с Чезаре! Ни один кавалер не купится на это рубище. Синьорина Раффаэле вошла в мою гондолу со стоицизмом первых мучениц. Она морщилась, страдала, неодобрительно посматривала на золотое шитье подушек, а от гвардейца, протянувшего ей руку помощи, отшатнулась, будто от непристойности.

После этой пантомимы я решила, что пусть все идет как идет. Маркизета Сальваторе тоже выражала недовольство, ей, гадюке, убранство казалось излишне скромным. Лили По не знала, какую сторону принять, мотала головой, как хинский болванчик, то восторгаясь, то морщась, то шепча молитвы. И только синьора Дундели согнала с места подле меня Мауру, с комфортом уселась и вытащила из-под плаща бутылочку вина, чтоб скрасить время пути. Вот что значит математика! Никаких кривляний, лишь логика и расчет. Вино, кстати, оказалось вкусным. Мне как догарессе перепало несколько глотков.

Сплетничать в новой компании не представлялось возможным, беседа не клеилась, желудок мой наконец успокоился, и я вполголоса затянула рыбацкую песенку, под которую мы с братьями мерно работали веслами в тихих прибрежных водах острова Саламандер. Синьор Гаруди, гвардейский капитан, радостно на меня посмотрел, узнав мелодию, и поддержал глубоким баритоном. Мы пели про море и звезды и о том, что жизнь прекрасна, если она на море и под звездами. Это был дуэт, каждый новый куплет начинался чуть выше предыдущего, и вскоре песня превратилась в забавную игру, где мужской и женский голос состязались в чистоте звука. Наконец капитан сдался, отметив поражение поклоном:

– Великолепно, донна догаресса, вы можете дать фору всем аквадоратским певицам.

Смутившись, я стала отбивать ладонью ритм и напела первые такты залихватской баркаролы. И вскоре наше веселое пение разнеслось над водами канала.

Меня немного встревожил испытующий взгляд, которым наградила меня Голубка. В нем были чистейшая ненависть и удивление. Кажется, я только что легкомысленно открыла свои карты, припрятанные для экзамена по музыке. Ну ничего, скоро синьорине Паоле будет не до козней, тишайший Чезаре должен ее отвлечь. И, ощутив себя натуральной интриганкой, я повеселела.

Гвардейцы направили гондолу в обход островных причалов, так что до берега предстояло брести по мелководью. Синьору Дундели до суши понесли на руках, что вызвало возмущенное бормотание Мауры.

Я же воды не боялась. Спрыгнула за борт в числе первых и прошлепала к пляжу, придерживая подол. Солнце начинало припекать, и гвардейцы первым делом установили тент, забив прямо в песок дюжину деревянных колышков. Сестра Аннунциата погрузила к нам на гондолу также уйму всяческой утвари и даже вязанку дров, чтоб мы не тратили времени на поиск растопки. Капитан Гаруди организовал гвардейцев выкладывать очаг, предложив ученицам укрыться в теничке на подушках. Математичка, прикончившая свою бутылочку, с удовольствием на них растянулась. Мне стало скучно, и я предложила фрейлинам прогуляться в глубь острова.

Слово «в глубь» я выделила интонацией. И подружки с готовностью согласились. Маски и плащи мы оставили на пляже.

– Директриса выбрала для пикника отдаленное местечко, – заметила Маура, поднимаясь за мной по крутому склону. – Ты уже улавливаешь эманации?

– Не уверена, – ответила я. – Может, в голове шумит от выпитого вина.

Карла не говорила ничего, кажется, еще не остыла от утренней ссоры.

С высоты берега уже были видны две приближающиеся к острову школьные гондолы, и мы приветственно помахали им руками.

– Поторопись, – велела командирша. – Минут через двадцать нужно вернуться.

– Сейчас мы определим направление, – кивнула я. – После полудня, когда все будут расслаблены от вкусной еды и свежего воздуха, мы вернемся.

– Ни к чему проговаривать и без того понятное. Молчи и сосредоточься.

Мы как раз огибали скальные пласты, выдающиеся над водой подобно носу корабля.

– Здесь.

Донна да Риальто опасливо выглянула за уступ:

– Ты разобьешься.

– Нет, я прыгала и с большей высоты.

– Прыгнуть – это полдела, – проговорила Карла. – Как ты заберешься обратно по отвесному камню?

Это и правда было проблемой.

– Я вижу премиленькую лагуну внизу. – Маура достала из сумочки подзорную трубку и смотрела в нее с видом отважного корсара. – Там полоска пляжа и пологое дно.

– Значит, мне придется плыть от лагуны к подножию, здесь я ощущаю зов... – начала я.

– Сделаем иначе, – перебила меня Карла. – Не будем терять время. Прыгнешь отсюда и найдешь своего кракена, Панеттоне с твоей одеждой спустится берегом и будет ждать тебя внизу.

– А ты?

– Я останусь с прочими ученицами, чтоб повести погоню по ложному следу, если она вдруг возникнет. Давайте найдем безопасный спуск для Мауры.

– Какая погоня? – с нотками высокомерия спросила я. – Рагацце, я подготовила «Нобиле-колледже» такое развлечение, что о моем существовании все забудут.

Тропинка, петляющая меж кустов дрока, была признана нами безопасной.

– Тишайший Муэрто? – переспросила донна да Риальто, выслушав поток моего хвастовства. – Ты пригласила его на пикник?

– Мне нужно выбить из гонки Паолу.

– И ты готова поменяться? Мужа на титул первой ученицы?

– Именно. Правда выгодный обмен? Готова поспорить...

– Ставлю свой кинжал против поцелуя, что Чезаре сюда сегодня не приплывет.

Это проговорила Карла. Я приподняла брови:

– Давай уточним, любезная Галка. Не то чтобы я не была уверена в выигрыше, но на кой тебе со мной целоваться?

– Мне? – Донна Маламоко рассмеялась. – О нет, аквадоратская Львица, если ты проиграешь, ты поцелуешь того синьора, на которого я тебе укажу, и тогда, когда мне будет угодно, без проволочек, выражения неудовольствия, а со страстью.

– Два кинжала, они ведь у тебя парные.

– Хорошо. Пари?

– Пари! – Я пожала протянутую руку и кивнула Мауре. – Разбей!

Дурочка Таккола, она воображает, что знает своего кузена. Как же, не приплывет он. Примчится на веслах страсти как миленький, другого шанса повидаться с его помокомской розой у него не будет. Вот нарочно задержусь на пляже, чтобы посмотреть, как с монашки спадет притворная скромность и какими горящими глазами стронцо Чезаре будет обшаривать ее лицо. Хотя нет, лучший момент будет как раз во время прибытия тишайшего. Интересно, он воспользуется «Бучинторо»? Это было бы просто великолепно! Золотая галера выгладит столь внушительно, что даже маркизете Сальваторе придется прикусить язычок. Ах, еще бы парчовое одеяние и рогатая шапка...

Обратную дорогу мы болтали без умолку. Карла остыла, я радовалась ее дружелюбию, а Маура и без того обладала самым легким и веселым характером из нас троих. Ей, чтоб быть счастливой, многого не требовалось.

В наше отсутствие на пляже установили еще один тент, под которым расстелили скатерть. Командовала теперь сестра Аннунциата, и капитан подчинялся ей беспрекословно. В каменном ложе очага пылал огонь, на вертеле над ним жарилась рыба, в котелке тушились овощи. Кто-то из девушек предложил играть в мяч, и скоро стайка босоногих синьорин носилась по песку, хохоча и перекрикиваясь.

Директриса взглянула на меня со значением, я кивнула в ответ и устремила свой взор на море. Супруг изволил задерживаться.

Мы откушали, гвардейцев тоже пригласили к столу, но тем было не до еды. К обилию девичьего интереса служба во дворце их явно не подготовила. Страстные взгляды, хихиканья, как будто случайно приоткрытая щиколотка – все шло в ход, все, кроме прямого разговора. Уж за этим сестра Аннунциата следила как коршун, прочее же было не в ее власти.

После обеда директриса командовала развлекаться, и из плетеного сундука появились музыкальные инструменты.

– Донна догаресса, – протянула Раффаэле, – не желаете спеть под мой аккомпанемент?

– Мои скромные потуги оскорбят твой талант, милая, – ележно ответила я, дернув Мауру, чтоб она передала мне подзорную трубку.

Дождь задерживался. Паола исполнила какую-то заунывную виольную композицию, затем мы прослушали виольный квартет, синьора Грацио экспрессивно подергала струны тосканской гитары, потом инструментом завладел капитан Гаруди.

Какой музыкально одаренный синьор! Если с князем дело не выгорит, попрошусь в ученицы к нему.

Линзы подзорной трубки послушно увеличивали для меня пустынный морской пейзаж. Где Чезаре? Скоро полдень. Ученицы уже начинали убирать скатерть, чтоб разложить под тентами подушки для сиесты. Вот! У самой границы видимости показалась одинокая гондола.

Я сложила трубку и протянула ее Мауре.

– Донна догаресса желает прогуляться? – спросила она.

– Пожалуй. – Тихонько зевнув, я подмигнула Карле. – Небольшой моцион после сытной трапезы.

Таккола кивнула, показывая, что намек поняла, и посмотрела на море с нескрываемым удивлением.

Страдай, Галка, я нарочно буду носить твои кинжалы у пояса.

Скрывшись за кустами, мы с Маурой сменили размеренный прогулочный шаг на бодрую рысь и взобрались на скалу подобно горным козам, то есть быстро и шумно.

– Как же я тебе завидую, – сообщила да Риальто, помогая мне раздеться.

– Чему?

– Тому, что ты умеешь плавать.

– А ты разве не умеешь? – рассеянно спросила я, потому что в висках стучал зов головонога.

– Аквадоратских женщин этому не обучают. – Маура свернула мою одежду в тюк, приласкала Чикко, сидящую теперь на ее мочке. – Вперед?

Зов исчез, я растерянно замерла.

– Подожди, она закрылась.

– Пошли ей ответный сигнал.

– Это так не работает! – Я обняла себя за голые плечи. – Придется ждать. Что ты говорила о плавании?

– То, что утону в любой луже при первой возможности. – Маура выдернула из тюка мою нижнюю сорочку и набросила на меня. – В детстве, помнится, я почти утонула...

Я кивнула, побуждая ее продолжать. Зов не возобновлялся, и от напряжения следовало чем-то отвлечься.

– Мне было лет пять или шесть, мы с Эдуардо сопровождали батюшку в путешествии. Остров назывался Мурано... – Панеттоне быстро вдохнула, будто воспоминания были ей неприятны. – Мальчишки... Там было довольно много детей, с нами путешествовал дядюшка с семейством, дети местных рыбаков, Эдуардо. Мы играли на пристани и я, оступившись...

Маура зажмурилась и махнула рукой:

– Ах, эти гадкие мальчишки бросили меня в воду из шалости, жестокой гадкой шалости. В лагуну входило торговое судно, поднялись волны, меня затащило под доски и унесло течением довольно далеко. Платье намокло, тащило меня на дно, я наглоталась воды и уже прощалась с жизнью...

Подруга всхлипнула.

– Кто тебя спас?

– Местный мальчишка. Не из тех, что потешались надо мной на пристани, а другой.

– Как его звали?

– Я не успела спросить. Все произошло слишком быстро. Представь, перед глазами чернота, грудь горит, вдруг – резкое нажатие и в рот мне просовываются чьи-то пальцы. А потом меня начинают надувать, я извергаю наружу все содержимое желудка...

– Какой кошмар!

– Именно. И мой спаситель смотрит на это черными, как ночь, глазами и говорит...

Щечки Мауры покраснелись. Ей было пять, а она уже была кокетка.

– Говорит: «Ты похожа на панеттоне, милая».

Я улыбнулась. Так вот кто придумал моей подруге прозвище.

– Изысканный комплимент. Думаю, для рыбацкого сына сдоба была несчастным лакомством.

– Я предложила ему денег, сказала, что, если он отведет меня к отцу, командор да Риальто его озолотит. А этот наглец подтянул свои холщовые штаны и ответил, что в награду хочет кольцо.

– И ты наградила?

– Да. У меня на пальцах их было с десятков, я сдернула первое попавшееся.

– А имя не спросила?

– Потому что к нам по берегу уже бежали слуги. Мальчишка послал мне воздушный поцелуй и прыгнул в воду, скрывшись в волнах, как какой-то дельфин. Я после умоляла батюшку научить меня плавать, но он не позволил.

– Я научу.

– Правда? Как, когда?

– После окончания школы мы уговорим командора да Риальто отпустить тебя погостить у моих родителей. Там нам не помешают.

– Филомена!

– Тсс, я опять слышу зов. До встречи.

Сбросив сорочку, я шагнула на край скалы и, оттолкнувшись, прыгнула. Наслаждение! Как же хорошо! Обнаженную кожу ласкает соленая влага, мышцы рук и ног слаженно работают, толкая тело вперед и вверх. Вынырнув, я заполнила воздухом легкие и поплыла на зов, не отвлекаясь больше ни на что.

Зов все усиливался, и, когда стал ощущаться болезненно, передо мной на поверхность всплыла глянцевая туша головонога.

– Ну здравствуй, девочка.

Она еще не родила, но это предстояло ей буквально в ближайшие дни. Хорошо. Еда? Она питалась, обгладывая найденную в донной расселине тушу какого-то животного. Но детям этого не хватит. Я смогу помочь. Плохой климат? Слишком жарко?

Общаться мыслеформами было непросто. Я представила себе лед, снег, серые волны северных морей. Туда? Да, ей очень туда хотелось.

Корабль? Она знала, как их отличить. Форма носовой фигуры? Да, если я покажу ей изображение, она сможет его узнать. Да, новорожденные пойдут за ней, влекомые инстинктом.

«Через четыре дня, – подумала я, – четыре восхода и четыре заката встретимся здесь же. Нет, тебе не следует плыть в город».

Головоног поняла. Я погладила ее гладкую кожу между глаз.

– Хорошая девочка.

Она нырнула, уходя под воду. Я немножко отдохнула, лежа на спине и чуть шевеля конечностями. Возвращаться не хотелось. Впервые за год мне удалось поплавать. Хотелось растянуть этот праздник подольше.

Мусорщики. Маура подготовила мне экстракт по их делам. Прочту его сегодня же. Совет в полдень через три дня, по слухам, он немногочислен, четверо престарелых патрициев. Старичков я очарую. Нет, вовсе не женским обаянием, я предложу им прибыль. Очистка города не будет стоить мне ни базанта, деньги, отпущенные на уборку, я направлю на взятки. Карла говорит, что мусорная служба Аквадораты довольно многочисленна, и структура ее не менялась с последней вспышки чумы. Это почти военная организация, подчиняющаяся напрямую Совету. Дело должно выгореть. С этим пока все. Корабль. Найти его надо до следующей встречи с головоногим. В Торговый Совет соваться не стоит, там обитают такие акулы, которым фальшивая догаресса на один зуб. А мне не требуется даже разрешения. Всего лишь название судна, возможность тщательно его рассмотреть, дата отплытия и приблизительный маршрут. Мне нужен судовой архив. То есть проникнуть в забитое бумагами портовое помещение и скопировать информацию. Это задание для синьорины Такколы.

Мысленно отложив и это дело, я перевернулась, нырнув так глубоко, что легкие болезненно сжались, а вынырнув на поверхность, поплыла на встречу с Маурой. Судя по положению солнца, после полудня прошло около двух часов. Далее медлить не стоило.

– Морская львица! – приветливо махала рукой Панеттоне, пока я шлепала к ней по мелководью. – Нимфа, русалка!

Я натянула на мокрое тело сорочку, чулки, фрейлина застегнула на спине платье.

– Ты поговорила с кракеном?

– С головоногим, потому что...

– ...кракены вымерли сто лет назад! – хихикнула Маура. – Так что?

– Да, она будет ждать меня через четыре дня после заседания Мусорного Совета.

– Мы прогуляем школу?

– Я – абсолютно точно. Ума не приложу, как мне удастся ускользнуть из-под наблюдения.

– У меня есть миленькая гондола, припрятанная неподалеку от «Нобиле-колледже-рагацце».

– Прекрасно. Я воспользуюсь ею. Совет начинается в полдень, предположим, к трем мы отправимся на занятия...

План побега сложился легко. Подруга кивала, с ним соглашаясь.

По дороге к месту пикника мы болтали на темы отвлеченные. Например, где именно я буду носить выигранные у Такколы кинжалы и как именно можно заставить страдать повинного Эдуардо, прежде чем простить.

Маура вдруг остановилась:

– Чикко! Филомена, мы забыли малышку-мадженте!

– Где?

– Я отпустила ее погулять на песке. Ступай вперед, я разыщу саламандру и нагоню тебя бегом.

Когда я подходила к скальному уступу, с которого и начинала свой заплыв, на тропинке показалась парочка, идущая навстречу. Женщина была Карлой, а мужчину я сперва не узнала, тем более что солнце светило ему в спину. Довольно высокий, но пониже ожидаемого супруга и слишком для Чезаре широкоплечий. И лишь когда лучи позолотили его шевелюру, я выдохнула:

– Эдуардо?

Синьор да Риальто как раз говорил донне Маламоко нечто гневное. Молодые люди были столь увлечены беседой, что пока не обратили на меня внимания. Эдуардо замахнулся, будто желая ударить мою подругу, Карла шагнула в сторону, развернула корпус и толкнула да Риальто в бок. Он рухнул с обрыва.

Я подбежала к Карле.

– Что ты наделала?

– Остудила чью-то горячность. Ублюдок никогда не получал сдачи от слабого пола.

Заглянув вниз, головы Эдуардо над поверхностью воды я не заметила. А он уже должен был вынырнуть.

– Он умеет плавать? Потому что Панеттоне...

– Маура – нет. – Карла тоже заглянула вниз. – И этот стронцо прекрасно об этом знал, когда толкал малолетнюю сестренку в море

близ острова Мурано.

– Боже мой, Карла, ты его убила!

Разбежавшись, я сиганула вниз, даже не скинув туфель, их я лишилась уже в воде. Пришлось нырять дважды, прежде чем я наконец обнаружила бездыханное тело Эдуардо за каменным уступом. Если в прыжке он расшиб голову, это верная смерть. Но крови в воде я не заметила.

Подплыв к синьору да Риальто, я схватила его за воротник и потащила на поверхность. Придется заложить немалый крюк, прежде чем берег позволит нам вернуться на сушу. Пусть Эдуардо вдохнет воздух, и мы понемногу...

Он дернулся, замолотил руками.

– Тихо, – велела я, – просто дыши и расслабь конечности. Я вытащу обоих.

Эдуардо меня не слышал. Как безумная макака, он пытался забраться на меня, обхватил руками, утапливая своей тяжестью. Я едва успела вдохнуть, прежде чем погрузилась с головой. Попыталась вырваться. Пусть он обессилит, и тогда я смогу...

Каменный уступ оказался слишком близко от нас, Эдуардо дернул мои волосы, висок обожгло болью, и сразу же удар по затылку вышиб из меня дух. Я ахнула, соленая вода ворвалась в легкие, в глазах потемнело, я лишилась чувств.

Глава 8

Спасители и спасенные

Брат Грифон запер дубовую, окованную железом дверь и повернулся к собравшимся.

– Страус взглядом своим высиживает яйца! – значительно провозгласил он.

– Добродетель его превосходит все прочие, – ответили присутствующие нестройным хором.

– Еще раз, братья. – Грифон воздел руки, будто дирижер, и возвестил напевно: – Стра-ус взглядом сво-им вы-си-жи-ва-ет...

– Добродетель! – возопила братия вразнобой. – Его! Превосходит все прочие!

И это главу не удовлетворило. Он извлек из-под плаща тонкий стек.

– Это вопрос эмблематики, братья. А эмблема – основа основ. Давайте по одному. Вы, брат Воробей, начинайте со мной.

Названный господин подобрался в кресле и старательно принялся повторять «основу основ», следуя взмахам дирижерской палочки.

Высокий синьор, сидящий поодаль, закашлялся, кажется, скрывая смешок.

– Экселленсе, – шепнул его спутник, так же, как и все собравшиеся, облаченный в мешковатую тунику Птичьего Совета и скрывающий свое лицо под маской Вольто. – Держите себя в руках, или нас изгонят с позором.

– Позор? – прошелестел вампир. – То есть, по-вашему, маэстро Дуриарти, этот спектакль не состоит из него чуть более чем полностью?

– Брат Пингвин, – обратился председатель к Дуриарти, – наш новый член, брат Ворон, за которого, замечу я мельком, вы поручились головой, изволит выразить неудовольствие?

– О брат Грифон, – прошелестел экселленсе, – отнюдь. Не неудовольствие, а восторг, ибо только что мне открылось полное значение эмблемы нашего братства.

– В чем же оно состоит? – скептически спросил глава.

– Если перевести ее дословно на высокую латынь...

– Довольно, брат Ворон, – замахал руками Грифон. – Ваша образованность поразительна. Но давайте оставим ее при вас, позволив прочим братьям совершенствоваться в поисках истины самостоятельно.

– Что там? – переспросил спутника Дуриарти, когда председатель вернулся к своему экзамену.

– Наш милый главный заговорщик присвоил девиз одного крайне старого и авторитетного тайного общества, лишь переведя его на аквадоратский диалект.

– Как вы мудры, хозяин.

Кукольник воровато просунул руку под маску и, положив что-то в рот, аппетитно захрустел.

Брат Грифон, экзаменующий членов общества по одному, приблизился к ним. Экселленсе втянул воздух скрытыми под маской ноздрями и послушно повторил девиз, маэстро Дуриарти успел дожевать, пока очередь дошла до него.

– Ну что ж, братие, – председатель вернулся к своему месту во главе стола, – страус своим взглядом высиживает яйца?

Многоголосье ответило слаженно и напевно.

– Прекрасно! Заседание Птичьего Совета объявляется открытым. Наше тайное общество, как все вы уже осведомлены, заботит не смена власти, а избавление безмятежной Аквадораты от элементов нежелательных. Мы – борцы с нечистью, заполонившей наш город.

Пережидая аплодисменты, брат Грифон раскланивался.

– Колдуны!

– Да! – ответила братия.

– Вампиры!

– Да! Особенно они.

– Однако, – пробормотал экселленсе.

– Русалки и прочие нелюди!

– Да, да, да!

– Им здесь не место! Брат Клест, вам слово.

Названный заговорщик приосанился.

– Нами составлено тайное обращение к тишайшему Муэрто с требованием изгнать из столицы вампирский клан Мадичи, который, как нам известно, неожиданно воспрянул ото сна.

Брат Воробей поднял указательный палец, прося слова:

– Ужасный князь является почетным гражданином Аквадораты уже более двух сотен лет, дож не станет лишать его звания, основываясь на анонимном доносе.

Клест согласно кивнул:

– Если донос будет один...

Но Воробей его перебил:

– Да хоть сто! Пока вампиры не прольют кровь, их положение неколебимо.

– Прольют? – пробормотал экселленсе. – Как будто не изобрели салфеток, как будто мы какие-то дикари.

– Брат Ворон, – обратился к нему председатель. – Если вы хотите высказаться, для начала надо поднять вверх палец.

Сквозь прорези маски князь осмотрел персты брата Грифона и, видимо, решил с членовредительством повременить. Он поднял руку:

– Доносы – это прекрасно, братья. Капля камень точит, рано или поздно мы достигнем нашей великой цели, и вампирское гнездо будет разорено.

– Bravo! – прокричали заговорщики.

– Однако, – поднял руку брат Каплун, – не будем забывать, что его серенити находится под влиянием своей супруги, которая, как мы подозреваем, тоже нелюдь.

– Неужели? – заинтересованно переспросил князь. – Донна догаресса вампир?

– Хуже, – вздохнул председатель, – она русалка.

Общество многоголосо ахнуло.

– Братие, – покровительственно сказал брат Клест, не забыв воздеть указующий перст к потолку, – спешу вас успокоить. Тишайший Муэрто сам пострадал от морских нелюдей, поэтому будет на нашей стороне.

– У нее нет хвоста, – проговорил кто-то вне очереди, за что был ошикан.

– Может, дражайший брат, – экселленсе руку поднял, – поведает нам подробности о страданиях его серенити?

Публика вопрос поддержала, и брат Клест, польщенный вниманием, уговаривать себя дольше не заставил:

– Мне известна причина, по которой синьор Чезаре Муэрто оставил пост адмирала торгового флота и вернулся в столицу, братие. И причина эта презанятна. За прохождение своих судов мимо острова Форкола наш будущий дож согласился быть плененным тамошними демоническими чудовищами.

– Форколские сирены? – пробормотал князь себе под нос. – Это действительно любопытно.

– Сорок дней Муэрто провел на острове, претерпевая пытки и...

– Да какие там пытки? – хихикнул брат Воробей, помахивая над головой ладонью. – Небось ублажал тамошних демониц с изрядным пылом.

– Да у них же хвосты!

Этот возглас тоже ошикали, понятно почему.

– Поговаривают, – брат Клест перешел на заговорщицкий тон, – что колдуньи лишили его способности к деторождению.

Со всех сторон раздались недоверчивые возгласы, но неожиданно руку поднял маэстро Дуриарти:

– Это очень похоже на правду. Мне известно абсолютно точно, что невозможность синьора Муэрто обзавестись наследником служила одним из поводов отдать за него голос на выборах дожа.

– Видите? – обрадовался Клест. – Неужели мужчина, столь пострадавший от рук мерзейших русалок, позволит одной из них диктовать свою волю Аквадорате?

Все согласились, что да, то есть нет, не позволит.

– А почему мы уверены, что донна догаресса русалка? – переспросил князь. – Мне правда любопытно, братие.

– Кому же еще под силу изгнать кракена? – ответил председатель вопросом. – Итак, его безмятежность вскорости пополнит наши ряды. А мы, драгоценные соратники, ему в этом поможем. Сейчас брат Воробей раздаст вам бумагу и перья, и мы напишем десяток доносов. Да не пугайтесь, сочинять ничего не придется, писать будете под диктовку.

– Надоело. – Князь распрямился, почти касаясь макушкой низкого потолка.

– Экселленсе, – ахнул Дуриарти.

Вампир медленно снял маску, улыбнулся острозубым ртом:

– Запомните, жалкие смертные: клан Мадичи поставлен в Аквадорате для защиты нашего безмятежного города от материковых вампиров. Мы соблюдаем договор, заключенный еще в те времена, когда Аквадората была россыпью крошечных островков лагуны. Мы – ночные господа, стражи города и борцы с нечистью. И это все, что вы запомните.

Глаза князя Лукрецио полыхнули алым, кукольник восторженно замычал.

– Сейчас, – продолжал экселленсе, – вы разойдетесь по своим домишкам, а наутро вспомните, что неожиданная инфлюэнца помешала вам посетить заседание Птичьего Совета.

Он говорил своим обычным шелестящим голосом, но каждое слово было отчетливо слышно.

– И да, донна Филомена Муэрто абсолютно точно не русалка.

– У нее нет хвоста!

Наконец фразу про хвосты никто не ошикал.

– Потому что у нее нет хвоста, – согласился вампир. – А теперь, жалкие смертные, быстрее бегите!

* * *

Грудь сдавило, будто на нее положили каменную плиту, потом сняли и опять положили. Желудок скрутило, я дернулась, извергая из себя соленое море.

– Дыши, Филомена.

Мокрые губы накрыли мой рот, и шарик воздуха оцарапал горло. Я закашлялась, открыла глаза. Чезаре хлопнул меня по щеке:

– Дыши!

Горло дернулось, фонтан воды окатил его серенити. Он не расстроился, схватил меня за плечи, переворачивая лицом вниз.

– Эдуардо, – вытошнила я еще немного, – он жив?

– Филомена! – Голос принадлежал Мауре, и носки именно ее туфелек маячили рядом. – Боже мой!

– Артуро! – закричал Чезаре. – У нее рана на голове, нести нельзя. Приведи галеру к этому пляжу.

– Я прекрасно дойду пешком.

Чикко стояла на песке прямо перед моим носом.

– Здесь слишком мелко, – говорил синьор Копальди издали. – Нам придется рискнуть и нести догарессу на руках.

– Я дойду сама.

– Нет! Подплыви на максимально возможное расстояние. Исполнять!

Меня перевернули.

– Филомена, ты можешь говорить? Ты меня узнаешь?

«Ну разумеется», – будто бы сказала я, но теперь мне стало понятно, что я на самом деле не издала ни звука. Попыталась кивнуть, шея хрустнула, в голове помутилось.

– Ваша безмятежность, – пискнула Маура, – надо остановить кровь.

Раздался треск разрываемой ткани, виски сдавило плотной повязкой. Я лежала на спине, солнце нимбом окружало склонившегося надо мной супруга. Приплыл все-таки, дамский угодник. А некоторые Галки в это не верили. Где Карла? Она столкнула Эдуардо. Что с ней? Она арестована? Что с да Риальто? Он жив?

– Что это? – раздался испуганный голос возлюбленного. – Маура! Убери это! Я ненавижу насекомых.

– Это не жук, а саламандра, – ответила Панеттоне рассудительно.

Спокойствие ее тона сообщило мне, что синьор да Риальто жив и здоров.

– Ненавижу саламандр! – не унимался Эдуардо. – Убери немедленно. Какая гадость!

Какое счастье, что я не успела подарить ему мадженте. Какое облегчение, что мне не придется ее кому-нибудь дарить. Моя малышка, только моя.

– Что здесь произошло? – встревоженно и запыхавшись, вопрошала сестра Аннунциата. – Ваша серенити!

Чезаре распрямился, отчего солнце меня ослепило.

– Донна догаресса упала в воду, – сообщил дож. – К счастью, бравый синьор да Риальто вовремя бросился ей на помощь.

Говорил супруг с нажимом, направленным на кого-то конкретного. Я повернула голову. Пляжик оказался запружен людьми. Кажется, здесь собрались все ученицы и учителя, гвардейцы. Последних стало больше, если в глазах у меня не двоилось после ушиба.

– Какая доблесть, синьор да Риальто! – Директриса бросилась Эдуардо на грудь.

Тот был мокрым и растерянным, но нашел в себе силы поддержать сухонькую монашку:

– На моем месте так поступил бы каждый.

Тут я увидела Карлу. Она стояла поодаль, наблюдая.

– В благодарность за спасение супруги, – процедил дож, – мы даруем синьору Эдуардо должность губернатора островов Треугольника.

Кажется, подарок новому губернатору не понравился. Он сморщился, как малыш, готовый заплакать. А я обрадовалась. Быть губернаторшей, наверное, лучше, чем сидеть в золотой клетке под присмотром командора да Риальто.

Опомнись, Филомена! Ты все еще хочешь замуж?

Да.

После всего, что произошло? Этот мужчина проиграл тебя в карты.

Это я как-нибудь переживу, прикрываясь сентенциями, что такова женская доля, – прощать мужьям ошибки.

Он чуть не убил тебя!

Это вообще случайность. Человек не умеет плавать, разумеется, он запаниковал и перестал себя контролировать.

А кто тебя спас?

Наверное, Чезаре? Судя по тому, что он вымок до нитки... Но это не повод предать любовь. Муэрто – хороший пловец. Да я бы сама вытащила парочку утопленников, не ударься о камень. Эдуардо – благородный синьор, а Чезаре – ловкий интриган.

Тогда почему благородный да Риальто не признается всем, что он не спаситель, а спасенный?

Потому что дож его переиграл! Манипулятор обставил все таким образом, что признание теперь равнозначно позору.

Во время внутреннего монолога Чикко взобралась на меня, пощекотала хвостиком лоб и замерла у уха. Отчего-то ее лапки на мочке стали жирной точкой в размышлениях. Синьорой да Риальто я не стану. Никогда и ни за что. Карты, недалекость, осторожность, граничащая с трусостью, – эти грешки простительны. Но Эдуардо не любит саламандр! Нам не по пути.

Решено. После развода с Чезаре я покину Аквадорату и начну новую жизнь на материке или на одном из островов-колоний, избегая островов Треугольника, разумеется. Я стану заводчицей саламандр, продолжив фамильное дело. Близнецы Филиппо и Франциско с удовольствием мне помогут. Если к нам присоединится Флоримон, мы сможем даже купить остров. Отец даст ссуду под долю в предприятии, я вложусь питомцем, если Чикко сможет подарить мне наследников. Если же мадженте бесплодна, так тоже бывает, или мы не сможем подобрать самца для случки, Филадельфус отдаст мне свои ученые разработки по выведению новых декоративных пород. Кстати, одно другого не отменяет. Профессор Филадельфус тоже в деле. Но Филомен может обидеться своим неучастием. Придется попросить денег и у него. На что только не пойдешь, чтоб сохранить мир в семье.

Синьор Копальди пригнал к берегу галеру. Не «Бучинторо», как мне удалось рассмотреть, но тоже довольно нарядную, шестивесельную.

Чезаре с капитаном приподняли меня над песком – только приподняли – и подтащили к воде. Гвардеец придерживал мои колени, пока глубина не стала достаточной. Море мягко пружинило под спиной, дождь шел рядом с моим распластанным телом.

– Парни, четверо ко мне, – командовал он. – Осторожно, без резких движений.

Доски палубы были жесткими. Когда супруг опустился рядом со мной на палубу, колени его стукнулись о дерево.

– Взгляд Филомены пуст и бессмысленен, – сообщил синьор Копальди, вглядываясь в мое лицо.

– Тревожный симптом? – хмыкнул дождь. – Наверное, удар все-таки повредил что-то в ее головенке. Весла на воду, парни, поспешаем.

– Я думал, ты притопишь этого мальчишку там же. – Артуро присел на палубу. – Зачем ты его вытащил?

– Затем, что иначе эта рыжая... гм... супруга проела бы мне плешь, стелая о покойном Эдуардо. А с покойниками, знаешь ли, трудно соперничать. Женская память отыщет в прошлом лишь достоинства. Кстати, ты подготовил приказ о назначении губернатора островов Треугольника?

– Да. Ты все-таки отправишь туда да Риальто?

– Я уже ему этим пригрозил.

– Чезаре!

– Да не будет он там губернаторствовать! Кто в здравом уме поручит хоть какую-то должность такому остолопу? Но отступные от командора я приму с огромным удовольствием. Хотя, может, юный Эдуардо не такой уж дурачок, каким кажется. По крайней мере, сообразил, с какой стороны крем на торте.

– Поясни.

– Ах, тебя же там не было. Я торжественно объявил синьора да Риальто спасителем Филомены.

– Зачем?

– Артуро, ты никогда не замечал, что наши с тобой беседы однообразны? Ты всегда спрашиваешь «Зачем?» – я отвечаю «Затем». Так вот, иначе нам пришлось бы арестовывать черноглазую фрейлину супруги.

– Донна Маламоко сказала бы, что Эдуардо остутился, мы с тобой это бы подтвердили.

– А потом дон да Риальто обвинил бы Карлу во лжи, и нас с тобой до купы. Нет, Артуро, юного идиота надо ограничить, чтоб он पहले прочих был заинтересован в сохранении тайны. Теперь он не сможет признаться, что пловец он никудышный, что подружка бывшей невесты чуть было не утопила его и что в попытках спастись он чуть было не утопил донну догарессу.

– Изящно, – решил помощник.

– Но Карлу надо допросить. Организуй нам тайную встречу нынче вечером, очень уж любопытно, что заставило Маламоко так рисковать многолетней операцией. И еще, – Чезаре посмотрел мне в глаза, я моргнула, – распорядись о расширении штата фрейлин донны Филомены. Меня настоятельно просили включить туда синьорин Сальваторе и Раффаэле.

– Мне позволено поинтересоваться о личности просителей?

– Разрешаю!

– И кто?

– О маркизете Бьянке хлопотал папаша, а милую Паолу сватает ко мне в постель моя дражайшая супруга. Каково? – спросил он с гордостью. – Щедрость Филомены безгранична.

Помощник пробормотал что-то о заразном сумасшествии, но так тихо, что этим можно было и пренебречь. Мы с дожем так и

поступили. Он не знаю почему, а я просто не могла говорить.

– Ты видел, Артуро? Проказница Паола до сих пор носит мое кольцо.

Помощник ответил, что не заметить такой огромный бриллиант может разве что незрячий и что если его серенити желает, то он, скромный слуга, припомнит точную сумму, которую лично отвалил тосканскому ювелиру по просьбе капитана Муэрто. И он, разумеется, ни на что не намекает, но деньги ему до сих пор не вернули.

Дождь обозвал синьра Копальди крохобором и сладко спросил:

– А картинную скромность платья ты отметил?

– Синьорина Раффаэле обожала маскарады.

– Представляешь, как трудно ей с ее независимым и гордым нравом в этой школе?

Помощник признался, что его фантазии на это не хватит.

Разговор мне надоел до зубовного скрежета, поэтому, собрав все силы, я прохрипела:

– Воды...

Оставшееся время пути прошло приятно. Вокруг меня хлопотали, меня жалели, поили из кувшина, обтирали лицо влажной тканью и обещали, что скоро лекарь займется моими ранами. Тишайший Муэрто с трогательной нежностью в голосе командовал гребцами.

– Это просто ушиб, ваша серенити, – вынес вердикт толстячок в белой хламиде, уже знакомый мне профессоре. – Кожа немного рассечена, но, чтоб наложить швы, мне потребуется обрить донну догарессу.

– Другого способа нет? – испугалась я.

Лекарь пожевал губами.

– Дайте подумать. Останется шрам, но под волосами он не будет заметен. Пожалуй, я скреплю края раны рыбьим клеем. Он со временем сам собою растворится.

– И волосы останутся при мне?

– Разумеется, донна Филомена, ваши прекрасные волосы...

– Действуйте, – скомандовал Чезаре. – Дражайшая супруга, я вынужден тебя покинуть.

– В добрый путь, – улыбка заменила кивок, потому что шевелить головой я опасалась.

– Дела политические...

- Удачи.
- ...требуют моего участия.
- Всех благ.

Дождь загнулся и изогнул бровь:

- Обещай не страдать от моего отсутствия.
- Приложу усилия.

Да убирайся уже, стронцо! Я боюсь боли. Как только лекарь коснется моей головы, я начну орать и плакать. Не хочу, чтоб ты это слышал.

- С тобой останется Артуро.
- Пусть синьор Копальди тоже уйдет.
- Твои фрейлины еще не добрались до дворца.
- Прочь.

Муэрто развернулся у двери и вернулся к моей постели:

– Профессоре, приступайте. Я буду вам ассистировать. Артуро, ступай отсюда.

Мы остались втроем. Лекарь наклонился надо мною, солнечный зайчик от его ланцета попал мне в глаз, я закричала и сжала руку Чезаре.

- Убери Чикко, она готовится извергнуть пламя.

Тишайший запустил свободную руку мне в шевелюру, извлек пыхтящую мадженте и выпустил себе на ворот. Та переменной места не опечалилась, пыхнула стружкой огня в потолок и свернулась калачиком, принимая цвет серебряных позументов камзола.

И стало очень больно.

– Держите ее, тишайший, – бормотал профессор. – Ноги и руки. Может, лучше связать?

- Не волнуйтесь.

Чезаре прилег рядом со мной, обхватил за плечи, развернул набок, прижав к себе. Твердая ладонь легла мне на затылок:

- Ну все, милая, не дергайся. Отважная малышка, потерпи.

– Стронцо! Путтана! Кракен всех раздери! – стонала я. – Стронцо Эдуардо, бешеная макака. Чертов камень, уродский утес, проклятая боль.

– Ну, ну, – Муэрто легонько поцеловал мой искривленный рот, будто на пробу. – Соленая...

Я давно заметила, что поцелуи тишайшего действуют на меня немного странно. Тело обмякло, все ощущения сосредоточились на губах. Чезаре пил вино совсем недавно. Терпкий вкус, горячий. Этот жар пробежал волной по жилам, превращая кровь мою в вино. Прижимаясь к Чезаре, я уже не отвечала на поцелуй, а сама атаковала, и он сдавался под моим напором.

– Я закончил, ваша серенити, – почтительно пробормотал профессор. – Четверть часа клей будет застывать, это время постарайтесь не шевелить головой донны догарессы.

Мы лекаря как бы услышали, но никак этого не показали. И тот на цыпочках вышел из спальни, прикрыв за собою дверь.

– Тесоро, – шепнул Чезаре, – сокровище.

Мне стало неприятно. Каждую свою пассиву его серенити одаряет каким-либо прозвищем. Интересно, как часто он использует «тесоро»? Какая я из его «сокровищ»? Десятая, сотая?

Супруг, заметив мое охлаждение, отодвинулся.

– Тебе больно, Филомена?

– Да, – соврала я, – и клонит ко сну. Спасибо за... за то, что отвлек меня от мыслей о боли. И за спасение. И за то, что вытащил из воды синьора да Риальто, хотя тебе этого, наверное, не хотелось.

– Какой я молодец, – грустно улыбнулся Муэрто. – Обширный список благодарностей. Ты закончила оглашение? Потому что меня и правда ждут дела.

– Еще чуть-чуть. Спасибо за то, что прикрыл поступок Карлы, мне не хотелось бы, чтоб она пострадала.

– То есть все мои разговоры с Артуро ты слышала?

Не отвечая на прямой вопрос, я продолжала:

– И миллион благодарностей за должность губернатора, которую ты подарил бедняжке Эдуардо. После развода я удалюсь с ним на острова Треугольника и не продолжу досаждать тебе своим присутствием в Аквадорате.

– Какой я молодец! – повторил дож уже с другой интонацией, бодрой и веселой. – Тогда, дражайшая будущая губернаторша, отдыхай, набирайся сил.

Он встал с кровати, поправил мою подушку, поискал глазами Чикко, оказавшуюся почему-то на столбике балдахина, и пересадил саламандру на постель.

Все это он проделал молча и так же безмолвно удалился.

Дверь громко хлопнула.

Ну и ладно, и пожалуйста. Пусть не думает, что поцелуи с ним хоть что-то для меня значат! Соблазнитель, сластолюбец, интриган. Как будто мне хоть на мгновение забылось, что цель нашего брака политическая, что, не скажи я полуголая по отмели на виду всей Аквадораты, этот стронцо не одарил бы меня даже взглядом. Кстати, о подарках. Мое венчальное кольцо гораздо скромнее огромного бриллианта Паолы. Нет, я бы, разумеется, не хотела таскать такую тяжесть на пальце, но разница впечатляет. Чезаре навязал мне синьорину Раффаэле в качестве фрейлины.

«Каково? – вопрошала я с интонациями тишайшего супруга. – „Какой я молодец!“ Так изящно впустить волка в овчарню».

Раздражение накапливалось, не находя выхода. Я схватила с прикроватного столика кувшин с водой, опустошила его двумя глотками и запустила в стену. Кувшин не долетел – я все же была еще слаба, – он разбился о паркет.

– Донна догаресса, – заглянула в спальню горничная, – вам помочь?

Велеть принести еще посуды для битья? Пожалуй, это слишком.

– Инес, – попросила я, – организуй кого-то прибрать осколки. Мои фрейлины прибыли во дворец?

– Нет, тишайшая. Синьор Копальди отрядил гвардейцев встречать их гондолу у причала.

– Чудесно. Мне нужно переодеться.

– Дожд просил вас остаться сегодня в постели.

– Этой просьбой мы не пренебрежем, – скривилась я. – Домашнее платье, белье. Посмотри, можно ли привести в порядок мои волосы, не касаясь раны.

Пока прочие горничные, явившиеся на звук колокольчика, подметали пол, Инес рассмотрела мою голову.

– Никаких сложностей, донна догаресса. Я оботру вас влажной тканью, волосы осторожно убегу под чепец. В качестве домашнего наряда мы используем шлафрок его серенити.

Она принесла из ванной таз и кувшин с теплой водой.

– Ангела, – обратилась Инес к товарке, почтительно стоящей у постели, – принеси из фисташковой гостиной ароматическую

курильницу, мы используем ее в качестве домика для малышки-саламандры.

Идея была прекрасной. Курильница, исполненная в виде высокой башенки с зубчатыми стенами, имела три отделения. В нижнем тлели угольки, жар их раскалял благовония, расположенные в среднем, дым поднимался наверх через отверстия третьего углубления.

Чикко новый домик понравился. Она полежала на углях, заставив их ярко пылать, искупалась в ароматном порошке и наконец свернулась калачиком на верхней площадке, развлекаясь тем, что затыкала кончиком хвоста дырочку за дырочкой, будто наигрывая на чудном духовом инструменте.

Меня обтерли и переодели. Потом покормили, установив на постели специальный столик с изогнутыми короткими ножками. Легкий ужин: бульон с ломтиком хлеба, сушеные фрукты. Крошечная порция едва утолила голод.

Когда убрали посуду, Инес предложила мне почитать.

– Рыцарский роман, донна догаресса, или новеллу о любви?

– Принеси документы, касающиеся Мусорного Совета, – решила я.

Читала я, разумеется, сама. Глаза скользят по строчкам гораздо быстрее, чем их произносят. Маура проделала огромную работу. Ее экстракт был четким, существенным, но довольно обширным. Горничная сидела подле меня на стуле, помогая менять папки и документы.

Я почти закончила, когда дверь спальни приоткрылась, впуская растрепанную и потную донну да Риальто.

– Филомена, – прокричала она шепотом, – моя дорогая!

– Эдуардо здоров?

– Да что ему станется? – Маура согнала Инес со стула, схватила кувшин с водой, разумеется, целый, а не тот, который сложил черепки во славу дамской истерики, жадно принялась пить. – Он... бульк... отправился в город... бульк... готовится вступать в должность губернатора... бульк... Жарко. Какая вкусная вода, Инес, мне нужно еще.

Горничная с пустым кувшином удалилась.

– Ты как? – спросила Маура.

– Мне заклеили дырку в голове, – похвасталась я. – Рыбьим клеем.

– Какой кошмар. Так что произошло на острове Николло?

– А что именно ты видела?

– Ну, – Панеттоне пожала сдобными плечиками и сдула со лба влажный локон, – бреду я, значит, по горной тропинке с нашей беглянкой на плече. Кстати, где она? Какой чудесный домик! Это ты придумала, Филомена? Инес? Я награжу ее чем-нибудь за сообразительность. Потому что, донна догаресса, хорошая работа слуг должна быть отмечена и оплачена. Ах, прости. Я отвлеклась. Иду, вдруг вижу, ты ласточкой прыгаешь с обрыва. Карла собирается то ли прыгнуть следом, то ли упасть в обморок. Я ускоряю шаг, но там, ну ты помнишь, какие-то корни путаются под ногами. Мой подол цепляется за сук. Я кричу: «Карла, что произошло?» – поднимаю взгляд...

Маура замолкла, потому что в спальню вернулась горничная с водой. Донна да Риальто утолила жажду, порылась в кармане и отдала горничной пухлый мешочек, звякнувший при передаче.

– Великолепная работа, Инес. Домик для саламандры – выше всяких похвал. Теперь ступай, мы с Донной догарессой желаем побеседовать наедине.

– Я прослежу, чтобы вас не беспокоили, – прошептала горничная.

– Никого к нам не пускать, – кивнула командирша. – Только донну Маламоко, она отправилась в «Нобиле-колледже-рагацце» и присоединится к нам позже.

– Ты подняла взгляд, – напомнила я, когда Инес ушла.

– Что? Ах, зрелище было величавым. Тишайший Муэрто прыгнул с обрыва!

– Величественней, чем я?

– Без обид, сенсериссима, но твой супруг умеет это лучше. С такой, знаешь ли, расчетливой экономной грацией.

– А потом? – Между прочим, восторги фрейлины меня несколько укололи.

– Карла закричала: «Вниз, на пляж!» – и они с синьором Копальди чуть не сбили меня с ног. Как ты уже догадалась, все мои вопросы остались без ответов. Но как плавает тишайший! Когда мы вернулись на пляж, а за нами еще бежало с десятков гвардейцев, Чезаре уже

выбрасывал на мелководье трепыхающегося Эдуардо, неся тебя перекинутой через плечо. Братцем занялся Артуро, а тишайший уложил тебя на песок и принялся приводить в чувство. Филомена, как это было страстно! Когда он накрыл твой рот своим, у меня в животе порхали бабочки, а щеки залил румянец.

– Это был не поцелуй!

– Со стороны виднее.

– Не важно. – Я махнула рукой, отчего документы на моих коленях зашуршали. – Кстати, донна да Риальто, прекрасная работа. Твои конспекты – выше всяких похвал.

– Дашь мне денег? – хихикнула довольная Маура. – У меня своих довольно. Лучше не переводи разговор, а поведай, почему вы с моим незадачливым братцем оказались в воде.

– Он упал, – ответила я осторожно, решив, что правду Панеттоне лучше узнать от Карлы. – Эдуардо не умеет плавать? Не смейся! Ты не знала? Он моментально пошел ко дну, и я бросилась следом за ним. Там... Ну я ушиблась головой о подводный камень и потеряла сознание.

– Понятно.

– Что именно?

– Почему у островов Треугольника новый губернатор. – Донна да Риальто наслаждалась своим умом. – Признаться, что его супруга бросилась на помощь малознакомому синьору, для дожа Муэрто оскорбительно, поэтому он представил дело так, что спасали тебя.

– Для наследника да Риальто должность унижительна. Думаю, командор ей не обрадуется.

– Значит, Чезаре еще хитрее, чем о нем думают. Он получит от батюшки взятку и отдаст должность кому-нибудь более подходящему.

Маура повторила размышления на эту тему дожа, и я прониклась к ее уму уважением.

– Филомена, – спросила она невинно, – после всех событий этих двух дней останешься ли ты верна своей любви?

Я вздохнула:

– Ты моя лучшая подруга, Панеттоне, я не могу тебе лгать.

«Немножко умалчивать и недоговаривать, да, но это совсем другое дело». Я выдержала театральную паузу, оставив уточнения недоговоренными:

– Замуж за синьора Эдуардо да Риальто мне абсолютно расхотелось.

Маура побледнела, ее губы задрожали, будто подруга собиралась плакать.

– Простите, донна догаресса. – Горничная просунула голову в приоткрытую дверь. – Я знаю, что мне запрещено вам мешать. Но во дворце командор да Риальто, он скандалит внизу, требуя встречи с дочерью.

– Батюшка, – ужаснулась Маура. – Что так скоро?

– Ступай, – ободряюще улыбнувшись и сжав влажную ладошку, я кивнула. – Прояви почтительность к родителю.

Панеттоне побежала прочь, Инес посмотрела на меня, ожидая приказаний.

– Иди за донной да Риальто, потом расскажешь, как произошла родственная встреча.

Дверь мягко за ней закрылась.

В одиночестве я оставалась недолго. Меньше чем через четверть часа ко мне явилась донна Маламоко в узком черном платье под горло, с бледным сосредоточенным лицом и резным ларчиком в руках.

Ларчик оказался на моих коленях, под его крышкой в атласных ложах лежали парные серебряные кинжалы.

– Присаживайся, – кивнула я на стул, любуясь украшенными сканью рукоятями.

Карла села, сложила на коленях руки. Мы молчали. Я не торопилась, рассмотрела каждый серебристый завиток оружия, резьбу на крышке, складочки атласа. Уголкем глаза я замечала, что руки Такколы подрагивают. Нервничает Галка. И правильно. Никто не может безнаказанно топить патрициев. Мы, догарессы Аквадораты, стоим на страже закона. Да-да! И пусть патриции сами, наверное, набедокурили, чтоб спровоцировать утопление, сути дела это не меняет.

Дождавшись, пока пауза стала болезненной даже для меня, я резко захлопнула крышку ларца. Карла от звука вздрогнула.

– Признавайся! – велела я быстро. – Что такого наговорил тебе Эдуардо, что ты толкнула его в пучину?

Черные глаза посмотрели на меня с грустью:

– Спроси об этом при случае у самого синьора да Риальто.

– И спрошу.

– Значит, ты собираешься и дальше с ним видеться?

– Ты мне кто? Родители, старший брат или, не к ночи будет помянут, супруг?

Какой нелепый разговор. Как я умудрилась так быстро упустить инициативу, позволив теме поменяться?

Карла вздохнула:

– Филомена, тебя попросту обыграли.

Я фыркнула. Именно что обыграли. Зловредная Галка, поднаторевшая в допросах. А она продолжала:

– Синьор да Риальто изначально ставил целью тебя очаровать. Он подготовился, узнал у Мауры о твоих предпочтениях и склонностях и явился на самый первый школьный бал полностью вооруженным. Не уверена, что он сам лично прочел твои любимые книги, но мог поддержать о них беседу. Он знал, что ты, выросшая в уединении острова Саламандер, невиннее ягненка и очаруешься первой же смазливой мордашкой, появившейся на горизонте. Вспомни, он стал твоим первым партнером в танцах. Эдуардо играл перед тобой роль образованного синьора, порядочного молодого человека, стремящегося к браку с девицей, разделяющей его склонности и суждения.

– Мы родственные души! – всхлипнула я. – Если бы все было так, как ты говоришь, он действовал бы гораздо смелее.

– Разумеется. И тут мы ступаем на тропинку не фактов, а домыслов.

– Ну уж нет, – горячо возразила я. – Давай пока пройдемся по фактам. Когда ты поняла, что наследник да Риальто – пьяница и азартный игрок?

– К концу первого года обучения, – ответила Карла. – Во время одной из вылазок я очутилась в одной компании с твоим женихом. Он меня не узнал, зато я узнала о нем слишком много.

– И ничего мне не сказала?

– Зачем? – Галка поморщилась. – Я была уверена, что вплоть до выпуска этот синьор ничем не сможет тебе навредить. Да и, Филомена, мои дела были в сотни раз важнее каких-то брачных игрищ. И не хотелось ссориться с Маурой. Ей стало бы стыдно, что ее невинная интрига раскрылась.

– Интрига? Брось.

– Ну она ведь помогала этому идиоту тебе понравиться.

– Это уже домыслы?

– Как тебе будет угодно, Филомена.

– Хорошо. – Я закусила губу, чтоб не разреветься. – Зачем я, по-твоему, понадобилась да Риальто? Не родовитая, не богатая, не...

Слезы все-таки полились по щекам, и Карла протянула мне носовой платок.

– Хочешь раскрыть игру?

– Не понимаю, о чем ты.

– Для меня это будет чем-то вроде тренировки. Я пройду этот лабиринт от конца к началу, чтоб понять, кто и зачем дергает за ниточки.

– Эдуардо?

– Он глуп как пробка.

– Маура? Она хитроумнее всех.

– Панеттоне не умеет рассчитывать дольше чем на два хода.

– Ты так говоришь, потому что она твоя подруга!

– Командор, – перебила меня донна Маламоко. – Думаю, интрига – его рук дело.

Это было так нелепо, что я расхохоталась:

– Действуй, Таккола. Раскрой коварного кукловода во славу Аквадораты!

Карла не обиделась, наклонила голову к плечу, пережидая мой смех, и вполголоса попросила:

– Ты не говори Мауре о том, что я толкнула Эдуардо.

– А если я уже ей все рассказала?

– В отличие от Панеттоне ты, донна догаресса, рассчитываешь ходы заранее. Уверена, ты напустила туману, позволив нам с Маурой разбираться самостоятельно.

– Я настолько предсказуема?

– Ты великолепна. – Карла констатировала это, даже не покраснев, льстивая Галка. – И будешь прекрасной догарессой, когда бросишь свои девчоночьи капризы.

– Не буду.

И я рассказала синьорине Маламоко о своих планах организовать питомник редчайших декоративных саламандр. Та их одобрила, а потом спросила, что мы будем делать с кракеном. Отбросив уже

ненужный носовой платок, я с азартом сообщила о встрече с головоногом, о том, что предложу Мусорному Совету взятку, и о том, что прошу ее в ближайшие пару дней посетить тайно портовую канцелярию.

Карла спросила меня, знаю ли я место, называемое Витландом.

– Это очень далеко на севере, – кивнула я. – Ты видела их корабли?

– Слышала, что их кнорры с пушниной причалили к Аквадорате во время последнего шторма.

– Почти полгода назад. Они, наверное, уже продали всю свою пушнину.

– Разумеется, в первый же день. Но до меня доходили слухи, что они собирались загрузить свои трюмы муранским стеклом. А для этого, как ты знаешь, требуется разрешение Большого Совета.

– Это так сложно?

– Последние шесть месяцев все заседания были посвящены подписанию контракта с рыцарями большой земли.

– Четверть с четвертью четверти? – спросила я, припомнив пояснения синьора Копальди. – Плата за то, что аквадоратский плот перевозит их огромную армию на другой материк?

– Именно. То есть стеклянные вопросы будут обсуждаться на ближайшем Большом Совете.

Ах, как же здорово! Я все успею. Завтра попрошу капитана Гаруди сделать крюк по дороге в школу, чтоб посмотреть на чужеземные суда. Они внешне очень отличаются от аквадоратских, и мое любопытство никого не удивит. Даже если Большой Совет проходит прямо сейчас, на транспортировку и погрузку муранского стекла потребуется не меньше недели. А если товар уже лежит в портовых трюмах? Нет, глупости, государственная монополия не позволит совершить покупку без письменного дозволения Совета. Витландцы сидят на своих деньгах и терпеливо ждут отмашки их потратить.

Грусть моя улетучилась, сменившись азартом. Пусть Эдуардо оказался не тем, в кого я влюбилась, пусть Чезаре притащит во дворец свою любовницу... Хотя это вовсе не пусть.

– Тишайший Муэрто расширяет штат фрейлин, – сообщила я донне Маламоко.

Та удивленно округлила глаза, а когда услышала имена счастливиц, ругнулась:

– Вы с Чезаре – просто родственные души, оба не знаете, как друг друга еще уязвить.

Возражениями я подавилась, припомнив свою тираду о будущности губернаторши далеких островов.

– Паола ему нравится. Нет, Карла, не возражай, я же вижу и иногда слышу, как он о ней отзывается. Самое забавное, что его серенити не обманут монашеским платьем, смирением и скромным видом, но это представление его забавляет.

– И что ты, аквадоратская Львица, намерена делать в новых обстоятельствах?

– Забрать титул первой ученицы, чего бы мне это ни стоило.

«Если уж не могу отобрать своего мужа», – додумала я уже про себя.

– О боже... – Таккола зевнула. – Еще и школа. Вечно про нее забываю.

– Иди спать, – предложила я. – Мне все равно велено оставаться в постели, а Маура воюет с батюшкой. Ты их видела?

– Да, командор как раз шествовал к гондоле в сопровождении рыдающей дочурки.

– А если дон да Риальто запрет наследницу, если она не вернется ко мне?

– Тогда мы убедимся, что не командор толкал тебя под венец с Эдуардо.

– Но я не хочу! Я люблю нашу Панеттоне.

Карла поднялась и поправила оборку моего чепца.

– Самое позднее завтра утром мы будем любоваться ее круглым личиком и выслушивать охи и ахи.

Донна Маламоко ушла к себе – отсыпаться за все бессонные ночи. Явилась Инес с отчетом о скандале да Риальто и кружкой горячего вина со специями. Я подремала, проснулась уже в темноте. Курительница полыхала, будто в башенке был пожар. Чикко стояла на ее вершине, угрожающе приподняв зад, она готовилась к залпу.

Шторы колыхнулись. Некто неопознанный только что перемахнул через подоконник, выпрыгнув наружу. Мне показалось, что в звуках ночи прозвучало «серениссима». Но голова – то ли от ушиба, то ли от

выпитого вина – оставалась тяжелой. Поэтому, зевнув и похвалив бдительную мадженте, я повернулась на другой бок и заснула уже до утра.

– С началом нового дня, донна догаресса, – медово-сахарно возвестила донна да Риальто, стоя у моей постели в окружении всех пяти горничных. – Вас ждут великие дела.

Я посмотрела на соседнюю подушку. Чезаре со мной не ночевал.

Пока я отмокала в ванне, Инес разбирала мои волосы, а Маура сидела на пуфике и в лицах пересказывала вчерашнее общение с командором. Она хмурила брови, чертыхалась хриплым басом, вздергивала подбородок, одновременно раздувая ноздри, передразнивая мимику грозного родителя.

– В конце концов мне разрешили оставаться подле моей догарессы вплоть до замужества.

– Имя счастливого избранника тебе сообщили?

– Нет. Он еще не определен.

Я поняла, что Панеттоне мне врет, скрывает и недоговаривает. А еще – что подруга встревожена и растеряна. Видимо, решение командора о судьбе дочери немало ту опечалило, и, как его изменить, она не знала.

Ну не хочет говорить, и ладно. Мало ли у кого какие секреты. Только пусть не начинает опять вести речи об Эдуардо.

Маура неискренне улыбнулась:

– Через две недели в имении да Риальто пройдет бал-маскарад в честь вступления синьора Эдуардо в должность губернатора островов Треугольника. Командор желает пышным празднеством выразить признательность его серенити.

– Что это значит? – спросила я и попросила Констанс принести мне кофе прямо сюда.

– То, что я ошибалась, что его безмятежность останется без взятки и что ты войдешь в дом да Риальто в качестве синьоры Муэрто, потому что, разумеется, станешь почетной гостьей.

– Нужно заказать новые платья, – сказала Инес. – Бал продлится несколько дней, донне догарессе надо менять наряды утром, днем и вечером. Донна да Риальто, вы знаете уже тему бала?

И беседа потекла поверх моей головы. Тема касалась подводного мира и существ, там обитающих. Маура вспомнила о русалках, сразу

их забраковала как слишком часто используемых в качестве маскарадных личин и пробежалась по всему морскому пантеону в поисках самой хорошенькой языческой богини. Инес от нее не отставала. Вскоре к разговору подключились уже все горничные, а Лу даже сбегала в кабинет за пером и бумагой, чтоб делать заметки.

Констанс принесла поднос, рядом с кофейной чашечкой на нем лежал конверт.

– Вам письмо, донна догаресса, – сказала горничная. – Его передали из почтовой службы.

– Спасибо.

Отпив кофе, я мокрыми пальцами надорвала конверт. На нем значилось мое девичье имя, почти полностью совпадающее с именем отправителя. Это было письмо от Филомена. Он писал мне время от времени, не часто, но с приличной регулярностью. Ну и где же нынче бороздит волны мой самый старший братец? Я любила его описания далеких стран и диковинных животных. Иногда в посланиях обнаруживался засушенный экзотический цветок или лист растения забавной формы. В этот раз, кроме чернильных строчек, в письме ничего не было, но, прочитав их, я счастливо воскликнула:

– Филомен плывет в Аквадорату! При попутном ветре он будет здесь уже через десять дней!

И хмурое утро наполнилось радостью. Мой капитан Саламандер-Арденте, как же я соскучилась. Я не видела его синих глаз уже так давно, не трепала его рыжих волос и не смеялась его мальчишеским шуткам. Хотя, наверное, в его почтенном тридцатилетнем возрасте ребячество осталось в прошлом. Забавно, мой брат и мой муж – почти ровесники. Интересно, как Филомен воспримет мой фальшивый брак? После столицы Филомен собирается посетить родителей, и мне нужно будет передать с ним письмо, полное объяснений и оправданий. Гнева отца я не опасалась, зная его отходчивость, а вот матушка может разозлиться не на шутку.

– Ты пригласишь синьора Саламандер-Арденте пожить с тобой во дворце? – спросила Маура.

– Это вряд ли будет удобно. У нас есть дом в столице, помнишь, я тебе говорила? Думаю, Филомен остановится там. Ах, какая новость! Я хочу рассказать ее Карле. – Расшалившись, я плескалась водой и

махала руками. – Почему донна Маламоко не приветствует по утрам свою догарессу?

– Тишайший Муэрто запретил ей переступить порог твоей спальни, – сообщила Маура. – О причинах не спрашивай. Это приказ, Карла его исполняет.

Стронцо Чезаре! Но даже его нелепые приказы были не в состоянии испортить мне настроение.

Не видя ничего вокруг от обуревающих чувств, я оделась.

– Завтрак?

– Ваша саламандра, донна догаресса. – Ангела подала мне Чикко. Горничные уже не боялись брать мадженте голыми руками.

Моя верная бдительная малышка! Она охраняла мой сон от... Кстати, кто это был? Мужчина за шторой мне ведь не примерещился? Сенсериссима? Это был князь Мадичи? Ах, пустое. Не буду сейчас даже думать об этом. У меня есть новость, наполняющая меня радостью. Прочь тревожные мысли.

Синьорина Маламоко ждала нас в столовой и стоически перенесла мои объятия и визги восторга. Мы сели завтракать.

– Видимо, твой братец, Филомена, прибывает в столицу в поисках невесты. – Карла отсекла верхушку яйца одним ударом.

– Инес, – попросила я громко, – будь любезна, принеси из спальни резную шкатулку. В ней хранятся чудесные парные кинжалы, которые я собираюсь сегодня носить на поясе в качестве украшения.

Маура хихикнула:

– Кто-то проиграл пари.

Насладившись смущением Карлы, я спросила:

– Про женитьбу Филомена – это твои предположения? На чем они основаны?

– Ни на чем. – Таккола посмотрела на Мауру. – Просто он вошел в самый подходящий для брака возраст. Впрочем, как и мы с донной да Риальто.

– На балу, – сказала Панеттоне, – где соберется весь цвет аквадоратской аристократии, капитан Саламандер-Арденте сможет выбрать синьорину себе по вкусу. Если бы донну Маламоко не ожидал жених в догате Негропонта, я бы посоветовала ей попытаться очаровать брата нашей догарессы.

– Советы донны да Риальто бесценны, она ведь столь поднаторела в устройстве личных дел родственников.

– Баста, рагацце. – Я постучала ножом по ободку бокала. – Не знаю, почему вы вдруг поссорились, и знать не хочу. Немедленно миритесь и давайте спокойно есть.

Фрейлины насупились и продолжили завтрак, не глядя друг на друга. Я чуть не прыснула. Карла и Маура вели себя сейчас в точности как мои родители во время семейных ссор. Каждый сердился и не желал признавать свою неправоту, каждый ждал, чтоб другой сделал шаг к примирению. Им просто надо поговорить! Остаться вдвоем без свидетелей и высказать друг другу все обиды, что накопились. У родителей это обычно заканчивалось поцелуями и долгими часами за запертой дверью спальни.

Картинно охнув, я поднялась из-за стола.

– Ангела, Констанс, – позвала я прислуживающих за завтраком девушек, – мне нужно сменить платье. Новые кинжалы требуют другого наряда. Мы встретим Инес по дороге.

И мы удалились, оставив подруг заканчивать завтрак вдвоем.

Моя идея горничным понравилась. Они подобрали мне зеленовато-черный охотничий комплект с узким, похожим на мужской камзолом. Парные ножны смотрелись на нем превосходно. Черную полумаску украшали изумруды, а крошечную треугольную шляпку – павлиньи перья.

Я крутилась перед зеркалом так долго, что в покои явилась донна да Риальто, чтоб сообщить, что мы опаздываем.

Глаза подруги были красными и припухшими, но выражение лица – опустошенно-счастливым. Рагацце помирились.

Капитан Гаруди моей просьбе, как я и ожидала, не удивился.

– Кнорры? – переспросил он и кивнул. – Любопытная конструкция. Я знаю, где они пришвартованы, донна Филомена, и с удовольствием вам их покажу.

Гондолу покачивало на волнах, утреннее солнце золотило шпили Аквадораты, и меня нисколько не заботило, что его серенити не ночевал сегодня со мной.

Артуро организовал встречу Чезаре с синьориной Маламоко за пределами дворца. Часы на башне Четырех пробили полночь, когда у узенькой неприметной пристани на окраине Санта-Кроче пришвартовалась гондола.

Темная худощавая фигура протянула руку к дверному молотку. Два удара, пауза... удар, пауза... три быстрых удара. Дверь, скрипнув, открылась.

Тишайший Муэрто, сидящий во главе деревянного обеденного стола, поднял голову от бумаг и поприветствовал гостью:

– Битый час жду, между прочим.

Синьор Копальди, открывший дверь Карле, удалился в соседнюю комнату. Девушка осмотрелась:

– Так вот, значит, где его безмятежность прячется, когда сбегает из дворца с верным Артуро. Поздравляю, кузен, ты умеешь путать следы. – Донна Маламоко сняла кошачью маску и присела к столу напротив хозяина. – Сообщи тебе в качестве жеста доброй воли, что дома на улице Могильщиков и около Свинцового моста раскрыты, и у обоих дежурят отряды таинственно бряцающих оружием идиотов.

– Ты слышал, Артуро? – громко спросил Муэрто. – Можно продавать. Займешься?

Синьор Копальди пробормотал что-то вроде того, что выхода у него все равно нет, не тишайшему же Муэрто этим заниматься, тем более что недвижимость покупается на его личные, синьора Копальди, деньги.

Чезаре хмыкнул и, наклонившись через стол, прошептал:

– Не томи, Карла, что там с да Риальто?

– Кроме того, что он полный стронцо? Или тебя интересует командор?

– Можно подумать, дорогая кузина, я позвал тебя на ночное свидание, чтоб насладиться твоим остроумием. Не кокетничай, Маламоко.

– Ты слышал об Изолла-ди-кристалло?

– Хрустальный остров? Нет, а что в нем?

– Этого я не знаю, но он принадлежит синьору Адамо Саламандер-Арденте, твоему неожиданному тестю.

– Умение рассказчика – это у тебя от папаши, – Муэрто скрестил на груди руки и откинулся на стуле, – он тоже обожает заходить

издалека. Что остров? Он теперь мой? Догаресса принесла его супругу в качестве приданого?

– Это имущество получит в безраздельное владение первый внук синьора Адамо, независимо от пола. Ты понял?

Чезаре присвистнул:

– То есть женить на девице своего наследника и ждать девять месяцев, чтоб получить подарочек? Это нелепо!

– Почему?

– Потому что гораздо проще выкупить этот клочок суши у заводчика саламандр.

– Она не продается. И если ты проявишь интерес, твои конкуренты тоже заинтересуются. Нет, Чезаре, терпеливый получает все. Поэтому Филомену и попытались отравить в первый же день во дворце. Живая и замужем не за Эдуардо, она опасна для планов командора. Но, кажется, решение об убийстве принимал кто-то из приспешников, потому что старикан вернулся и надавал всем тумаков.

– Ну да, достойный патриций в курсе, почему с моей помощью Саламандер-Арденте внуков не светит.

– Неужели? – Карла по-птичьи склонила голову к плечу. – Мне казалось, ты сам распространил эту байку про бесплодие, чтоб набрать очков в выборном забеге.

– Пф-ф, наивное дитя, когда на кону власть, никакие хитроумные истории не застыят патрициям истины. Неужели до твоих ушей не доходили рассказы о многодневных обследованиях, орде лекарей и попытках подложить в мою постель самых плодовитых шлюх, которым достаточно постоять рядом с мужчиной, чтоб через месяц мучиться тошнотой по утрам?

– О боже, Чезаре. – Девушка перегнулась через стол и накрыла руку кузена своей ладонью. – Прости, это ужасно...

Его серенити дернулся, как от пощечины, и сузил свои нечеловечески светлые глаза:

– Ну мы же не собираемся обсуждать здесь мужскую неполноценность, а, дражайшая кузина?

Карла убрала руку и пожала плечами:

– Как будет угодно его безмятежности. Я лишь приношу в клювике информацию.

– Которую я либо принимаю, либо не принимаю во внимание. – Дож вдруг резко сменил тон: – Черт, ну конечно, если дать понять командору, что Филомена не хочет Эдуардо...

– А она не хочет.

– Что? Ах, брось, она уже мысленно пакует вещички для путешествия на острова Треугольника в качестве губернаторши.

– Не хочет.

– Но да Риальто о верности своей будущей невестки не знает, он решит, что все кончено.

– Все кончено.

– Не перебивай!

– Чезаре! Филомена, конечно, кое в чем наивнее золотой рыбки, но она честна и благородна, она не выйдет замуж за Эдуардо да Риальто, даже если ей приставят к груди кинжал. Любовь прошла. И очень скоро командор сменит тактику. Мы узнаем об этом, как только будет объявлено об обручении Мауры да Риальто с одним из братьев Саламандер-Арденте.

– Черт! А ведь у старикана только двое детей, и каждого из них он готов принести на алтарь собственных интересов.

– Вот именно. И умоляю, пока все не решится, не давай Филомене развода. Самое безопасное место сейчас для нее – около тебя.

Когда разговор закончился, Карла еще некоторое время стояла на улице у приоткрытого окна. Чезаре командовал Артуро нестись в порт, готовить тайное отплытие его серенити.

Глава 9

Мусорная догаресса

Три дня не видеть супруга? Легко! Особенно если супруг сам не ищет встречи. У меня на поиски тишайшего Муэрто времени не было абсолютно. Дни пробежали водою сквозь пальцы, я засыпала, едва валясь на постель, просыпалась на рассвете, прочее время посвящая учебе, учебе и еще немножко... учебе. Математика, танцы, литература, музыка. Последняя требовала невероятных усилий и изворотливости. Занималась я с князем Лукрецио, используя свободные часы сестры. Как и когда мне удалось заполучить сиятельного учителя? Изящно, позавчера. Когда ученицы «Нобиле-колледже-рагацце» отправились, по обыкновению, вздремнуть в тенечке, я под охраной верной синьорины Маламоко черным ходом отправилась в палаццо Мадичи. Саламандру, правда, пришлось оставить с Маурой. Донна да Риальто прикрывала побег и обещала использовать школьный колокол, если бы мое отсутствие стало заметно.

– А если он спит? – в сотый раз вопрошала я, преодолевая галерею.

– Приляжешь рядом? – веселилась Карла. – Предполагать, что именно придет в твою рыжую головку, любезная догаресса, бесполезно.

– А если ночью это не он залез в мою спальню? Как я тогда заставлю его помочь?

Князь не спал. Мы обнаружили его в полутемной библиотеке второго этажа, за плотно задернутыми шторами и с книгой на коленях.

– Серениссима, – прошелестел он, поднимаясь. – Вы удостоили меня ответным визитом?

– Так, значит, это вас спугнула ночью крошка-мадженте, ваше сиятельство? – Я присела в реверансе. – Вы желали со мною побеседовать?

Ура! Экселленсе не отпирался, что облегчало мне задачу. Донна Маламоко тоже поклонилась и устроилась в кресле, стоящем у стены, я заняла то, что было напротив хозяйского. Серые глаза вампира блеснули, когда он рассматривал мои кинжалы.

– Всего лишь хотел убедиться, что моя тишайшая догаресса жива и здорова после несчастного случая. Поверьте, если бы не чутье вашего волшебного питомца, мой визит остался бы вами не замечен.

– Вы поставили под удар честь замужней синьоры!

Краски я слегка сгустила. Дворец дожа похож на проходной двор, князем больше, князем меньше. Он всегда мог сказать, что заблудился, и ему бы поверили.

– Я счел риск оправданным.

– Чем оправданным?

– Разумеется, моими пылкими чувствами, тишайшая догаресса. – Пылкость экселленсе не давалась, но он старался изо всех сил, даже приложил к груди руки, будто сердце из нее вот-вот грозило выпрыгнуть. – Ведь от вас не укрылись знаки внимания...

– Нет, не продолжайте! – испуганно перебила я. – Пощадите мою скромность, ваше сиятельство. Я ведь, в сущности, простая провинциалка, не искушенная ни в искусстве беседы, ни во флирте. Мне, не скрою, льстит ваше дружеское участие.

Вампир воздел руки в защитном жесте, я поднажала с экспрессией:

– И в честь нашей дружбы...

– Лукрецио.

– Простите?

– Друзья называют друг друга по имени, Филомена.

Кракен меня раздери, лучше бы он не улыбался! Сколько зубов!

– В честь нашей дружбы...

– Лукрецио.

– Лукрецио, – согласно кивнула я, – осмеливаюсь просить вас о помощи.

– Вам достаточно приказать.

– А я предпочитаю просить.

Карла многозначительно кашлянула. Время сиесты не бесконечно, а я трачу его на ерунду.

– Мне нужен учитель музыки, – пошла я ва-банк.

– Чем же вас не устраивает этот смешной синьор с мозолью от виолы на подбородке, который ежедневно является в школу?

– В этом искусстве я не преуспела. Мне нужно нечто эффектное, оригинальное, волшебное, чтоб победить в состязании.

– Победить?

– Да! Ваше... То есть Лукрецио. Мои соперницы – прекрасные музыкантши, я на их фоне теряюсь.

Шелестящий смех вампира мог вызвать ужас.

– Теряетесь? Вы? Но прочь неуместное кокетство, моя тишайшая. Вы обратились по адресу. Идемте.

Он поднялся и толкнул дверь смежной комнаты. Мы с Карлой последовали за хозяином и оказались в музыкальном салоне, превосходящем размерами библиотеку. На полочках шкафов лежали разнообразные инструменты – духовые, струнные, ударные, крышка клавикорда была откинута.

Князь подошел к нему, сел на табурет, заколотил по клавишам белыми пальцами.

– Проверим диапазон вашего голоса, Филомена.

Послушно повторяя ноты за инструментом, я подмигнула Такколе.

– Прекрасно, – решил вампир через несколько минут. – Вы владеете арфой?

Я посмотрела, куда он показал. Арфа была огромной, инкрустированной перламутром машиной. Владеть этим чудищем? С сомнением кивнув, я отодвинула Карлу и заняла место у инструмента, в отличие от клавикорда оказавшегося крайне расстроенным. Пробежавшись по струнам, я подкрутила колки, добившись чистоты звучания. Единственная мелодия, пришедшая в голову – старинная колыбельная, которую напевала мне в детстве матушка, – в исполнении арфы звучала странно торжественно.

– Любопытно, – прошелестел экселленсе. – Вы знаете слова песни?

– Нет, – вздохнула я. – Разумеется, для концерта мы подберем другую композицию.

– Оставим эту, – азартно возразил князь. – Что касается текста...

Он взмахнул рукой, побуждая меня играть, и начал петь. Сначала неуверенно, будто вспоминая, затем четко и убежденно. Слов я не понимала, язык был незнаком, но звуки его, ритм звучания будили целый океан чувств. Мне казалось, что лицо овеивает соленый бриз, а свет полуденного солнца, аквамаринный, туманный, подчеркивает силуэт далекого острова.

Отняв руки от арфы, я с удивлением заметила, что Карла плачет.

– Таккола?

– Все хорошо, Филомена, просто... – Девушка смахнула слезы и улыбнулась. – Первое место в конкурсе тебе обеспечено. Что это за язык, ваше сиятельство?

– Одно из древних, мертвых уже наречий, – ответил вампир. – Однако, рагацце, для победы нам еще придется постараться. Пальцам донны Филомены недостает беглости.

Кроме рук, проблема была еще и в тексте. Мертвое наречие не имело буквенных обозначений, а записать слова аквадоратским шрифтом князь мне не позволил:

– Только вслух, Филомена, только из уст в уста.

До конца сиесты оставалось менее часа, его мы посвятили заучиванию и тренировке. Из уст в уста. Звучало двусмысленно, особенно от друга Лукрецио. Чтоб разработать мне кисть, он брал меня за руки и массировал каждый палец по очереди. Прикосновения экселленсе были холодными и твердыми, будто фарфоровыми.

Когда синьорина Маламоко скомандовала отступление, мы попрощались с хозяином, условившись о следующей встрече. И назавтра Карла терпеливо наблюдала наши занятия, и послезавтра.

Сегодня репетиции не предполагалось. В полдень меня ждал Мусорный Совет, и в школу отправилась только Таккола, оставив мне в помощь Мауру.

– Он опять с тобой не ночевал? – спросила Панеттоне, отрывая меня от чтения бумаг. – Твой супруг Чезаре.

Мы сидели в моем кабинете и готовились к заседанию.

– Может, он предпочитает проводить ночи с синьориной Раффаэле?

Я знала, что нет, потому что алебастровые покои, предназначенные для новых фрейлин, до сих пор пустовали. И Паола, и Бьянка оставались пока в школе, а уж в «Нобиле-колледже-рагацце» разделить с кем-то ложе даже его серенити было бы проблематично. Хотя, кто знает, эта драная кошка Голубка вполне могла бы взобраться по стене дворца к чужому мужу.

Но мне хотелось услышать от Мауры заверения в супружеской верности. Она, разумеется, рассыпалась в утешениях, которые меня не удовлетворили. Стронцо Чезаре, что ж ты со мной делаешь? Неужели я ревную?

В кабинет вошла Инес:

– Заседание начнется через четверть часа.

Донна да Риальто кивнула:

– Можем идти.

– Его безмятежность желает поговорить с супругой наедине.

– Он предупредил о визите? – спросила я, с самым деловым видом сворачивая документы.

– Нет, – хихикнула горничная. – Тишайший Муэрто ругается в коридоре с кожаной гильдией и велел мне задержать донну Филомену до тех пор, пока он не закончит.

– Ступай, – сказала я Мауре. – Присоединюсь к заседанию после беседы с дожем.

Девушки вышли. Мне не сиделось, и я принялась ходить из угла в угол. Сейчас я увижу Чезаре. О чем он хочет говорить? О Паоле? О своем ко мне охлаждении? Как мне его встретить? Равнодушно или с показным радушием? Как я одета?

Зеркал в кабинете не было. Вдруг я испачкала щеки чернилами? Вдруг волосы в беспорядке?

Пальцы коснулись прохладного тельца Чикко. Она привычно дремала, обхватив мою мочку.

– Готовишь залп огня в мою честь?

Дождь был в церемониальной парче и рогатой шапке. Он захлопнул дверь, оставив синьора Копальди в коридоре, и, быстро подойдя к столу, сел на его краешек, скрестив на груди руки.

– Как почивал любезный супруг? – спросила я елеинно.

Глаза цвета спокойного моря смотрели на меня серьезно.

– Чему обязана удовольствием от вашего визита?

– Иди сюда. – Тишайший порылся в кармане, извлек носовой платок, свободной рукой привлек меня к себе и принялся вытирать мне лицо. – Какой кошмар. Догаресса-грязнуля. Ты макала нос в чернильницу?

Его пальцы были теплыми. Мне стало стыдно. И вовсе не от пятен на коже, а от удовольствия, которое мне дарил эта случайная близость. Ветреная девица Филомена. Опомнись! Ты буквально на днях похоронила, фигурально выражаясь, любовь всей своей жизни. Ты должна плакать и страдать, а не позволять какому-то Муэрто...

– Что такое Изолла-ди-кристалло? – быстро спросил «какой-то Муэрто».

– Остров.

– Чей?

– Мой, то есть наш. Он принадлежит фамилии Саламандер-Арденте. А почему вы спрашиваете?

– Что на нем?

Я отстранилась.

– Решительно ничего особенного. Вы не ответили.

– Можешь показать его на карте?

– Могу, – кивнула я резко, – но не хочу. Если наша беседа окончена, позволю себе откланяться, ваша серенити, дела не ждут.

– Ах да, – Чезаре смотрел на карту, висящую на стене, – Мусорный Совет. У нас есть время, пока стариканы вспомнят, как кого из них зовут и для чего они приковывали во дворец в этот жаркий денек. Филомена, ну не ломайся, покажи.

Я подошла к карте.

– Где ты ночевал эти дни?

– В своей каюте, разумеется. – Чезаре привстал, вытягивая шею. – Мне пришлось нанести визит на Мурано, чтоб... Не важно. Ну?

– Неподалеку от Трапанского архипелага, – ткнула я пальцем.

Тишайший спрятал платок, пошелестел парчой, извлек серебряный тубус, из него – исчерченный линиями полупрозрачный лист, тоже оказавшийся картой.

– Здесь? – Он расправил бумагу на столе. – Филомена, там нет никакого Изолла-ди-кристалло.

– Он крошечный, – фыркнула я. – Это атолл, охватывающий кольцом лагуну самого аквамаринowego в мире цвета. Разумеется, Хрустальный остров существует.

– Один достойный синьор с Мурано поведал мне, что твой фамильный Изолла-ди-кристалло – просто легенда, и ни один человек его не видел.

– И поэтому в сундуке моего родителя пылятся документы на владение?

– Владеть можно и воздухом.

– Не желаю тебя ни в чем убеждать, у меня заседание Совета.

– Помочь тебе со стариканами?

– Что?

– Баш на баш, Филомена. Я подношу тебе на блюдечке решение Совета, ты показываешь мне свой атолл.

Я ткнула пальцем в стену и пожала плечами.

– Настоящий остров, – уточнил Чезаре. – Хочу увидеть самую аквамариновую лагуну в мире.

– Хорошо.

– Что?

– Заставь мусорщиков подчиниться, и я поплыву с тобой на Изолла-ди-кристалло, разумеется, после окончания школы.

Дождь пробормотал что-то неприличное, но кивнул:

– Излагай свое дельце, мусорная догаресса.

Я изложила. В конце концов, ничего злодейского в моих планах не было. Кроме взятки и обмана честных жителей Аквадораты.

– Какая прелесть! – умилился Чезаре. – Мой кракен послужит на пользу города. Сколько, говоришь, там будет детенышей? Парочку из них мы не сможем оставить в наших водах?

– Они здесь не выживут.

– Витландские кнорры?

– А кто-то еще собирается в северные моря?

Дождь щелкнул меня по носу:

– Будь ты синьором и не будь моей женой, я нанял бы тебя на должность помощника и секретаря, ни минуты не сомневаясь.

Я хихикнула:

– Пришлось бы нанимать сразу троих. Без Карлы и Мауры я бы не справилась.

Светлые глаза его серенити отчего-то наполнились грустью, но он улыбнулся:

– Витландцы уже заняты погрузкой, они отчалиют самое позднее через два дня.

– А как же разрешение Большого Совета?

– Оно получено. На Мурано я, в числе прочего, велел продать варварам стекло.

В этом вся сложность аквадоратской политики – обилие разнообразных советов, работа которых ведется параллельно. Если бы не интерес супруга к моему атоллу, я упустила бы кнорры.

– Ночью мне нужно оказаться на острове Николло. Ты позволишь мне отлучиться?

– Что-нибудь придумаем. – Чезаре уже схватил меня за руку и увлек из кабинета. – Артуро, не стой столбом. Поспешим.

В зале заседаний супруг подтолкнул меня к тихонько сидящей Мауре, сам занял свое место – обычный резной стул в кругу прочих таких же.

– Почему тишайший здесь? – прошептала Панеттоне. – Деды меня пугают. Битый час они решали, могут ли допустить женщину, пусть и догарессу, в свою мальчуковую компанию.

Я шикнула на подругу, потому что один из старцев как раз закончил жаловаться на гильдию мясников, которая слила прямо в Гранде-канале нечто неаппетитное, и слово взял его серенити. Он помнил всех собравшихся по именам, он помнил все суммы, которые выделялись каждой службе, и все несоответствия приходов и расходов в представленных документах. Я поняла, что Чезаре тоже заглядывал в конспекты Мауры.

– Конечно, я сняла все копии для тишайшего Муэрто, – радостно кивнула подруга. – Он был впечатлен моей работой. Сказал даже, что, не будь я синьориной и фрейлиной его супруги, он, ни минуты не сомневаясь...

Дальше я ее не слушала. Тем более что за нашими спинами неслышно возникла одна из горничных, и донна да Риальто поспешила удалиться по своим хозяйственным и крайне важным делам.

Чезаре продолжал речь. В воздухе явственно пахло судом, позорным столбом, изгнанием и казнью.

Старцы нервно переговаривались, став похожими на стайку шелестящих вампиров. Муэрто смолк, оглядывая присутствующих тяжелым взглядом, и держал паузу, пока все шепотки не смолкли. И еще пару минут в полной тишине.

И тогда Чезаре предложил решение. Быстрое, легкое, не очень дорогое. Это будет стоить всего лишь двухпроцентного увеличения мусорного налога и единовременной суммы, которую члены Совета без труда соберут на благо Аквадораты.

У него попросили время на размышления. Он дал десять минут. Старцы принялись совещаться, собравшись гурьбой в центре залы.

Я восхитилась. Все правильно. Мой план предполагал уговоры и взятки, его – угрозы и штраф. Первый подразумевал одолжение догарессе, второй – благоволение дожа. Никто не ценит того, что дается даром, зато добытое с трудом – драгоценно.

Встретившись взглядом с супругом, я улыбнулась, он мне подмигнул.

Артуго пересек залу бесшумным быстрым шагом и склонился к плечу его серенити. Тот выслушал помощника, помрачнел.

– Дражайшие доны и синьоры, – громко обратился он к Совету, – каково ваше решение?

Старцы стали торговаться. Один процент, сумма штрафа уменьшалась вдвое. Чезаре раздраженно поправил шапку. Полтора процента, штраф неизменен. Старцы поднажали. Аквадоратцы, в сущности, все купцы, торговаться для них – это как дышать. Уступка за уступкой стороны приблизились к первому предложению Совета. Чезаре сдавал позиции неохотно. Наконец, когда «один процент и половина штрафа» прозвучали повторно, он быстро согласился.

– Но учтите, немедленно – слышите, немедленно! – город должен обезлюдеть, ни единого жителя на улицах и каналах.

– Помилуйте, ваша безмятежность. Это невозможно. Нужно предупредить службы, наладить оповещение.

– Воспользуйтесь чумным колоколом, маэстро Лимончелли, – проговорил дож веско и, переждав возмущенный гул, продолжил: – Не вы ли поведали нам менее часа тому назад об ужасной диверсии гильдии мясников, сливших тухлую кровь в наши изумрудные воды? Не вы ли сокрушались, что по каналам теперь плавают рыба брюхом вверх, что гниль несет смрад и болезни?

– Но чума, ваша безмятежность?

– В леднике городского госпиталя непременно отыщется свежий несвежий утопленник.

– Чума?

– Колокол, маэстро Лимончелли. А когда все закончится и я дозволю жителям выйти из домов, вы самолично на площади принесете извинения всей мясницкой гильдии. Ах нет, забудьте. С ними я поговорю сам. Какие еще извинения? Когда чума отступит, мы передумаем их казнить и ограничимся штрафом.

Слово «штраф», когда оно касалось не их, старцам очень нравилось.

Но что за спешка? Головоноги смогут приплыть на кормление не раньше полуночи.

– Что произошло? – Я подошла к Чезаре, когда Мусорный Совет распозлся выполнять поручение.

– Стая кракенов замечена рыбаками в лагуне Аквадората.

– Кракены вымерли сто...

– Твоя чудовищная роженица вышла на охоту!

Ага, значит, когда все в порядке – «мой чудесный кракен на пользу городу», а в случае проблем – «твоя чудовищная роженица». Так и запишем.

Тишайший Муэрто уже шел к двери, призывая Артуро и громы с молниями на головы всех головоногих кракенов.

– погоди! – Я схватила супруга за парчовый рукав. – Что ты намерен делать?

– Избавиться от зрителей и разобраться с этими тварями.

– Ты сейчас про головоногов?

– Ну не про граждан же безмятежной Аквадораты. Тем более что последние могут возжелать другого дожа, вздумай я палить по ним из пушки.

– Артиллерийские залпы очень поспособствуют твоему чумному балагану!

– Гарпунной пушки.

Тишайший Муэрто попытался вернуть себе свой рукав, но не преуспел: я вцепилась в него двумя руками.

– Позволь мне с ними поговорить.

– С головоногами?

– Ну не с твоими же гражданами! Пожалуйста. Я наладила контакт с их матриархом, старшей самкой, молодняк тоже должен ко мне прислушаться. Мне нужно не больше часа, Чезаре.

Я отпустила его руку и стала быстро расшнуровывать лиф платья.

Дож закричал помощнику:

– Прочь! Закрой дверь!

Дож простонал мне:

– Что ты вытворяешь, Филомена?

Дож направил вопрос небесам:

– За что?

Голосом супруг владел превосходно, мог выразить гнев, скорбь, обиду, недоумение и в данный момент выражал их одновременно. Это вам не выхолощенные эмоции древнего вампира. Если бы я не была столь увлечена раздеванием, обязательно бы прониклась.

Платье скользнуло на пол, я переступила через него.

– Три четверти часа, нужно только подплыть поближе.

Над Аквадоратой уже разносились звуки чумного набата, за дверью слышался топот множества ног, возбужденные голоса, синьор Копальди отгонял желающих немедленно видеть дожа.

Чезаре рассмеялся:

– Ты всего лишь собралась прыгнуть в воду?

– Ну да.

Я скинула туфли и наклонилась, приподняв подол нижней сорочки и снимая чулки.

– И не стесняешься собственной наготы?

– Мое тело чем-то тебе отвратительно?

Дож подождал, пока сорочка полетит на пол, рассмотрел меня внимательно и покачал головой:

– Оно прекрасно.

– Тогда не вижу причин его стесняться.

– Признайся, – Чезаре поднял с пола мою одежду и, свернув ее, засунул получившийся тюк под один из резных стульев, – тебе просто приятно быть голой.

– Мы приходим в этот мир без одежды, так что... – Пожав обнаженными плечами, я подала супругу крошку-мадженте. – Присмотри за Чикко. Если я не вернусь, пообещай передать ее моей семье.

Саламандра без возражений взбежала по парчовому рукаву его серенити, а я развернулась к окну. Галерея за ним выходила к морю, нависая над водой.

– Что значит «если не вернусь»?

– Ах, ну просто так говорят.

Я уже стояла на подоконнике, чувствуя босыми ногами нагретый солнцем мрамор. Кто меня за язык тянул? Разумеется, что угодно может пойти не так. После недавних родов самка может впасть в буйство и попытаться напасть, молодняк вообще агрессивен, и если

мамаша меня не защитит, стая голодных головоногов сожрет меня за считанные минуты. Обглодает до костей, а после перемелет и их.

Зачем я рискую жизнью? Ну кто-то же должен.

Дерьмо! И это вовсе не пустое ругательство. Вода воняла и была чудовищно грязной, в ней плавал мусор, щупальцами расплзались нерастворимые разноцветные субстанции, хлам, объедки, комки шерсти, трупки городских паразитов – крыс и голубей. Почему их не поедает чайки?

Вынырнув лишь для того, чтоб набрать воздуха, я опустилась на максимальную глубину, где морское течение направило меня прочь от города. Тело слушалось, но темп движения удручал. На то, чтоб пересечь акваторию порта, у меня уйдет несколько часов.

Вода немного посветлела, я поднялась к поверхности и мощными гребками поплыла дальше.

Филомена! Почему ты не взяла гондолу? Или лучше галеру с дюжиной весел.

Ноги коснулось что-то гладкое, глянцево-серый дельфиний бок прижался к моему.

«Не бойся, милый, я не тону», – подумала я громко.

Дельфин прошептал что-то, толкнулся.

«Хочешь мне помочь? – Я ухватилась за спинной плавник, забрасывая свое уставшее тело на рыбий корпус. – Спасибо, милый».

Двое приятелей моего помощника плескались в стороне. Им неприятно находиться в грязной воде, но дельфины – известные филантропы морского царства. Уж не знаю, какое удовольствие они получают, спасая всех и вся.

В ушах свистел ветер, размеренный колокольный звон отдалялся. Вдруг виски сдавило болью, я ощутила зов своего головонога.

«Где ты, девочка?»

Кажется, дельфины тоже ее слышали, сопровождающие приблизились к нам, образуя нечто вроде защитной стены.

Зажмурившись, я уловила обрывок мыслиэманации. Головоногов было много, десятков, два... три. Основной зов исходил от огромного существа, зависшего в синеватом подводном пространстве. Это не самка! Он больше моей подружки раза в два и гораздо старше, и, кажется... нет, абсолютно точно самец. На головонога он был похож,

но им не являлся. Безмятежную Аквадорату почтил своим визитом тот самый мифический кракен.

Я отпустила дельфиний плавник, живот обожгло от трения.

«Дальше я поплыву сама», – мысли путались, но помощник меня понял.

Они собирались ждать, чем закончится встреча, и в случае опасности вступить в бой на моей стороне. Их всего трое, у них мало шансов против древнего кракена, но возражений от маленькой отважной рыбки Филомены дельфины не примут.

Врать мысленно – отдельное искусство, но мне оно далось. Я подумала, что справлюсь, что переговоры пройдут успешно и что буду невероятно благодарна, если три серокожих красавца отвезут меня с победой домой. Три водяных фонтанчика проводили меня на переговоры.

Едва шевеля конечностями, я позволила течению нести меня на зов. Младенцы-головоноги облепили меня со всех сторон. Они были с человеческий кулак размером, очень юркими и любопытными. Чей-то острый клювик отрезал прядку моих волос, присоски щупалец коснулись затылка. Оставшаяся на мне городская грязь малышам понравилась. Они голодные!

Появилась самка, ее живот еще не принял обычную форму и колыхался неопрятными складками.

– Ну здравствуй, девочка, – прошептала я в квадратные зрачки. – За тобой пришел муж? Теперь не ты все решаешь? Не бойся, я поговорю с ним.

Самка прикрикнула на выводок, чмокающие звуки у моего уха прекратились, малыши бросились врассыпную.

– Где он, ваш патриарх? – спросила я, уже понимая, что кракен на глубине и что мне придется ждать.

Черное щупальце обхватило мое запястье, самка потащила меня вниз. Глаза щипало от соли, но я их не закрывала. Пузырьки воздуха вырывались изо рта редкими жемчужинками. Я островитянка и могу находиться под водой довольно долго. Но я всего лишь человек, у меня нет жабр.

Меня отшвырнули, будто надоевшую куклу. Я замахала руками и ногами, не чувствуя сопротивления воды, ударились спиной о песок и глубоко вдохнула. Я была на дне, но здесь был воздух.

– У тебя действительно нет жабр, – раздался в голове низкий мужской голос, – я позаботился о том, чтоб ты могла дышать.

Сквозь стенку моего воздушного пузыря я видела огромного кракена, свивающего и развивающего щупальца. Его клюв не шевелился, но нам этого и не требовалось.

– Меня зовут Филомена Муэрто, – проговорила я, поднимаясь на ноги и исполняя реверанс, мокрые волосы рассыпались по плечам и спине. – Я догаресса безмятежной Аквадораты. С кем имею честь?

– Твой муж решил отдать тебя взамен моей самки? – смех кракена напоминал мне вампирский. – Можешь звать меня Гипокампус, смертная.

– Тот самый Гипокампус, друг и соратник Посейдона? – блеснула я одновременно знаниями и лестью.

– Скакун, – уточнил кракен. – Бывший друг его божественной задницы, если начистоту.

От хихиканья я удержалась чудом.

– Ваша скромность, синьор Гипокампус, поразительна. Как и ваша магия, благодаря которой я могу сейчас беседовать с вами.

– Магия, шмагия... – Кракен приблизился к прозрачной стенке, в его квадратных зрачках я увидела двух крошечных голых догаресс. – Она не безгранична. Скоро воздух в пузыре иссякнет и ты, смертная, погибнешь.

– В таком случае, синьор Гипокампус, мы могли бы продолжить беседу на поверхности?

– Тогда погибну я. Ваше безмятежное солнце сожжет меня дотла. – Еще одна черточка сходства с сиятельным Мадичи. – Просто поторопись, смертная. Что именно велел передать мне твой дож?

– Извинения, – соврала я. – Он просит у вас прощения за то, что по незнанию и неосторожности пленил вашу самку, то есть супругу. У нее есть имя?

– Нет, – кракен грустно вздохнул, – головоноги, в сущности, не более чем животные.

– Но она принесла вам приплод! Три десятка прелестных малышей, похожих на вас, как две капли воды! – возмущения сдержать не удалось. – Неужели мать ваших детей не достойна хотя бы имени?

Запрокинув голову, я ткнула пальцем туда, где плавала самка.

– Ты извинялась, – напомнил кракен после паузы. – В этой обертке должно находиться нечто вещественное. Ты же понимаешь, что, разозлившись я по-настоящему...

– Чего бы вам хотелось? – забыв о чужих семейных делах, я приняла просительную позу. – Золота, шелков, муранского стекла?

– Я могу одним движением переломить пополам любой ваш фрегат и выдавить из его трюма все вышеперечисленное, как моллюска из раковины. Вы, жалкие людишки, посмели захватить мою беременную самку. Знаешь, сколько попыток я предпринял, чтоб продолжить род? Знаешь, сколько окончилось неудачей?

Мне показалось, что прозрачные стенки вокруг меня немножко сдвинулись. Так, Филомена, думай. Золото ему не нужно, как и ваши аквадоратские товары. Кракен хочет мести? Ну да, дождется заката и поплывет щелкать фрегаты, как мидии. Против него моментально развернут все артиллерийские батареи, и Чезаре наконец получит вождеденный труп кракена, еще и чучело велит набить, чтоб граждане любовались и не забывали о величии дожа.

– Чучело? – переспросил Гипокампус, без труда считывающий мои мысли.

– У вас, мужчин, принято хвастаться трофеями, – ответила я вслух. – Хотите город в кормление?

– Ошметки твоих мыслей я уловил, но поясни, в чем именно заключается предложение.

Пояснение заняло менее пяти минут. Ваши дети голодны, город безлюден. Мусор? О нет, синьор, обилие пищи. Ну это с какой стороны посмотреть. Скоро вечер, и вы сможете всплыть на поверхность без опасности быть замеченным и узванным. Перед рассветом вы удалитесь со своей семьей, уведете ее в холодные северные моря. Вы, ваша красавица – кстати, на аквадоратском красавица звучит как «кара», это прекрасное женское имя, – вы, Кара и ваши детишки. Да, синьор, они очень на вас похожи.

Я предлагала кракену то, что и так собиралась предложить, но делала это с таким апломбом, что ложь почти не ощущалась.

Он ведь скрывается, этот древний моллюск, он опасается людей и человеческого оружия, он не рассчитывает больше на все сильного Посейдона, бога морских пучин. И теперь я преподносила ему нечто

мне ненужное, давая возможность сохранить лицо и видимость победы. Ах, интриган Цезаре кое-чему меня научил.

Защитный пузырь съежился настолько, что мне пришлось сесть на корточки и вжать голову в плечи. Кракен размышлял, я дышала через раз, экономя воздух.

– Кара? – наконец пробасил он. – Красавица? Что ж, мне нравится твое предложение, Филомена.

– Чудесно.

– Ответь мне на вопрос: твой муж дож не знает, к кому отправил свою отважную догарессу?

– Дозорные сообщили о стае головоногов, – пробормотала я, отчаянно покраснев. – Думаю, тишайший Муэрто уже сообразил, что взрослых особей как минимум две.

– Он, наверное, сразу бросился заряжать пушки?

– Скорее всего.

– И ты собираешься вести нас на верную смерть?

– Ну ведь по мне супруг стрелять не будет. – Пленочка пузыря залепила рот, воздух кончался. – Я стану вашей заложницей и гарантией безопасности.

Огромное щупальце понеслось к моему лицу, изогнутый коготь полоснул у губ, разрывая пленку. Я оттолкнулась ногами от дна, кракен шлепнул меня, ускоряя подъем. И почти сразу же Кара обвила мою талию, вытаскивая на поверхность. Во рту было солоно, легкие горели.

– Спасибо, девочка! – проорала я, выпрыгивая из воды, как резвящийся дельфин. – Тебе дали имя, дорогая! Тебя зовут Кара – красавица. А малышей...

– Мы назовем без твоего участия, – голос кракена, раздавшийся в голове, погасил творческий азарт. – Посмотри на север, Филомена. Не твой ли супруг беснуется на палубе смешного суденышка?

Я повернула голову и узнала шапку, рог которой золотило почти закатное солнце.

– Плыви к нему, – разрешил Гипокампус, – пусть тебе помогут эти сумасшедшие дельфины.

– Вам не нужны заложники?

– Мне?

Я наконец-то обратила внимание на гулкий рокот, наполняющий пространство.

– Мне?!

На горизонте вздымалась к небесам огромная волна цунами. Она была выше гор, пугающая, неотвратимая.

– Это магия? – спросила я с испугом.

– Шмагия, – передразнил Гипокампус. – В случае опасности я спущу эту стихию на вашу безмятежную Аквадорату. И никто не сможет рассказать, что кракены не вымерли, потому что никого не останется в живых.

А если Чезаре успел дать приказ артиллерии? Я поплыла в сторону корабля.

– Помни, Филомена, слухов о вернувшихся кракенах быть не должно.

– Постараюсь.

– Еще постарайся сегодня провести ночь с супругом.

– Зачем?

– Затем, что быть замужней девственницей несколько странно. – Его хохот гулко клокотал в моей голове. – От тебя разит невинностью.

Разит ему, понимаешь. Нюх, как у вампира.

– И поскорее подари ему наследника, мужчины обожают хвастаться отпрысками. – Кракен на несколько секунд умолк, будто готовясь забавно пошутить. – Надеюсь, дож Чезаре не прикажет набить и его чучело.

– Какое веселое древнее чудовище, – сообщила я подплывшему дельфину. – Можешь проводить меня вон к тому кораблику?

– Всем закрыть глаза, – скомандовал Муэрто гвардейцам, когда я верхом на дельфине появилась в поле его зрения. – Филомена!

Он закутал меня в свой парчовый кафтан и оттащил от борта, свесившись через который, я благодарил своих помощников.

Я посмотрела в глаза цвета спокойного моря и улыбнулась:

– Волну вижу только я?

– Какую волну?

– Не важно. Как ты отдашь сигнал батарее?

– Фейерверком. – Чезаре кивнул в сторону Артуро, тот держал в руках картонный тубус.

– Стрелять нельзя. Синьор Копальди, будьте любезны передать ракету мне.

– Но, донна догаресса... – Помощник посмотрел на дожа и подчинился.

Фейерверк я бросила в воду.

– Синьоры, будьте добры оставить меня с супругом наедине.

– Все к корме, – скомандовал Чезаре и потащил меня на нос. – Рассказывай, тебя не было более пяти часов.

Притянув его за шею, я зашептала на ухо:

– Там кракен, понимаешь? Настоящий, волшебный, мифический. Тебе притащили его самку, и чудовище явилось за ней.

Мои губы касались мочки тишайшего супруга, и это ощущение странно будоражило. Его серенити дернулся, схватил за шею уже меня:

– Ты безрассудная...

Тело обмякло, прижимаясь к Чезаре. Я развернула его ухом к себе.

– Мы провели переговоры и пришли к соглашению.

Рассказ занял какое-то время. Собеседник, утомившись неудобной скрюченной позой, присел на борт, и теперь я оказалась зажатой мужскими коленями.

– То есть, – прошептал супруг, – над Аквадоратой в данный момент нависает чудовищное цунами?

Я не ответила, вопрос был риторическим.

– И что помешает кракену разрушить город?

– Осторожность. Бедствие такого масштаба, разумеется, будет замечено не только на материке и не только людьми. Гипокампус когда-то был скакуном Посейдона, но, видимо, его изгнали. Ты ведь знаешь о морском божестве?

– Разумеется, – фыркнул супруг, – только не говори об этом в присутствии монсеньора кардинала. То есть ты думаешь, кракен опасается наказания своего повелителя?

– Иначе он устроил бы Аквадорате небольшой конец света, как только обнаружил свою самку в водах нашей лагуны.

– Похоже на правду.

– Передай своему дожу, – раздалось в голове, – чтоб он перестал сомневаться, а занялся с тобой любовью.

– Синьор Гипокампус, – пробормотала я, – подслушивать неприлично.

– Скажи ему, что неприлично не трогать свою жену в плотском смысле. Или он у тебя слаб по мужской части?

– Силен! – разозлилась я. – Просто у людей это происходит несколько иначе, мы размножаемся только когда уверены, что встретили свою половинку...

– С кем беседуешь? – Холодная ладонь Чезаре потрогала мой лоб. – Со счастливым отцом? Он одаривает нас мудростью семейной жизни? Скажи ему...

– Сам скажи, он тебя слышит.

– О великий Гипокампус, – напевно начал дож, – мы приветствуем вас в безмятежной Аквадорате.

Речь была церемониальной и, хоть произносилась вполголоса, звучала солидно.

– Что он ответил? – спросил Чезаре.

– Ничего, – покраснев, соврала я. – Нет, синьор Гипокампус, я не буду это озвучивать. Ну хорошо, не угрожайте. Кракену любопытно, почему ты не вступил со мною в супружеские права. Он интересуется, достаточно ли я красива по человеческим меркам.

– Более чем, – кивнул Муэрто. – Женщин прекрасней не рождала наша благословенная земля. Но Филомена, о великий Гипокампус, сочеталась со мною браком под нажимом обстоятельств. Сердце ее отдано другому мужчине, и я не счел себя вправе надругаться над любовью.

Выслушав ответ, я поморщилась.

– Он спрашивает, почему ты до сих пор не убил соперника. У нас так не принято, синьор Гипокампус.

Солнце почти скрылось за горизонтом. Я озябла под холодной парчой камзола и спрятала ледяные руки на груди супруга.

– Кракен на время прощается, его семейство уже плещется в городских каналах. Нас просят не возвращаться в порт до рассвета.

– Я даже не захватил тебе одежду, – вздохнул Чезаре, – и у нас нет еды.

– Потерпим.

– Артуро, – позвал дож, – парни, на весла. Мы направляемся на Николло, заночуем там.

– Карантин, ваша серенити, – напомнил помощник. – Чума, городские суда не могут причалить к острову.

– Правь к пляжу, чтоб нас не заметили с причала, погаси все огни.

Наверное, в прошлом моему супругу приходилось быть контрабандистом, наверное, и синьор Копальди, и гвардейцы тоже промышляли. Они завели кораблик в лагуну, окруженную скалами с трех сторон. До берега Чезаре нес меня на руках. На пляже они быстро развели костерок, скрытый от острова валунами, а от моря – натянутой на каркас парусиной. Супруг отошел, а вернувшись, велел мне надеть под камзол его сорочку. Стало гораздо теплее, тем более что усадили меня рядом с огнем.

Мужчины негромко переговаривались. Двое из них, вооружившись деревянными пиками и сетями, отправились за добычей. Еще двое – на поиск дров. Артуро пробормотал, что нам нужна пресная вода, и тоже растворился в темноте. Мы остались у костра наедине с супругом. Это меня отчего-то встревожило.

– Где Чикко?

– Я отпустил ее поиграть в замковом камине.

При помощи пары-тройки наводящих вопросов я выяснила, в каком именно камине и не было ли у тамошней саламандры гребешка. Гребешка Чезаре не помнил, но спросил, почему эта примета так меня возбудила. Я ответила, что его легкомыслие вполне может одарить нас отвратительными метисами, потому что в камине обитает самец и моя мадженте после игрищ вполне может понести. На что супруг возразил, что мадженте-самца у меня нет, так что мне в любом случае придется плодить метисов.

Мы поговорили о помете кракена Гипокампуса, тоже полукровках. Я восторженно описала малышей. Дождь уточнил степень ядовитости их присосок и попросил меня снять одежду, чтоб осмотреть тело на предмет ран и ожогов. Я возразила, что чувствую себя прекрасно, но он настаивал и даже стал помогать разоблачаться.

Беседа велась самая шутливая, но голоса наши были хриплыми и прерывистыми. Это были игрища, те самые, после которых я могла понести. Я призналась Чезаре, что больше не люблю да Риальто, что вполне смогу со временем полюбить мужа и что не возражаю завести с ним светлоглазых малышей Муэрто.

После этих слов Чезаре перестал целовать мою шею и отстранился.

– Филомена, – голос его звучал глухо. – Прежде чем ты подаришь мне свое отважное сердце... Ты должна знать. У меня не может быть детей, я бесплоден.

И Чезаре поднялся на ноги.

– Винченцо, что там с рыбой? Мы умираем от голода.

Он ушел, потом появился гвардеец с уловом, и другой – с вязанкой сухих веток. Синьор Копальди прислонил к валуну пузатый бурдюк.

– Ревешь? – спросил кракен. – Не отвечай, а то другие заметят слезы. Ну и чего рыдать? Ну бесплоден этот, подумаешь. Найдешь другого плодovитого самца для брака и продолжения рода. Нет? Подожди, твои мысли скачут. Мне трудно их понять. Ты плачешь не из-за того, что чадолюбива, а потому, что тебе жалко Чезаре?

– Ну да, – прошептала я и поднялась, чтоб побродить в одиночестве по пляжу.

Одиночество было относительным, так как в голове моей все еще болтал Гипокампус.

– Для мужчины бесплодие является самым страшным проклятием. Не реви. Вокруг нет людей? Тогда реви. И не вздумай демонстрировать мужу свою жалость! Ты его этим оскорбишь.

– А что тогда делать?

– Ты хочешь совета от моллюска?

– От древнего существа. Нет, не так. От мудрого древнего мужчины.

– Тогда я скажу тебе, догаресса Филомена, что дети – не главное. То есть они важны, но дети вырастают и покидают родителей, и те остаются наедине друг с другом. Есть такая штука – пара, когда две части составляют одно целое.

Я это знала, конечно, знала. Но как донести свое знание до Чезаре? Словами, дурочка. Просто скажи мужу, что останешься с ним, что будешь ему верна, что будешь любить его и почитать всю свою смертную жизнь. У вас будет десяток племянников и племянниц, когда братья твои переженятся и заведут потомство. У вас будет большая шумная семья в любом случае. Родственники тишайшего Муэрто станут и твоими, а твои – его.

Я остановилась.

Погодите, у Чезаре есть братья? Сестры? Живы ли его родители? Ты, Филомена, ничего не знаешь о муже, но уже придумала, как его

осчастливить. Твоя любовь? Предположим. А любит ли тебя Чезаре? Он – твоя пара, а ты для него?

Кракен уже довольно долго молчал, я позвала:

– Гипокампус, ты где?

– В Аквадорате, – срифмовал он, изменив ударение в слове. – Жру.

– А Кара?

– Разумеется, рядом. После того как малышка получила имя, она умнеет прямо на глазах. Не отвлекай меня, смертная. С первыми лучами солнца мы покинем лагуну.

– А волна?

– Честно говоря, – кракен хихикнул, – я развеял ее, как только стемнело. Держать и посылать цунами на ваш городишко было довольно сложно.

– Спасибо. Передавай привет супруге, не буду мешать.

Он не ответил. Я пошла к костру, над которым уже жарилась рыба. Мужчины сидели плечом к плечу и подвинулись, освобождая мне место. Дожа с ними не было, золотая шапка украшала голову синьора Копальди. На мой вопрос он ответил, что его серенити отправился в гарнизон, чтоб отменить приказы батарее.

И мы стали есть, запивая ужин водой из бурдюка. Потом меня укутали поверх парчового кафтана в гвардейский плащ. Угревшись, разморенная от сытости, уставшая, я слушала занимательные истории, которые принято рассказывать у костра, и незаметно для себя уснула.

Во сне я плыла в аквамаринových водах Изолла-ди-кристалло, кварцевые верхушки прибрежных скал нестерпимо блестели. Я опускала лицо, чтоб рассмотреть косяки золотых рыбок у самого дна и причудливые изгибы подводных растений.

– Мы уходим, – разнесся над лагуной низкий мужской голос. – Прощай, догаресса Муэрто.

И ему вторил другой, женский:

– Догаресса Филомена... спасибо...

Я открыла глаза. Его серенити безмятежно спал рядом, укрывшись половиной моего плаща и используя мои волосы вместо подушки. Он устал, черты лица заострились, на подбородке темнела щетина, напряженно сжатые губы обветрились.

Легонько поцеловав Чезаре в рот, я заставила их расслабиться.

Сдавайтесь, ваша безмятежность, ваша супруга влюбилась в вас и приложит все силы, чтоб добиться ответного чувства.

* * *

Чумной колокол не прекращал звонить ни на мгновение. Донна да Риальто была напугана. Не просто напугана. Все ее существо наполнял ужас. При горничных, она, разумеется, держала себя в руках. Пфф... Ну чума, и что? Не в первый и не в последний раз. Отставить истерику, синьорины. Все мы умрем, кто-то раньше, а кто-то позже. Если Констанс не прекратит вопить, она отправится к праотцам немедленно, и отнюдь не от чумы. Все, успокойтесь. Теперь ступайте в свои спальни и молитесь. Потому что больше ничего нам не остается. Ну же, ступайте.

Все двери дворца были заперты при первых же звуках страшного набата, и Маура больше всего боялась, что с Карлой что-нибудь случилось. И Филомена. Горничных с донной да Риальто заточили в апартаментах, не позволив ей вернуться к догарессе. Никто ничего не объяснил. Чумной протокол, донна. Мы следуем чумному протоколу.

Филомена с дожем, под защитой супруга, она, Маура, под защитой дворцовых стен и отрядов стражи. Карла. Где ее Таккола?

Она явилась после заката. Одна из стенных панелей фисташковой гостиной, пространство которой было уже сотни раз измерено шагами донны да Риальто, отъехала в сторону, впуская потрепанную и мокрую синьорину Маламоко.

Маура бросилась к ней обниматься:

– Ты ранена?

– Панеттоне, малышка, ты в порядке?

Вопросы раздавались одновременно, и ни одна из девушек не отвечала. Маура ощупала подругу. Рукава узкого платья были разорваны, на предплечьях виднелись синяки и набухали пузырьки ожогов, и длинная алая полоса пересекала лицо от виска к подбородку.

– Таккола! Это чумные бубоны? – Голубые глаза девушки округлились от ужаса, но рук она не убрала.

– Нет, – фыркнула Галка. – В водах Гранде-канале кишат какие-то мелкие твари, чьи щупальца, видимо, ядовиты.

– Смертельно ядовиты? – Маура достала из своего сундучка пузырек с мазью и стопку чистых льняных тряпиц. – Нужно их обработать. Раздевайся.

– Глупости. Эта мелкота жжется не сильнее медуз. Само пройдет.

Маура вздохнула. Подруга не любила раздеваться, она, кажется, стеснялась своего тела. Забавно, они с Филоменой обе выросли на островах, где к наготы относятся не в пример проще, чем в столице. И такая разница в привычках.

– Садись, – велела командирша, – я помажу тебе руки и рану на лице. Ты пересекла канал вплавь?

Карла присела на диван и позволила себя лечить.

– Мою гондолу буквально разбило в щепки какое-то морское чудовище, так что да, пришлось заканчивать путь вплавь. Кстати, не мою, а твою гондолу.

– Пусть это будет наша единственная потеря, – улыбнулась да Риальто. – Ты сражалась с чудовищем?

– Оно меня не преследовало.

– Как обстоят дела снаружи? – Маура наносила мазь жирными мазками. – Ты видела мертвые тела и команды чумных докторов?

– Город будто вымер, Панеттоне. Площадь Льва патрулирует отряд стражи, которой велено не подходить к воде. По крайней мере, именно это не устают повторять их капитан.

Карла зевнула.

– Когда раздался чумной набат, директриса велела немедленно запереть все двери и окна, пришлось постараться, чтоб выскользнуть из школы незаметно и дожидаться темноты.

– Тебе нужно отдохнуть, – решила Маура. – Утром его серенити обязательно расскажет, как нам следует действовать дальше.

– Он еще не обратился к гражданам?

– Я вообще не поняла, что происходит. Мы присутствовали на заседании Мусорного Совета, я отлучилась буквально на несколько минут...

– Кто отдал приказ звонить в колокол?

– Не знаю. Но говорят, что дож с догарессой отправились совершать молитву для избавления от чумы.

– Куда?

Панеттоне пожала пухлыми плечиками и помогла подруге подняться:

– Идем в спальню, дорогая, беседовать можно и лежа.

Их кровати стояли у противоположных стен, но сейчас обе девушки устроились на ложе Карлы, чтоб не напрягать голос и слух.

– Что теперь будет? – вздохнула Маура. – Сколько продлится этот страшный мор и скольких он заберет?

– Предполагаю, что недолго.

– Что?

– Не похоже это на чуму, Панеттоне, нисколечко, а похоже на дерзкую авантюру в духе нашего тишайшего Муэрто.

– Филомена рассматривала вариант с чумным набатом, – припомнила блондинка.

– И я о том же. Наши безмятежные супруги мыслят в одинаковом ключе.

– Они прекрасная пара.

– На удивление.

Маура устроила свою головку на плече Карлы и смотрела в потолок.

– Я плохая подруга, Таккола. Я должна радоваться, что Филомена нашла свое счастье в браке, а вместо этого злюсь и страдаю. – Девушка помолчала. – А еще мне стыдно от постоянного вранья и утаивания. Сегодня, когда я решила, что дни мои сочтены, что из-за чумы я потеряю кого-нибудь из вас или обеих, я пообещала себе... – Маура всхлипнула. – Когда Эдуардо пришел к батюшке просить дозволения ухаживать за синьориной Саламандер-Арденте, тот сделал вид, что слышит имя Филомены впервые, изобразил сомнения и раздумья. Я так потешалась над дурачком Эдуардо. Он всегда был ведомым, даже не понял, как хитроумно я подготовила его к первой встрече с моей подругой.

– Ты действовала по указке командора?

– Разумеется. Он отправил меня в «Нобиле-колледже-рагацце» только затем, чтоб сблизиться с Филоменой. Мне даже пришлось заплатить управляющему, чтоб оказаться с синьориной Саламандер-Арденте в одном дортуаре. – Панеттоне шмыгала носом и размазывала ладонью слезы. – И сначала я чувствовала себя такой сильной, такой хитроумной... А потом... Карла, я полюбила эту рыжую дурочку,

такую отважную и наивную. Эдуардо... Ты не подумай, он вовсе не подлец и не чудовище, он просто слаб и подвержен чужому влиянию. Я утешалась мыслью, что Филомена с ним сможет быть счастлива. Он же красавец, правда? А женщины любят красавцев. Батюшка щедр, Филомена управляла бы из-за плеча супруга какой-нибудь малой эскадрой, плела бы торговые интриги и подсчитывала барыши. Она загнала бы братца под каблук, как делали это многие женщины нашей семьи со своими мужьями.

– Зачем командору Филомена? – спросила Карла.

– Не знаю, батюшка мне не рассказал, там какие-то вопросы наследования. Теперь, когда Эдуардо так сглупил и брак их стал невозможен...

– ...на игровой доске появится сестренка да Риальто? Командору не важно, кто именно из Саламандер-Арденте войдет в его семью?

Маура ахнула и повернулась к подруге, опершись на локоть.

– Ты все знаешь?!

– Не все, – грустно улыбнулась Карла. – Кого именно из рыжих братьев нашей Львицы прочат тебе в мужья?

– Капитана Филомена. Батюшка решил, что время не ждет, а прочие братья бывают в столице редко.

– Понятно. И благодарственный бал организовывается лишь для того, чтоб ты смогла без помех очаровать изголодавшегося по женской ласке капитана?

– В твоих устах это звучит гадко.

– Потому что гадким, по сути, и является.

– Я не могу противиться отцу! Можно подумать, ты своему перечишь. Или пузан-губернатор догате Негропонта – твой личный выбор?

Карла потрепала Мауру по мокрой щечке:

– Он не пузан, по крайней мере если верить его парадным портретам. Во всем прочем ты, Панеттоне, права. Мы обе – заложницы планов родителей.

Они помолчали.

– Мы можем сбежать, – предложила синьорина да Риальто, – ты и я, вдвоем. У меня есть кое-какая недвижимость на материке.

– Которой мы не сможем воспользоваться без разрешения командора.

– Ты предлагаешь подчиниться и всю оставшуюся жизнь страдать с нелюбимыми? Тосковать в разлуке друг с другом?

– Я предлагаю подождать. – Карла обняла блондинку за плечи и уложила на постель, прижимая к себе. – У нас есть время до окончания школы.

– А потом ты уплывешь.

– Я вернусь, обещаю.

– Когда я уже выйду замуж?

– Ты не выйдешь.

– Ты сможешь избавить меня от этого?

– Панеттоне, дурочка моя, как бы тебе не пришлось об этом пожалеть. Дай мне немного времени.

– Как?

– Потерпи, я все тебе расскажу.

Они заснули, обнявшись.

А наутро в спальню, подобно рыжему вихрю, ворвалась ее серенити Филомена:

– Значит, так, рагацце. У нас две проблемы: Чикко, кажется, пропала, и я влюблена в Чезаре.

– Что? – воскликнула донна да Риальто. – Карла, ты это слышала? Карла!

Девушка вскочила с постели, растерянно озираясь, ринулась в ванную, заглянула в гостиную и остановилась, бессильно опустив руки.

– Где Таккола?

Филомена подошла к прикроватному столику, на котором белел лист гербовой дворцовой бумаги.

– Проблемы все еще две, – проговорила она, прочитав послание. – Чикко у донны Маламоко, значит, практически нашлась.

– Но?

– Но Карла сбежала. В прощальной записке она просит нас не делать глупостей и по возможности скрыть ото всех ее шестинедельное отсутствие.

– Таккола написала, зачем ей саламандра?

– Нет. – Филомена задумчиво постучала по письму кончиками пальцев. – Как странно.

Догаресса подошла к окну и резко раздернула шторы.

– Куда она могла уйти? – сокрушалась Маура. – И, главное, зачем?

– На твой второй вопрос ответа мы, наверное, не получим. Это ведь Маламоко, будущая великая шпионка Аквадораты.

– А на первый? – Панеттоне приблизилась к окну, заглядывая через плечо догарессы.

Филомена повела подбородком, указывая подруге на открывающуюся перед ними гладь моря, на которой к рассветному солнцу устремлялась эскадра забавных пузатых корабликов:

– Пока она направляется на восток. Не думаю, что ее цель – Витланд. Скорее всего наша Карла покинет кнорр в ближайшем порту.

– Она вернется?

– Непременно.

Маура всхлипнула. Филомена обняла ее за плечи:

– Не грусти, милая, шесть недель пройдут как одно мгновение. У нас куча дел, требующих решения, и сейчас, без Карлы, нам придется прилагать еще больше усилий.

Донна да Риальто втянула носом воздух, потрянула белокурой головкой и решительно изрекла:

– Для начала мы разберемся с твоей новой любовью.

Эпилог

Князь Лукрецио смотрел на донну Паолу Раффаэле, сидящую перед ним в резном кресле библиотеки палаццо Мадичи, безо всякого аппетита. Да, хороша, да, неплохо сложена, но чего-то недостает. Лоска? Аристократизма? Влажные карие глаза, густые темно-русые волосы, лицо в форме сердечка... кажется, такие мордашки были в моде лет семьдесят назад.

Но что ему мода? Желто-красное богатое платье синьорине не шло, яркие цвета ткани заставили кожу казаться бледной и болезненной, квадратный вырез избыточно открывал острые ключицы, а складки у талии нелепо топорщились. Кажется, фрейлина догарессы чем-то немало досадила портнихе, раз та настолько постаралась. К тому же синьорина Раффаэле пахла. То есть ей, видимо, казалось, что ароматная розовая вода скрывает резкий запах ее тела, но чуткий вампирский нос страдал как от первого, так и от второго. Девушка совсем недавно прикладывала немалые физические усилия. Она гимнастка? Пальцы пахнут каменной крошкой и влажным мхом, которым заросли все окрестные здания.

Ну конечно. Она вылезла через окно «Нобиле-колледже-рагацце», чтоб открыть для своих подруг забранную засовами дверь черного хода. Запах ржавчины. Запертую и заколоченную.

– Итак, синьорина Раффаэле, – кивнув, прошелестел князь, – мне не терпится услышать о причине вашего ночного визита.

Прочие ученицы, предпринявшие вылазку со своей предводительницей, щебетали сейчас в гостиной. Их развлекала сиятельная Лукреция, сестра князя. И только богу известно, чем это развлечение могло закончиться для юных дурочек.

– Я хочу преподнести вам подарок. – Паола растянула губы в улыбке.

– Парочку свежих молодых девиц?

Улыбка синьорины стала хищной.

– О нет, ваше сиятельство, свежати́на – вовсе не дар, а всего лишь демонстрация моего к вам почтения и дружеского расположения.

Однако за последние пятьдесят лет аквадоратские дамы немало опростились. Наглая чертовка, она воображает, что может торговаться с экселленсе?

Красивое лицо вампира оставалось неподвижным, он молчал, побуждая собеседницу продолжить.

– Вы хотите Филомену?

– Простите? – Лукрецио приподнял безупречную бровь.

– Желаете ли вы получить себе синьору Муэрто, догарессу безмятежной Аквадораты? – повторила Паола, хихикнув. – Ах, ваше сиятельство, бросьте изображать удивление, вам оно не идет. Я прекрасно знаю, что Филомена посещала вас, и, когда визиты прекратились, вы преисполнились грусти. Каждую ночь вы страдаете, обращая к равнодушной луне душеспитательные романсы.

Если бы вампиры могли краснеть, экселленсе в этот момент залился бы краской смущения. Он и предположить не мог, что его ночные песнопения над водами канала достигают окон «Нобиле-колледже-рагацце».

– Это и есть мой подарок. – Донна Раффаэле шутливо поклонилась. – Берите свою ненаглядную, тащите в свое логово, ешьте ее, пейте, обращайтесь, – в общем, творите с ней все, чего захочет ваше сиятельство.

Князь поморщился:

– Вы принесли серениссиму в кармане?

– Разумеется, нет. – Паола пожала плечами. – Вам придется самому явиться за подарком. Но, поверьте, труда это не составит. Наша донна догаресса уже некоторое время лишена одной из своих фрейлин, той самой чумазой Маламоко, которая сопровождала Филомену во время визитов к вашему сиятельству. Куда она делась, не знает никто. Маура с Филоменой тщательно скрывают отсутствие своей третьей подруги.

Экселленсе кивнул, наконец заинтересовавшись. Теперь ему стала известна причина, по которой Филомена прекратила общение. Маламоко могла ему противостоять, одна из немногих в Аквадорате. Лишившись ее защиты, догаресса опасалась наносить визиты в палаццо Мадичи.

– Также пропала зловредная ящерица нашей догарессы. – Раффаэле интерес собеседника ощутила, глаза ее победно блеснули. –

Препятствий для вас не осталось. Но это, ваше сиятельство, всего лишь пролог к моему плану. Похищения супруги его серенити вам не спустит.

Увлекаясь, синьорина Паола начала допускать в своей речи просторечные обороты. Князь мысленно сокрушался о недостатке воспитания современных дам.

– Поэтому нам нужно направить погоню по ложному следу. – Раффаэле выдержала многозначительную паузу и добавила: – Вам известно об интрижке тишайшей Филомены с наследником да Риальто? Не отвечайте, вряд ли эта... догаресса поверяла вам тайны сердечные. Верьте мне на слово. Интрижка была, дож о ней знает, и, если Филомена исчезнет из дворца в ту же ночь, когда Эдуардо да Риальто отплывет из Аквадораты, подозрение падет на него.

– Когда отбывает синьор губернатор?

– Сразу после бала, – ответила Паола. – На острове да Риальто грядет пышное торжество. Я постараюсь, чтоб щебет наших влюбленных не остался незамеченным. Если наутро Филомену не обнаружат в ее постели, никто не удивится.

– Коварный план, – одобрил экселленсе. – И щедрый дар.

Донна Раффаэле довольно усмехнулась.

– Вынужден от него отказаться.

– Что? – Ротик Паолы приоткрылся, нижняя губа съехала, приоткрывая неровные зубы. – Мне не послышалось?

– Никто не будет таскать вам каштаны из огня, драгоценная... то есть синьорина. Ваша выгода в этой аванюре понятна, моя – сомнительна. Вы получите тишайшего Муэрто в полное владение, я – строптивую пленницу, которая очень скоро мне наскучит. Мой ответ – нет. И позвольте на прощание дать вам совет. Если вы желаете непременно стать догарессой безмятежной Аквадораты, относитесь к гражданам бережливо. Отдавать соучениц на кормление вампирского гнезда – низость, простительная портовой девке, но недостойная правительницы.

Он поднялся из кресла, кивнул и вышел за дверь, не обернувшись.

– Я все слышала, – сказала Лукреция, возвращаясь к нему после того, как проводила учениц к выходу из палаццо. – Не думала, что экселленсе Мадичи откажется от шанса щелкнуть по носу выскочку дожа.

- А я отказался?
- Хитроумная синьорина Раффаэле решила именно так.
- Она глупа.
- Однако ей хватило ума подбросить тебе наживку.

Князь посмотрел в лицо сестры, так похожее на его собственное.

- И я ее проглотил.

Они молчали, их неподвижные красивые лица не выражали ничего.

– Какая скука! – вздохнула наконец Лукреция. – Жду не дождусь возможности опять погрузиться в сон лет эдак на двести, чтоб здесь сменилось уже несколько поколений. Может, потомки смогут меня развлечь.

- Скоро, дорогая, уже скоро...

Экселленсе прислушался. То, что заставило его воспрянуть ото сна, никуда не делось. Оно приближалось.

* * *

Горничные расчесывали рыжую гриву догарессы в ее изумрудной спальне. Главная фрейлина донна да Риальто наблюдала за процессом, стоя за плечом Филомены.

– Монсеньор кардинал во время торжественного обеда поинтересовался у дожа, когда наши тишайшие супруги планируют одарить нас наследником.

Догаресса встретила взглядом с Маурой в зеркале:

- Что ответил Цезаре?

– Что зарок, данный тишайшими супругами в молельне острова Николло в честь избавления Аквадораты от чумы, заставляет их не разделять ложе. И что мы, слава богу, не монархия, а республика, поэтому вопросы личных синьора Муэрто наследников кардинала интересоваться не должны.

– Хороший удар, – кивнула Филомена. – Его высокопреосвященство забывается.

– Он до сих пор не может смириться с тем, что молитвы ее серенити подействовали.

- Это потому, что он не успел приписать победу своим.

Идея страшных зарок и отдельных постелей принадлежала догарессе. Слуги подготовили ей спальню, в которой она каждый вечер запиралась в одиночестве. Тайных панелей в ней не было, окно выходило во двор, где располагалась караулка ночной стражи.

Когда Маура поинтересовалась у подруги, когда та допустит к себе мужа, синьора Муэрто ответила, что для начала ей нужно разобраться в себе и понять, любовь ли то, что она испытывает к Чезаре, или просто страсть. Когда донна да Риальто вопрос повторила, ей ответили, что Филомене нужно узнать супруга поближе, чтоб решить, влюблена она в некий воображаемый образ или в живого человека.

Раздумья и разбирательства не мешали донне догарессе беситься от ревности. Донна Раффаэле и донна Сальваторе появились во дворце на следующий день после чумной авантюры. И первая не погибла под взглядами аквамариновых очей лишь потому, что взгляды не убивают.

Они теперь плыли в «Нобиле-колледже-рагацце» и обратно на двух дворцовых гондолах, время пути Филомена посвящала беседам с синьором Гаруди, который, как она узнала, некогда ходил с капитаном Муэрто по теплым южным морям.

Аквадоратская Львица втемяшила себе в голову, что должна узнать об обожаемом Чезаре как можно больше. И вовсе не для того, чтоб решить, достоин ли он ее чувств. Она, дурочка, хотела стать достойной его.

Дождь, кажется, пребывал в растерянности. Или был обижен. Синьор Копальди, которого Маура попыталась осторожно о его серенити расспросить, только хмыкал и советовал не вмешиваться в семейные ссоры.

«Скорее бы вернулась Карла, – думала Маура, желая догарессе спокойной ночи. – Завтра во дворец явится капитан Саламандер-Арденте, и я должна попасться ему на глаза. Или должна не попасться? Что делать?»

* * *

Тишайший Муэрто веселился. Вино лилось рукой, девицы самого легкого поведения хохотали, музыканты терзали струны, акробаты

через раз падали, отбивая хлеб у клоунов. Все были пьяны. Все, кроме хозяина.

– Чезаре, – шепнул синьор Копальди, склоняясь к плечу дожа, – вечерний туалет донны Филомены закончен, горничные удалились.

– Зачем мне это знать? – Его серенити посмотрел на огонь свечи сквозь бокал. – Или прикажешь брать спальню собственной супруги приступом?

– Поговори с ней.

– Однажды я это уже сделал. И что? Услышав о моем изъяне, синьорина в ужасе сбежала.

– Это твои домыслы.

– У нее отдельная спальня.

– Ей пришлось импровизировать! Когда на причале нас встретил кардинал Мазератти со свитой, она быстро сориентировалась, сообщив во всеуслышанье, что вы с ней молились об избавлении Аквадораты от чумы и что море послало спасение.

– Для демонстрации наших успехов хватило бы и чистых каналов! Кстати, мусорщики принесли деньги?

Синьор Копальди кивнул:

– Все до базанга.

– Конечно, за пару месяцев мы загадим воду до прежнего состояния, но пока на нее любо-дорого посмотреть.

– Чезаре!

– Ладно, уговорил. – Дожд поднялся из-за стола. – Нанесу тайный визит дражайшей супруге.

Артуро уклонился от объятий веселой Коломбины и последовал за хозяином. Гвардейцы ночного караула на первом этаже отдали им честь.

– Я дам ей развод, – бормотал Чезаре. – Она уже сделала для нашего города больше, чем любая из предыдущих догаресс, и заслужила награду. Мы разведемся, синьорина Саламандер-Арденте найдет себе другого мужа, который сможет одарить ее целым выводком рыженьких саламандр...

Синьор Копальди не возражал этому бреду. Развод? После того как граждане превозносят имя донны догарессы на каждом углу? Она – символ Аквадораты. Она прогнала из лагуны морское чудовище, ее молитвы избавили город от чумы, она прекрасна и добродетельна.

Отпустив от себя супругу, Чезаре поставит на себе крест. Сейчас, если бы дожа выбирали все граждане, а не избранные патриции, народ избрал бы Филомену.

– Я поступлю благородно... – Дождь резко обернулся к спутнику. – Какого черта ей понадобились дети?

Артуго не отвечал. На самом деле, нужны или не нужны наследники донне догарессе и когда именно, он не знал. Детей хотел Чезаре и теперь проецировал свое желание на Филомену.

Они поднимались по лестнице на второй этаж, и синьор Копальди придержал дожу за локоть.

– Ты слышишь?

– Что? – Чезаре повернул голову.

– Кто-то крадется внизу.

Перегнувшись через перила, они узрели двух синьорин, облаченных в красно-желтые платья фрейлин.

– Ваша серенити! – ахнули девушки, приседая в реверансе.

Донна Раффаэле и донна Сальваторе явно возвращались после тайной вылазки.

Артуго строго поинтересовался, что именно они делали за пределами дворца. Паола, запрокинув голову, стрельнула глазками на дожу:

– Мы тренировались, ваша безмятежность, придворная жизнь слишком малоподвижна.

Бьянка согласно кивала, потупив взор. Маркизета синьору Копальди нравилась, она была гораздо ярче и живее подруги. Сейчас она казалась слишком бледной, зябко дрожала, придерживая у горла ворот плаща. В душную летнюю ночь это было несколько странно.

– Умоляю, – ворковала Паола, – не сообщайте о нашем проступке главной фрейлине да Риальто.

– Тем более что визит к Филомене планировался тайным, – пробормотал Чезаре. – Не дворец, а проходной двор.

– Тем более, – разнеслось строго, – что донна да Риальто сама об этом узнала.

Маура появилась на лестничном пролете, запахивая полы шелкового ночного халата.

– Ваша серенити, синьор Копальди. – Она кивнула, отчего ее белокурые локоны рассыпались по плечам. – Синьорины, извольте

проследовать ко мне.

Донна Раффаэле прожгла начальницу злым взглядом, Бьянка пошатнулась. Артуро вертел головой из стороны в сторону. Донна да Риальто находилась выше на пол-лестничных пролета, фрейлины ниже, наблюдать за всеми одновременно не получалось. Чезаре, кажется, собирался сбежать. Вдруг из коридора второго этажа послышался грохот.

– Это в спальне Филомены! – вскрикнула Маура, и каблучки ее ночных туфель отбили дробь по паркету.

Чезаре преодолел оставшиеся ступени в два прыжка. Артуро ринулся за ним, слыша позади быстрые шаги донны Раффаэле.

Дверь изумрудной спальни была распахнута. Дождь вбежал в нее первым, отеснив на пороге донну да Риальто.

Под ногой Артуро хрустнул черепок разбитой вазы. Комната была разгромлена. Филомена стояла на кровати, прижимаясь спиной к стене, а на полу возились, сцепившись в смертельной схватке, двое мужчин.

– Пожалуйста! – закричала догаресса. – Они убьют друг друга!

Его серенити дерущихся проигнорировал. Он подхватил супругу на руки и понес из спальни.

– Артуро, где гвардейцы, черт их дерит?

– Не нужно стражи! – Филомена болтала в воздухе ногами. – Артуро! Нет! Чезаре, отпусти меня! Кракен тебя раздери, болван, отпусти князя! Князь, прекратите!

Синьор Копальди с некоторым усилием узнал в одном из дерущихся экселленсе. Дождь перебросил супругу на плечо и развернулся. Ему тоже стало любопытно.

– Ваше сиятельство! – радостно воскликнул он. – Какая неожиданная и приятная встреча!

– Стронцо Чезаре! – Филомена болталась вниз головой, ее волосы подметали пол. – Немедленно поставь меня на ноги! Это неприлично.

Дождь подчинился.

– Значит, дражайшая супруга, так ты исполняешь свой зарок? – Он оскалился, наклонился к дерущимся и с усилием растащил их, держа за волосы.

Второй мужчина был громадным бородачом, огненно-рыжим, с безумными синими глазами. Синьор Копальди расчетливо обхватил его

мощные плечи, удерживая от драки. Дождь помог подняться князю. Тот, оказавшись на ногах, пошатнулся и оперся о столбик кровати. Маура скользнула ближе к догарессе. Паола с Бьянкой стояли в дверях.

– Итак, – начал Чезаре, обведя всех собравшихся тяжелым взглядом, – я требую объяснений.

– Ваша безмятежность, – звонко сказала догаресса, – позвольте представить вам синьора Филомена Саламандер-Арденте.

Она осторожно, чтоб не наступить босой ногой на осколки, пересекла комнату и взяла громилу за руку.

– Поклонись зятю, болван.

Этот едва слышный шепот разобрал лишь тот, к кому он был обращен, и Артуро, стоявший ближе всех.

Капитан кивнул:

– Ваша серенити, прошу извинить мне это вторжение. Я прибыл в Аквадорату после заката, новость о браке сестры настигла меня в портовой таверне...

– Лишние подробности, – перебил дождь. – Зачем вы притащили в спальню догарессы его сиятельство?

– Позвольте объяснить мне, – прошелестел экселленсе.

– Уж будьте любезны.

– До меня дошли слухи, что на донну догарессу готовится покушение...

Речь князя прервал шум в коридоре. Синьору Копальди пришлось выйти, чтоб сообщить гвардейцам, что все в порядке, но они, нерадивые охранники, будут строго наказаны. А также чтоб велеть горничным зажечь свет в смежных покоях и принести туда вина и закусок, а слугам – прибраться в спальне.

– Перемещаемся, – решил его серенити и вышел в коридор, схватив за руку жену.

Они расположились в янтарной гостиной, заняв стоящие полукругом у камина кресла. Причем и донна Паола, и донна Бьянка тоже решили присутствовать. Донна да Риальто, отчего-то утратившая свою обычную властность, ничего на это не возразила. Она не отрывала взгляда от синьора Саламандер-Арденте, и этот взгляд был полон ужаса. С некоторым неудовольствием Артуро заметил, что еще одна синьорина смотрела на рыжего моряка. Это была маркизета Сальваторе.

– Итак, – сказал дож, когда слуги сервировали низкие столики вином и закусками и удалились, – начнем с самого начала. Князь Мадичи, до вас дошли слухи, и вы отправились к моей жене.

– Всего лишь с желанием уберечь ее серенити от беды. – Экселленсе прижал к груди белые ладони. – Я существо ночное, и отдежурить до рассвета у окна серениссимы не составит мне труда. И представьте мое праведное возмущение, когда ваш, тишайший Муэрто, родственник...

– Ты карабкался по стене, – перебил капитан. – Когда я пытался привести в чувство оболваненных стражников в караулке, ты лез в окно Филомены!

– Артуро, допроси гвардейцев! – скомандовал Чезаре. – Не сейчас, успеется. Продолжай, дорогой шурин. Неужели ты полез следом?

– Разумеется! – Сквозь бороду блеснули крепкие зубы. – По этим дурацким лианам, что оплетают фронтон. И был достаточно расторопен, чтоб кровосос не успел вонзить клыки...

– Рыбья кровь! – взвился экселленсе. – Соображай, с кем говоришь!

– Простите моего родственника, ваше сиятельство, – хихикнул дож. – Островитяне – ребята простые, они вряд ли могут себе вообразить, что где-то представители вашего вида могут являться почетными гражданами, достойными патрициями и аристократами. Я ведь прав, Филомен?

– Правы, – кивнул моряк. – Мне не стоит тыкать именно этому кровососу? Потому что, если существо сосет кровь, оно кровосос.

– А ты наглец!

– Не поспоришь, – согласился синьор Саламандер-Арденте. – Теперь, когда мы выяснили, кем являемся, может, объяснишь, что собирався делать в спальне приличной девушки, то есть благонаправной синьоры? Филомена, ты ведь благонаправна?

Догаресса заверила, что сверх всякой меры.

– Мне послышалось, что серениссима зовет на помощь, – сказал экселленсе.

Все посмотрели на Филомену, та пожала плечами.

– Иногда я говорю во сне. Синьоры, час поздний, мне кажется, мы могли бы закончить нашу беседу. Его сиятельство ошибся, мой брат тоже, а супруг не так понял обоих.

– С давних пор, – прошелестел вампир, – семья Мадичи была ночными господами Аквадораты. Сильные и бесшумные, мы охраняли покойный сон горожан, безопасность правителей. Поведение синьора Саламандер-Арденте оскорбляет вековые устои.

Капитан тряхнул рыжей гривой, будто сбрасывая наваждение.

– Ловко! То есть покушение на честь замужней синьоры вековых устоев не рушит?

– Покушения не было!

– Это решать не вам, экселленсе, – сказал дож. – Оскорбленная сторона здесь именно я. Дражайшая супруга, вы рано начали собираться, нам с вами предстоит долгая беседа наедине. Синьоры, синьорины, надеюсь на вашу скромность и на то, что никакие подробности сегодняшнего приключения не достигнут посторонних ушей. Если пойдут сплетни, я буду знать, кого в них обвинить. Его сиятельство очень вовремя напомнил нам о древнем институте ночных господ, который, по счастью, именно сегодня на закате был возобновлен. Князь Мадичи, вы и члены вашего гнезда отныне каждую ночь будете патрулировать улицы безмятежной Аквадораты наравне со стражниками. Гражданам пора перестать бояться наших вампиров.

Князь кивнул, на его бледном лице не дрогнул ни единый мускул.

– Дорогой шурин, – продолжал Чезаре, – рад приветствовать тебя в столице. Донна да Риальто, фрейлина моей супруги, займется твоим устройством. Утром явись в мой кабинет для разговора. Синьоры, синьорины, теперь оставьте нас с донной догарессой.

Когда все покидали янтарную гостиную, тишайшие супруги смотрели друг на друга столь свирепыми взглядами, что воздух между ними искрился.

– Он вроде неплохой парень, ваш дож? – Филомен пихнул в плечо Артуро. – Я уже успел вообразить себе согбенного старца с крючковатым носом, пока несея от таверны к площади Льва.

– Синьор Саламандер-Арденте, – Бьянка заглянула в лицо капитана, – я провожу вас в апартаменты.

Паола о чем-то говорила с князем, увлекая его по коридору.

– Грядет скандал, – задумчиво прошептала Маура, опираясь на руку синьора Копальди. – Скандалище.

– Не первый и не последний, Маурина. И все их мы переживем.

И они отправились каждый по своим делам. Кто-то спать, кто-то заканчивать дневную работу, а кто-то строить новые коварные планы и плести сети интриг.

Потому что жизнь человеческая похожа на море: огромна, непредсказуема и волшебна прекрасна.

notes

Примечания

1

Ньяга – венецианская маска в виде кошачьей морды.

2

Вольто – название венецианской маски, изображающей лицо.

3

Панпепато – круглый сладкий итальянский пирог.

4

Ретирада – отступление.